

Министерство культуры Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 81

Душа и слава

**МАТЕРИАЛЫ
Михайловских Пушкинских чтений
(2019–2020)**

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2021

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

М 341

Серия основана в 1996 году.

М 341 **Душа и слава : материалы Михайловских Пушкинских чтений : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2021. — 272 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 81).**

ISBN 978-5-94595-108-2

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы Михайловских Пушкинских чтений, проходивших в Пушкинском Заповеднике в 2019–2020 годах.

Традиционные научные чтения, приуроченные к годовщине приезда поэта в михайловскую ссылку, охватывают широкий круг тем: уточненные сведения биографии А.С. Пушкина, развитие и отражение пушкинских тем в разных видах искусства, роль Псковской земли в творческом и духовном становлении поэта, история Пушкиногорья в разные периоды и другие.

В качестве дополнительных в сборник включены неопубликованные материалы VIII научно-практических чтений по проекту «Библиотека в усадьбе» 2019 года.

Издание предназначено для специалистов в области истории, краеведения, археологии, музеиного дела, литературоведения, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина в настоящем сборнике приведены по изданию: *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.* Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

**ISBN 978-5-94595-108-2
(Пушкинский Заповедник)**

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2021

Настоящий выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» содержит материалы августовских Михайловских Пушкинских чтений, проходивших в Пушкинском Заповеднике в 2019 и 2020 годах.

По традиции яркие даты и юбилейные события этих лет определили тематику и содержание конференций.

В 2019 году исполнилось 220 лет со дня рождения А.С. Пушкина и 195 лет со дня приезда поэта в северную ссылку в Михайловское. К этим датам были приурочены чтения «...Душа в заветной лире...». На них были затронуты вопросы, связанные с пушкинским литературным наследием, нашедшим яркое отражение как в творчестве художников, так и в кино и в различных видах сценического искусства. Уточненные биографические сведения о Пушкине, касающиеся времени и маршрута следования ссылочного поэта из Одессы в Михайловское, роль Псковской земли в творческом развитии и духовном становлении Пушкина в период ссылки — эти и другие темы были предложены к освещению и обсуждению в рамках чтений.

Очередной годовщине приезда Пушкина в ссылку и, конечно, Году памяти и славы были посвящены Михайловские Пушкинские чтения 2020 года. Название конференции «...Во славу Руси ратной...», определенное строкой из пушкинского стихотворения «Олегов щит» (1829), предполагало обращение к героической истории Отечества. Это хороший повод вспомнить ратные подвиги русского народа, отраженные в документальных свидетельствах и военных мемуарах, в творчестве А.С. Пушкина и других отечественных литераторов, а также вспомнить беспримерный геройзм наших предков, внесших неоценимый вклад в Великую Победу над фашистской Германией 75 лет назад.

Другие исследования из области истории, пушкинистики, музейного дела, представленные в рамках чтений, читатель также найдет в настоящем сборнике.

В качестве дополнительных материалов в сборник включены неопубликованные доклады VIII научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» (2019).

*Эдуард Узенев,
ученый секретарь
Пушкинского Заповедника*

I. «...Душа в заветной лире...»

Материалы

Михайловских Пушкинских чтений (21–22 августа 2019 года)

Геннадий Антонов

ПРОЕЗД А.С. ПУШКИНА ИЗ ОДЕССЫ В МИХАЙЛОВСКОЕ В АВГУСТЕ 1824 ГОДА

История, география, хронология

Анализ проезда А.С. Пушкина из Одессы в Михайловское в августе 1824 года, основанный на данных «Летописи жизни и творчества...» М.А. Цывловского¹, показывает некоторые нестыковки по времени, касающиеся датировки отдельных событий. Хотелось бы поточнее знать, когда А.С. Пушкин проезжал через Чернигов, Чечерск, Полоцк и другие города, но каких-либо обобщенных исследований проезда поэта по всему маршруту до сих пор не проведено. Опубликованные на эту тему работы, в основном краеведческой направленности, носят фрагментарный характер, не содержат нового фактологического материала, им явно не хватает доказательности.

К теме проезда Пушкина из Одессы в Михайловское обращались многие известные пушкинисты (например: А.М. Гордин, в книге «Пушкин в Михайловском» (1970); Н.И. Грановская в очерке-путеводителе «Если ехать вам случится...» (1989)²; и ряд других). Но их исследования опирались на хронологическую канву той же «Летописи...», по сути являлись вторичными и особой научной ценности не имели.

¹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. В 4 т. / сост. М.А. Цывловский; подгот. коллективом под рук. Н.А. Тарховой; отв. ред. Я.Л. Левкович. Т. 1 (1799–1824). М., 1999. С. 415–421.

² См.: Грановская Н.И. «Если ехать вам случится...»: очерк-путеводитель. Л., 1989.

Особняком стоит труд П.П. Померанцева «Карта путешествий Пушкина». Следует заметить, что цели этого труда профессионального географа несколько другие. Одна из них — подсчитать, «сколько километров наездил Пушкин». Интересна информация о том, что по дорогам России с 1817 по 1826 год Пушкин проехал 9 000 км: в 1824 году из Одессы в Михайловское ехал уже весьма опытный путешественник.

За картографическую основу исследования П.П. Померанцев взял карту СССР масштаба 1:10 000 000, в конической проекции Каврийского, на которой он разместил географические объекты из атласов европейской части России первой половины XIX века. Такой подход давал весьма приблизительный результат. По этой причине Михайловское, как и Псков, оказались на Большом Петербургском тракте, который на самом деле пролегал восточнее. «...От Витебска дорога склонялась вправо (т. е. восточнее) на Сураж... далее Великие Луки до Порхова по чрезвычайно дурной дороге к станции Залазы, от нее к Луге... и далее к Петербургу»³. По этой же причине на карте Померанцева нет таких важных пунктов пушкинского путешествия 1824 года, как Шклов, Орша, Полоцк, Себеж, Опочка и других.

Приближающийся 200-летний юбилей этого путешествия дает повод более детально его проанализировать, чтобы создать реконструкцию пути, по которому ехал А.С. Пушкин.

В основу специально проведенного исследования был положен сквозной график проезда А.С. Пушкина из Одессы в Михайловское, опирающийся на имеющиеся достоверные факты.

Интуитивно пришла идея сначала произвести реконструкцию завершающего участка пути от Могилева до Михайловского. Этот участок хронологически более точно просчитываем. Выбор Могилева в качестве исходной географической точки для исследования обоснован тем, что дата и время выезда Пушкина из него принята профессиональными пушкинистами в качестве официальной версии: «в 5-м часу утра, 8 августа 1824 года».

По данным упомянутой «Летописи...» завершающий участок маршрута проезда Пушкина из Одессы в Михайловское пролегал через: Могилев — Шклов — Оршу — Витебск — Полоцк — Себеж — Колпино — Опочку.

³ Померанцев П.П. Карта путешествий Пушкина // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. LXXXI. № 5. С. 453—458. С приложением карты.

За базовую карту анализа маршрута проезда А.С. Пушкина от Могилева до Михайловского первоначально была взята «Дорожная карта Российской империи 1804 года». Первые результаты исследования разочаровали, поскольку выяснилось, что эта карта не является в полном смысле топографической (т. е. привязанной объектово к системе координат), а скорее относится к типу «бланковки», обеспечивающей наглядность. Она построена по принципу учета взаиморасположения объектов относительно реперных (севернее — южнее; восточнее — западнее; ближе — дальше и т. п.). На этом участке карты реперными объектами выступили города: Витебск, Полоцк, Опочка и реки: Западная Двина и Оболь. Кстати, ни Михайловского, ни Святых Гор как географических объектов на этой карте нет (*см. Приложение 1 в конце статьи*).

Другие карты начала XIX века, изданные в России, отсчет географической долготы («нулевой меридиан») вели от Пулковского меридиана и имели специфическую координатную сетку, затрудняющую переход к современным картам. Карты более поздних годов издания содержали топографическую информацию о существенно изменившихся направлениях дорог (в отличие от тех, по которым проезжал Пушкин).

По этим причинам дополнительно в качестве географической карты, имеющей привязку к системе координат того исторического периода, была взята «Большая карта Российской империи 1812 года», изготовленная во Франции для Наполеона и его маршалов накануне начала вторжения в Россию. Карта исполнена в декартовой системе координат и имеет масштаб 1:500 000 (в 1 см 5 км), что удовлетворяет задачам исследования. Это позволило осуществить корректный переход к современным географическим картам, уточнить путь и определить названия и положение почтовых станций, а также поселков и деревень, через которые проезжал А.С. Пушкин.

Простой просмотр маршрута проезда на старинных дорожных картах мало что прояснял, рождая все новые и новые вопросы. Для их разрешения пришлось применить научный метод объектово-координатного анализа, позволяющий достоверно определять географическое положение исторических объектов на современных картах и расстояние между ними. Метод реализован с использованием программно-аппаратного комплекса map-atlas, размещенного в свободном доступе на информационном ресурсе www.etomesto.ru/⁴.

⁴ См.: ЭтоМесто.ru — старые карты России и мира онлайн [Электронный ресурс: <http://www.etomesto.ru/>].

Анализ расстояния и расчет астрономического времени проезда поэта по завершающему участку пути осуществлен табличным способом, с учетом известных времени и дат проезда реперных объектов, по трем вариантам. Каждый вариант определялся скоростью передвижения на коляске, запряженной тройкой лошадей, принимаемой для расчета в 10, 12 и 14 верст в час. В расчете каждого варианта учитывалась 15-минутная остановка на каждой из почтовых станций.

Выбранные для исследования варианты основаны на правилах проезда на почтовых лошадях, действующих на основании Почтового подорожника, изданного Почтовым департаментом Российской империи в 1824 году (*см. Приложение 2*). В разделе «О подорожных и сборах с оных» этого документа совершенно четко указано о том, что «без подорожной же никто не может получить почтовых лошадей». Там же указано, что разрешенная скорость езды летом — 10 верст в час, а протяженность непрерывной езды — не более 30 верст. За нарушение предполагались довольно серьезные наказания, невзирая на чины и звания.

Для повышения достоверности исследования были учтены еще три непреложных географических и фактологических условия.

Первое: чтобы попасть в Колпино — имение И.С. Деспот-Зеновича, Пушкин должен был из Себежа повернуть на восток, в сторону Пустошки. Мотивы принятия Пушкиным такого решения не ясны, но известно, что во время его встречи с офицерами в Могилеве один из них, белорусский шляхтич, поручик Мариупольского гусарского полка Станислав Юрьевич, посоветовал Пушкину передохнуть в имении своего дяди Игнатья Семеновича Деспот-Зеновича в селе Колпино. Можно предположить, что от Себежа Пушкин поехал не на почтовых, а на лошадях свободного найма, т. е. за свой счет. Благо коляска у него была собственная, очень приличная и даже щегольская, допускавшая быструю езду.

Второе: после краткого (предположительно около четырех часов) пребывания в имении И.С. Деспот-Зеновича Пушкин из Колпина поехал в Опочку напрямую через Пустошку, не возвращаясь в Себеж. Эта дорога была проселочная, но, видимо, содержалась в хорошем состоянии. Погода стояла отличная, сухая, да и лошадьми до Опочки в Колпине наверняка помогли!

Третье условие: оно формируется из выявленных противоречий трех известных фактов проезда Пушкина в Михайловское, которым раньше исследователи не уделяли должного внимания.

Факт первый, касающийся даты посещения Колпина. В записке, адресованной хозяину имения, которого, кстати, Пушкин не застал дома, указана дата — 8 августа: «Александр Пушкин сердечно благодарит Игнатья Степановича Зеновича за его заочное гостеприимство. Он оставляет его дом, искренне сожалея, что не имел счаствия познакомиться с почтенным хозяином» (XIII, 105; № 96).

Факт второй — это ситуация, связанная с необходимостью посыпки из Опочки весточки в Михайловское с просьбой прислать лошадей, так как почтовых нанять не удалось. В подорожнике был указан Псков, а Михайловское находилось в стороне от почтового тракта. В то время ни телефонов, ни телеграфов не было, а расстояние немалое — 62 версты. Единственная возможность передать весточку — с оказией. При этом в расчетах обязательно надо учесть время, необходимое для снаряжения лошадей в Михайловском, и время на дорогу кучеру с лошадьми до Опочки — на что в сумме могло уйти не менее 15 часов!

Факт третий, который должен быть принят в качестве непреложного при проведении исследования: Александр Сергеевич на листке календаря сделал запись о приезде в Михайловское: «9 arrivé à M —», т. е. «9 августа прибыл в Михайловское»⁵.

*Zapiski o priezde v Mihajlovskoe, сделанная рукой
A.S. Pushkina v Almanach
Dedié aux dames. Pour
l'an 1824⁶*

⁵ Этот факт был введен в научный оборот Д. Якубовичем в статье «Неизвестные автобиографические записки Пушкина», опубликованные во Временнике Пушкинской комиссии (1941. № 6. С. 30–35).

⁶ Иллюстрация: Цявловская Т.Г. «Храны меня, мой талисман...» // Прометей. 1975. Т. 10. С. 43.

Из анализа результатов исследования, проведенного с учетом принятых условий, следует, что 509 верст от Могилева до Михайловского можно проехать за 36,4 часа непрерывной езды. Но по пути следования необходимо сделать остановки на 19 почтовых станциях для смеси лошадей, смазки осей, оплаты проезда и отметки подорожной, а это еще не менее чем 7,6 часа. Итого — 44 часа. Получается, что с учетом времени, необходимого для заезда в Колпино и ожидания лошадей в Опочке, даже по самому скоростному варианту, рассчитанному на движение со скоростью 14 верст в час, в Михайловское Пушкин мог приехать не ранее утра 11 августа.

Выявленные нестыковки в официально принятой дате проезда Пушкина через город Могилев заставили продолжить исследование в поисках варианта с меньшим числом противоречий.

Во втором издании «Летописи...» Н.А. Тарховой 1999 года авторским коллективом указано примечание за № 351, из которого следует, что из воспоминаний участников могилевской встречи с поэтом известны еще две другие даты: А.П. Распопова (6 августа) и А.А. Куцинского (5 августа). В первом издании «Летописи...» М.А. Цявловского 1951 года была принята дата А.П. Распопова — 6 августа (с. 502–503), подтвержденная расчетами самого М.А. Цявловского⁷.

Значительно позднее, в 1975 году, Т.Г. Цявловская в статье «Храни меня, мой талисман...» обосновала новую дату выезда Пушкина из Одессы: не 31 июля, а 1 августа⁸. На этом основании во втором издании «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» М.А. Цявловского 1991 года была принята дата приезда Пушкина в Могилев — 7 августа, следовательно, отъезд должен был произойти рано утром 8 августа (с. 448)⁹.

Как было показано в результатах настоящего исследования (*см. Таблицу 1 в конце статьи*), ни при каких обстоятельствах Пуш-

⁷ По свидетельству Н.А. Тарховой, «...все промежуточные даты проездов через населенные пункты между 31 июля и 9 августа предложены М.А. Цявловским, который исходил из средних и приблизительных расчетов передвижения путешественников, примерно 200 верст в день» (из неопубликованного письма Н.А. Тарховой автору 20 июля 2018 года). В рабочей картотеке М.А. и Т.Г. Цявловских «Материалы к летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» никаких следов расчетов не обнаружено.

⁸ См.: Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман...».

⁹ По информации Н.А. Тарховой.

кин, выехав из Могилева 8 августа, не мог приехать в Михайловское 9 августа!

С точки зрения исторической последовательности и обстоятельств публикации других дат, упомянутых в воспоминаниях участников могилевской встречи с поэтом, наиболее предпочтительной датой является первая, опубликованная на 22 года ранее других, — дата, приведенная корнетом Лубенского гусарского полка А.А. Куцинским: 5 августа. Следовательно, выезд Пушкина из Могилева мог произойти рано утром 6 августа.

Если принять за основу эту дату, дальнейший путь Пушкина до Михайловского, с точки зрения расстояния и времени и с учетом упомянутых трех условий проезда через Колпино и Опочку, при разрешенной скорости передвижения 10 верст в час, приобретает вполне логичный характер. Самое главное, проведенные расчеты показывают отсутствие здесь противоречий. В этом случае:

- Витебск поэт мог проехать на исходе 6 августа (около 24 часов);
- Полоцк — 7 августа около 13.00;
- Себеж — после двух часов ночи 8 августа;
- в Колпино Пушкин мог приехать около 11.00 8 августа;
- в Опочку поэт мог приехать на исходе 8 августа (около 24 часов);
- до Михайловского Пушкин добрался около 23 часов 9 августа (*см. Таблицу 1 в конце статьи*).

Таким образом, опираясь на известные факты и предложенный способ исследования, реконструкцию завершающего участка пути длиной в 509 верст проезда Пушкина от Могилева до Михайловского можно считать наиболее достоверной. В процентном отношении это составляет около 33% всего пути от Одессы.

* * *

Приняв за основу дату приезда Пушкина в Могилев — 5 августа 1824 года, можно провести реконструкцию начального участка пути от Одессы до Могилева.

На этом пути имеется лишь два свидетельства, дошедшие до нас. Первое — это весьма сомнительного характера воспоминания о том, что Пушкин «прискакал на почтовой лошади без седла и с хомутом»¹⁰

¹⁰ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 1 (1799–1824). С. 415–421.

в имение А.Г. Родзянко, находившееся в 4 верстах от почтовой станции Семеновка (не доезжая 22 версты до Хороля). При реконструкции пути следует учесть, что Пушкин потратил на это около четырех часов.

Второе — свидетельство о встрече Пушкина на почтовой станции в Чернигове с выпускником Благородного пансиона Петербургского университета А.И. Подолинским, едущим в Киев. Но в воспоминаниях data встречи им указана не точно: «...я ехал в конце июля»¹¹.

Зато из его воспоминаний становится известно, что их встреча была краткой и произошла она в утренние часы.

Но главным сомнением начального участка пути оставалась дата выезда Пушкина из Одессы. Приведенные Т.Г. Цявловской в работе «Храни меня, мой талисман...» аргументы в пользу даты 1 августа 1824 года представляют собой набор догадок, мало убедительны, если не сказать — сомнительны, кроме главного: под письмом княгини В.Ф. Вяземской стоит именно эта дата — 1 августа¹².

Известный биограф Воронцовых Вячеслав Афанасьевич Удовик первым поставил под сомнение аргументы Т.Г. Цявловской. Он считает, что эта дата относится к моменту завершения написания письма В.Ф. Вяземской к мужу, а не к моменту отъезда Пушкина из Одессы¹³.

Действительно, княгиня пишет: «Приходится начать письмо с того, что меня занимает сейчас более всего — со ссылки и отъезда Пушкина, которого я только что проводила до верха моей огромной горы»¹⁴.

Именно эти строки и дата, поставленная в конце письма, послужили обоснованием версии Т.Г. Цявловской о дате отъезда Пушкина из Одессы — 1 августа 1824 года. Формулировку «только что проводила до верха моей огромной горы» Т.Г. Цявловская приняла буквально за тот факт, что княгиня проводила Пушкина в дорогу по почтовому тракту до Михайловского.

Попробуем реконструировать день отъезда Пушкина из Одессы, строго основываясь на обстоятельствах, изложенных Вяземской в письме, с учетом топографии Одессы тех лет.

Из письма Вяземской следует, что перед отъездом из Одессы Пушкин приехал к ней на дачу, за город, чтобы попрощаться. Коляска (оче-

¹¹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 1 (1799–1824). С. 415–421.

¹² См.: Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман...». С. 30, 39.

¹³ Удовик В.А. Пушкин и чета Воронцовых. СПб., 2007. С. 95.

¹⁴ См.: Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман...». С. 30.

видно, с извозчиком) ждала его наверху, так как к даче, расположенной на самом берегу моря, подъехать было невозможно, и Пушкин спускался пешком с кручи.

Поговорив с поэтом и попрощавшись, Вяземская проводила его до верха крутого берега, обрывом нависающего над территорией дачи. Кстати, такой же береговой ландшафт был и на даче Рено, в которой проживала чета Воронцовых.

Теперь обратимся к топографии Одессы. Гостиница, в которой проживал Пушкин, находилась в центре города. От нее по прямой до дачи Рено почти семь верст. Дача, которую снимала княгиня Вяземская, находилась еще дальше от города. Дорога к дачам была долгой, так как она петляла, облезая огромные овраги и балки, прорезывающие прибрежную степь, то удаляясь, то приближаясь к морю. И в сумме все это расстояние составляло около 10 верст.

Почтовая станция находилась неподалеку от гостиницы, в которой жил Пушкин, а выезд из города на почтовый тракт до Николаева пролегал в противоположном от дачи направлении. Предположить, что Пушкин на почтовой тройке поехал в противоположную сторону от направления, указанного в подорожной, и минимум три часа потратил на эту поездку, значит ничего не знать о регламенте езды на почтовых. Такого просто не могло быть! Это позволяет усомниться в том, что Вяземская буквально проводила Пушкина в дорогу по почтовому тракту до Михайловского. Пушкин как приехал на извозчике, так и уехал с ним обратно в гостиницу, где стал окончательно собираться в дальнюю дорогу, а слугу Никиту Козлова отправил запрягать почтовых лошадей в свою собственную коляску.

В.Ф. Вяземская, вернувшись на дачу, вспомнила о только что полученном письме от мужа, с которым в суете забыла ознакомить Пушкина. Она снимает копии с тех строчек, которые касались Пушкина, и со слугой Владимиром отправляет эту записку к поэту. Возвратившись на дачу, слуга сообщил Вяземской о том, что застал Пушкина садившимся в коляску. Вот на этот раз он точно садился в коляску для того, чтобы отправиться в дальнюю дорогу до Михайловского. И случилось это между 18 и 19 часами 31 июля. Пушкин, как и все нормальные люди того времени, выехал из Одессы в ночь, чтобы по холодку преодолеть как можно большее расстояние, а не тащиться днем по изнывающей от южного зноя голой причерноморской степи до Николаева.

Возможно, Вяземская начала писать мужу ответ сразу же после отправки слуги к Пушкину, т. е. под вечер 31 июля. Письмо княгини большое, не сказать огромное, писано по-французски, без единой помарки, т. е. обдумывалось и писалось оно долго. Заканчивала письмо Вера Федоровна или заполночь, или уже ранним утром следующего дня, чтобы успеть отправить его мужу с утренней почтой. Это подтверждают ее же строчки в этом самом письме: «Мадам Данжевиль должна прийти сегодня утром»¹⁵.

Закончив письмо мужу в Москву, княгиня В.Ф. Вяземская ставит дату его написания и отправки — 1 августа.

С учетом изложенных обстоятельствах, топографии города и его окрестностей версия Цявловской о дне отъезда Пушкина из Одессы 1 августа 1824 года не подтверждается.

Таким образом, дата «<Juillet> 31 depart», указанная самим поэтом в уже упомянутом календаре (*Almanach Dédié aux dames. Pour l'an 1824*), относится к отъезду Пушкина из Одессы. Две даты, отмеченные в одном месте: отъезда из Одессы и приезда в конечный пункт путешествия Михайловское — имеют смысл. Отметки сделаны для памяти, чтобы точно зафиксировать — сколько времени займет столь долгий для езды на почтовых лошадях путь.

Запоминать дату отъезда Е.К. Воронцовой из Одессы в Белую Церковь под Киев, как об этом написала Т.Г. Цявловская, Пушкину надобности не было — зачем? И это не представляется «совершенно естественным, в духе подавляющего большинства смежных записей в календаре»¹⁶.

Особенно это касается двух черточек, прочерченных поэтом возле дат 29 и 30 июля, трактуемых Т.Г. Цявловской как даты интимных встреч с Воронцовой¹⁷. Скорее это отражение сумятицы, царившей в настроении поэта от внезапного увольнения со службы и полученного в ультимативной форме известия о высылке в Псковскую губернию.

Очевидно, Т.Г. Цявловская была явно в плена собственной версии о «большой и взаимной любви» Пушкина и Воронцовой, где в качестве аргументов приводятся даже горизонтальные черточки в календаре. Но такие аргументы явно сомнительны.

¹⁵ См.: Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман...». С. 33.

¹⁶ Цявловская Т.Г. Неясные места биографии Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М. ; Л., 1962. Т. 4. С. 33–34.

¹⁷ Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман...». С. 30.

В случае принятия 31 июля 1824 года (после 18 часов вечера) за дату отъезда реконструкция проезда начального участка пути Пушкина из Одессы в Могилев может выглядеть следующим образом (*см. Таблицу 2*):

- Николаев — в 06.00 1 августа 1824 года;
- Елисаветград — около часа ночи 2 августа;
- Кременчуг — после 13.00 2 августа.

На почтовую станцию Семеновка Пушкин мог приехать около 19.00 2 августа. Потратив на посещение имения Родзянко около четырех часов, поэт выехал из Семеновки в 23.00.

Хороль поэт проехал после полуночи 3 августа. Путь от Хороля до Чернигова через Лубны, Пирятин, Прилуки и Нежин длиной в 275 верст Пушкин преодолел чуть более чем за сутки непрерывной езды и въехал на почтовую станцию в Чернигове между 7 и 8 часами утра 4 августа (здесь и произошла его утренняя встреча с Подолинским).

На краткие разговоры и написание письма генералу Н.Н. Раевскому-старшему ушло не менее часа, после чего, около восьми часов утра, Пушкин покинул Чернигов.

Новую Белицу Пушкин проехал в 19.00 4 августа. Далее на Петербургском (бывшем Екатерининском) почтовом тракте был интересный город Чечерск — вотчина дальних родственников поэта Чернышевых, в котором содержалась крупная почтовая станция с гостиницей и трактиром, куда Пушкин приехал между часом и двумя часами ночи 5 августа.

Это обстоятельство дает основание выдвинуть гипотезу о возможной nochevke Пушкина в Чечерске.

За эту гипотезу как минимум два аргумента.

Первый: чтобы приехать в Могилев не позднее 20.00 5 августа, Пушкину было достаточно выехать из Чечерска не позднее восьми часов утра этого же дня. Но приехал-то он в Чечерск около часа ночи, а разница в семь часов — это слишком много, чтобы ею пренебречь в исследованиях.

Второй: непрерывная езда от Одессы продолжалась уже более четырех суток. Силы были явно на исходе, и в Чечерске все сошлося: ночное время, чрезмерная усталость, неплохая гостиница с трактиром...

В случае принятия этой версии далее все непротиворечиво стыкуется с результатами первого этапа исследования — коляска с поэтом 5 августа подъезжала к Могилеву, примерно по нынешнему Славгородскому шоссе, через наплавной мост через Днепр. Переехав около 20.00 на правый берег Днепра, лошади медленно тащились в подъем к городским постройкам, расположенным на высоком берегу, и Почтовой улице, где находилась почтовая станция. Пушкин, видимо, изрядно уставший от долгой и утомительной дороги, выпрыгнул из коляски и пошел рядом пешком. Вот тут-то ему и встретился подпоручик Лубенского гусарского полка А.П. Распопов — племянник директора Царскосельского лицея Е.А. Энгельгардта. Пушкин знал его еще по Царскому Селу, когда тот был совсем юным кадетом.

А далее события в Могилеве развивались так, как это описано в воспоминаниях их участников.

Результаты исследования и проведенные на их основе реконструкции позволяют представить на суд любителей и знатоков творчества Пушкина подробный и обоснованный известными фактами уточненный график проезда из Одессы в Михайловское: выехал из Одессы вечером 31 июля и приехал в родовое имение Михайловское на исходе 9 августа 1824 года.

Определенная степень вероятности ошибок в оценках времени проезда тех или иных пунктов реконструированного маршрута все-таки остается. Слишком мало достоверных фактов дошло до наших дней об этом событии. Некоторые из них вызывают сомнение.

Вопросы, вопросы, вопросы... И если они остаются, значит, предложенная реконструкция все же носит вероятностный характер — правда, с очень большой степенью достоверности из-за своей непротиворечивости по расстояниям, временам и известным фактам.

* * *

Есть понимание того, что своими исследованиями, проведенными с применением некоторых современных научных методов, автор особого вклада в пушкинистику не внес. Да и такой цели изначально не стояло в работе. Прежде всего автор стремился воплотить в жизнь завет великого «адмирала российского слова», флотского лейтенанта Владимира Ивановича Даля, который писал: «Много алмазных искр Пушкина рассыпались тут и там в потемках; иные уже угасли и едва ли не навсегда;

много подробностей жизни его известно на разных концах России: их надо бы снести в одно место»¹⁸.

Исследование, которое можно охарактеризовать как биографико-географическое, порождено уверенностью в том, что кто-то в скором времени возьмет на себя труд переработать «Летопись» Цявловского 1951 года (переизданную Я. Левкович в 1991 году и повторенную Н.А. Тарховой в 1999 году)¹⁹, охватывающую жизнь Пушкина от рождения до конца 1824 года, и внести в нее уточнения, а также в конце концов избавить ее от некоторых идеологических догм и «красивых» версий. Вот тогда-то, возможно, и будет востребован сей скромный труд.

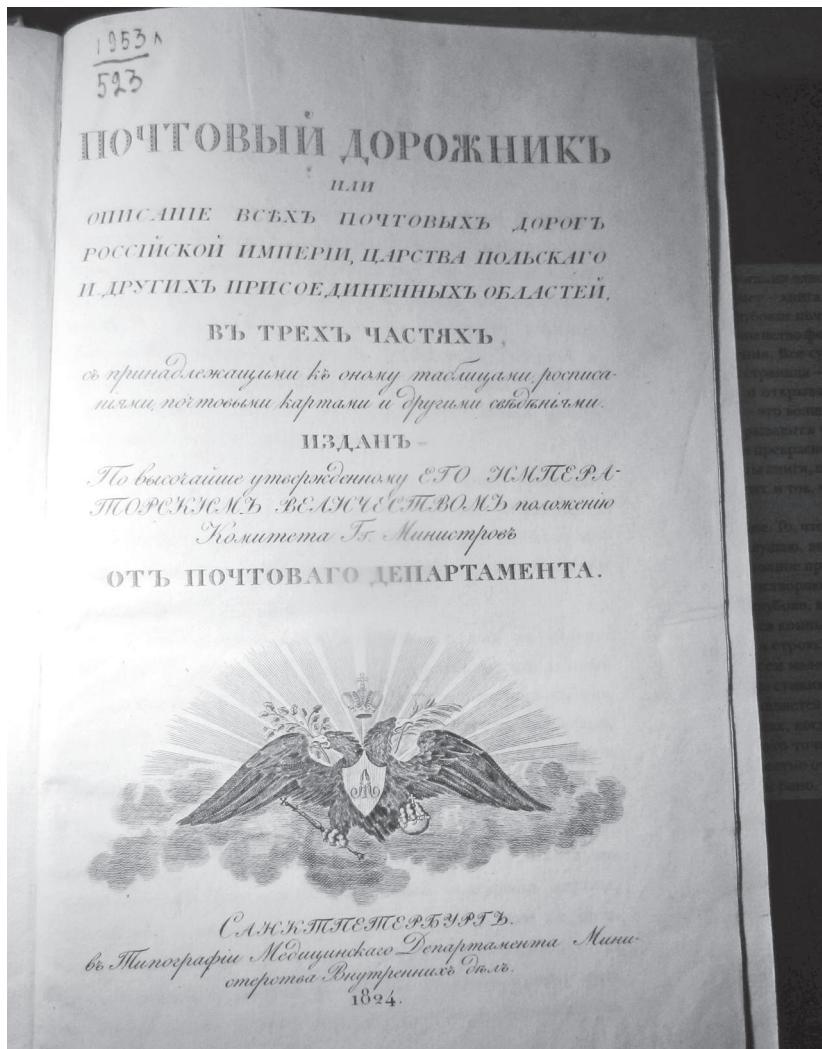
¹⁸ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1851–1860 годах / вступ. ст. и прим. М. Цявловского. М., 1925. С. 67. См. то же в: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 26.

¹⁹ Второе уточненное издание «Летописи...» было подготовлено к выпуску в Пушкинском Доме под редакцией Я.Л. Левкович и отпечатано в Ленинградском отделении издательства «Наука» в 1991 году. По свидетельству Н.А. Тарховой, «...при издании четырехтомной летописи Пушкина в 1999 году мы не работали с первым томом, а напечатали его в параметрах второго издания (т. е. 1991 года), времени на его переработку, а том нуждается в коренной переработке, так он устарел, тогда не было» (из неопубликованного письма Н.А. Тарховой автору 20 июля 2018 года).

Приложение 1

*Фрагмент карты почтовых трактов
западной части Российской империи 1804 года
(участок Витебск — Псков)*

Почтовый подорожник, изданный
Почтовым департаментом Российской империи в 1824 году

Таблица I

**Расчет астрономического времени проезда А.С. Пушкина по маршруту
Могилев — Михайловское в августе 1824 года
(Выезд из Могилева в 05.00 6 августа 1824 года²⁰⁾**

Михайловское Расстояние от Опочки	Опочка Расстояние от Колпина	Колпино Расстояние от Себежа	Себеж	Расстояние от Полоцка	Полоцк	Витебск Расстояние от Могилева	Время и дата движения
62 версты Станций: 0	74 версты Станций: 0	71 верста Станций: 4		117 верст Станций: 4	108 верст Станций: 5	162 версты Станций: 7	
Время на остановки: 1,5 часа		Время на остановки: 1,5 часа	Время на остановки: 1,6 часа	Время на остановки: 2 часа	Время на остановки: 2,8 часа		
6,2 часа	7,4 часа	7,1 часа	11,7	10,8 часа	16,2 часа		
7,7 часа	8,9 часа	8,6 часа	13,3 часа	12,8 часа	19 часов	Общее время в пути ²	При скорости движения
Около 23.00 9 августа ³	Около 24.00 8 августа (выезд в 15.00 9 августа)	Около 11.00 8 августа (выезд в 15.00 8 августа) ⁴	После 02 часов ночи 8 августа	Около 13.00 7 августа	Около 24.00 6 августа	Астрономиче- ское время и дата проезда	10 верст/час ¹

¹ Возможная скорость езды летом по проселочным дорогам.

² Общее время в пути определяется суммой времени, затраченной на проезд от станции к станции, и времени, потраченного на остановках.

³ Время и дата приезда в Михайловское определяется с учетом времени, потраченного в Опочке на ожидание лопадей из Михайловского — не менее 15 часов.

⁴ Оценка времени, затраченного Пушкиным на посещение имения Колпино, — не менее четырех часов.

²⁰ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. В 4 т. / сост. М.А. Цвяловский, изд. коллекц. под ред. Н.А. Тарховой, отв. ред. Я.Л. Левкович. Т. 1 (1799–1824). М., 1999. С. 513.

Таблица 2

**Уточненный график проезда Пушкина в 1824 году из Одессы
в Михайловское (выезд после 18.00 31 июля)**

№ п/п	Наименова- ние почтовой станции (города и села)	Рас- стояние (верст)	Время в пути (час)	Астрономическое время и дата проезда	Примечание
1	Одесса	—	—	—	Выезд после 18.00 31.07.1824
2	Николаев	120	12	06.00 / 1.08	
3	Елисаветград	182	18,2	Около 01.00 / 2.08	(Бывший Кировоград, ныне Украинский город Кропивницкий)
4	Кременчуг	119	11,9	После 13.00 / 2.08	Форсирование Днепра на паромной переправе
5	Хороль	79	7,9	03.00 / 3.08	Проезд через почтовую станцию Семеновка ¹ с посещением имения Родзянко
6	Лубны	30	3	06.00 / 3.08	
7	Пирятин	53	5,3	Около 12.00 / 3.08	
8	Прилуки	40	4	Около 16.00 / 3.08	
9	Нежин	77	7,7	Около 24.00 / 3.08	
10	Чернигов	75	7,5	Около 08.00 / 4.08	Встреча с едущим в Киев А.И. Подолинским ²
11	Новая Белица	112	11,2	Около 19.00 / 4.08	Въезд в Белоруссию
12	Чечерск	65	6,5	После полуночи 5.08 ³	Выезд из Чечерска в 08.00 5.08.1824 года

¹ Почтовая станция Семеновка находилась в 22 верстах не доезжая Хороля. Расчетное время прибытия в Семеновку — 19.00 2 августа 1824 года. Потратить около четырех часов на посещение имения А.Г. Родзянко Пушкин теоретически вполне мог.

² В своих поздних воспоминаниях (Русский архив. 1872. Вып. 3–4. С. 856–865; Русская старина. 1885. № 1. С. 76–79) выпускник Благородного пансиона при Петербургском университете А.И. Подолинский указывает дату встречи с Пушкиным в Чернигове как 4 апреля 1824 года (Черейский Л.А. Подолинский // Л.А. Черейский Пушкин и его окружение / отв. ред. В.Э. Вацуро. Л., 1989. С. 336). У Черейского апрель — явная ошибка или опечатка! Важно другое — его встреча с Пушкиным произошла утром, в соседней комнате с буфетной стойкой.

³ Это обстоятельство позволяет выдвинуть версию о возможной ночевке Пушкина в Чечерске, до 08.00 5 августа 1824 года.

13	Могилев	127	12,7	Около 20.00 / 5.08	Выезд из Могилева около 05.00 6.08.1824
14	Орша	71	7,1	Около 12.00 / 6.08	
15	Витебск	91	9,6	После 21.00 / 6.08.	
16	Полоцк	108	12,8	Около 13.00 / 7.08	
17	Себеж	117	13,3	После 02.00 / 8.08	Переезд от Себежа в Опочку через Колпино ⁴
18	Опочка	145	17,5	Около 24.00 / 8.08	С учетом 15-часового ожидания в Опочке лошадей из Михай- ловского
19	Михайловское «9 arrivé à M—», т. е. «9 августа прибыл в Михай- ловское»	62	6,2	Около 23.00 / 9.08	Запись, сделанная рукой А.С. Пушкина в Almanach Dédié aux dames. Pour l'an 1824

⁴ Оценка времени, затраченного Пушкиным на посещение имения Колпино, — не менее четырех часов.

Юрий Киселев

СЕЛЬЦО БУЛАЕВО ПСКОВСКОГО УЕЗДА — НОВЫЙ ПУШКИНСКИЙ АДРЕС

К вопросу о местах пребывания А.С. Пушкина в Пскове

Пребывание А.С. Пушкина в Михайловском, Пскове и Псковской губернии неоднократно становилось предметом исследования. Составлен достаточно подробный географически-хронологический перечень мест, поездок, встреч Пушкина по городам и усадьбам губернии с момента первого посещения в младенческом возрасте в 1799 году до траурного возвращения к месту упокоения в Святогорском монастыре в феврале 1837 года.

В рамках данного исследования нас интересует май — июнь 1826 года: приезд А.С. Пушкина в Псков в связи с необходимостью консультаций у врача и подачей прошения «на высочайшее имя» о пользовании ехать «или в Москву, или в Петербург, или в чужие края» для лечения аневризмы. В это время Пушкин посещает имение Г.П. Назимова Преображенское и, возможно, имение Н.А. Яхонтова — Камно (!).

О посещении каменского имения Яхонтовых пишет Н.Ф. Окулич-Казарин в статье о псковских декабристах в 1907 году: «В имение [Николая Александровича Яхонтова] Камно, в 7 верстах от Пскова, приезжал А.С. Пушкин. В память этого события до сих пор сберегается, как святыни, старая развесистая липа, под которой отдыхал великий поэт и ласкал маленького сына хозяина (впоследствии также известного поэта [18]50–70-х годов Александра Николаевича Яхонтова)»¹.

Посещения А.С. Пушкиным псковских усадеб, как реальные, так и «легендарные», упоминаются А.К. Гладким, сотрудником-корреспондентом Пушкинского дома по Псковской области: «Пушкин в годы ссылки ездил в Стехново к И. Рокотову, Лямоново — А.Н. Пещурову, Преображенское — Г.П. Назимову... По преданию, поэт ездил в село Михалево к Бухарову, а также в село Комно — к Яхонтовым и в Вязье — к Корсаковым»².

¹ Окулич-Казарин Н. Некоторые сведения о псковских декабристах // Русский архив. 1907. Вып. 6. С. 190.

² Гладкий А. По пушкинским местам. М. ; Л., 1931. С. 38. Написание названия «Комно» используется в оригинале.

Благодаря стараниям Л.А. Творогова имя поэта А.Н. Яхонтова и легенды о посещении Камно А.С. Пушкиным нашли отражение в книге «Поэты-демократы 1870–1880-х годов» (Л., 1968): «Александр Николаевич Яхонтов родился 28 июня 1820 года в Петербурге, в дворянской семье. Его детство прошло в имении родителей — в сельце Камно, близ Пскова. Неподалеку находилось Михайловское, Пушкин был близким соседом (?!), и однажды, когда Яхонтову исполнилось пять (по другим сведениям шесть) лет, посетил их усадьбу».

Переписка Л.А. Творогова и внучки поэта А.Н. Яхонтова А.Н. Высоцкой-Яхонтовой, где она пересказывает семейное предание, продолжает тему посещения Пушкиным имения Яхонтовых: «...Пушкин долго гулял с Н.А. Яхонтовым в саду по той самой аллее, дорожка которой сохраняется и по сей день. Потом они сидели и беседовали в беседке. К ним подбежал маленький Саша... Пушкин подхватил его на руки и шутливо спросил, кем он хочет быть. Саша ответил: «Поэтом». И еще он прочитал удивленному поэту его, пушкинское стихотворение»³.

Переписка Л.А. Творогова с Высоцкой-Яхонтовой подробно отражена в книге Натальи Леонидовны Вершининой «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов» (Псков, 2011). Описание комнат, встречавших Пушкина, позволяет увидеть каменский дом в том облике, в каком его в свое время увидел сам поэт: «Одна часть балкона с длинным столом, на котором летом обедали, была увита диким виноградом, который, возвышаясь на два этажа, закрывал сидевших за столом от излишних лучей солнца. За этим столом 28 июня 1826 года в первой половине дня сидели хозяева дома».

Ближайшими соседями Яхонтовых были Вохины — владельцы сельца Булаева (*см. иллюстрации в Приложении в конце статьи*). Они поддерживали добрые отношения; несмотря на наличие домовой церкви Казанской иконы Божией Матери⁴, Вохины, как и Яхонтовы, были прихожанами церкви Св. Георгия в Камно. На каменском погосте находится родовой склеп Вохиных, на этом же кладбище хоронят и фон Моллеров — представителей рода, из которого происходила супруга одного из владельцев Булаева, Н.В. Вохина. В архиве Яхонтовых находятся фотографии Вохиных: Л.Ф. Вохиной (Моллер) (подписана ка-

³ См. также: Яхонтова-Высоцкая А.Н. Сквозь даль времен // Молодой ленинец. 16.05.1924.

⁴ В 1882 году вместо обветшавшей перевезена из села Моглино и с разрешения епархиального начальства построена заново Николаем Николаевичем Вохиным.

рандашом: «Луиза Федоровна Вохина») и Н.Н. Вохина (с любезной подписью: «Милейшей Александре Александровне Яхонтовой от сердечно преданного Н. Вохина. 25 мая 96 г.». А.А. Яхонтова на фото оставила пометку: «Жил последние годы своей жизни в Мариамполе Польского края. После смерти был перевезен в 1913 году во Псков и похоронен в семейном склепе погоста Камно справа от церкви (Каменская часовня»). О Вохиных вспоминает и А.Н. Высоцкая-Яхонтова...).

Вернемся к озвученной теме сообщения: что позволяет говорить о сельце Булаеве как новом пушкинском адресе? Фундаментом является семейная легенда потомков псковских дворян Вохиных — Булаевских. Во время встреч, бесед с Николаем Владимировичем Булаевским, потомком рода Вохиных, неоднократно озвучивалась история о пребывании А.С. Пушкина в сельце Булаеве в 1826 году и игре поэта с владельцем имения на биллиарде.

Есть и реальный предмет, косвенно подтверждающий эту легенду: в путеводителе по музею Псковского археологического общества, составленном Н.Ф. Окулич-Казариным в 1908 году, под № 113 в разделе «Разные вещи» значится «билиардный кий, принадлежавший А.С. Пушкину. Подарок псковского помещика г. Вохина». Кий, принадлежавший А.С. Пушкину, передал в дар музею Псковского археологического общества Николай Николаевич Вохин — сын генерала Н.В. Вохина.

Вохины стали владельцами сельца Булаевского в первой четверти XVIII века. 15 июня 1722 года дьяк Псковского архиерейского дома Федор Тихонов сын Вохин (до того старый подьячий Псковской приказной избы, а после секретарь Псковской архиерейской консистории) купил сельцо Булаевское в Псковском уезде, в трех верстах от погоста Камно, о чём есть запись Николая Васильевича Вохина на полях родовых святцев. В поместье за его внуком, отставным поручиком Василием Федотовичем, числится около 300 душ крестьян. Женат он был на Александре Петровне, урожденной Окуневой (псковский служилый род, и более древний). (Примечательно, что сохранились портреты супругов; ныне находятся в Псковской картинной галерее.)

В 1820-е годы владельцем родового имения становится уже упомянутый Николай Васильевич Вохин⁵ — сын В.Ф. Вохина (умер в 1799) и Александры Петровны Вохиной (умерла в 1827).

⁵ Его младший брат, П.В. Вохин, впоследствии генерал-лейтенант, имел поместья в Воронежском уезде; двоюродные родственники — в Островском уезде Псковской губернии.

Родившийся в 1790 году, в 1801-м Николай Вохин, благодаря участию в его судьбе Александра I, был зачислен во 2-й кадетский корпус. По окончании курса наук, в ноябре 1807 года, Н. Вохин поступил на службу в артиллерию. В июне 1808 года, во время Русско-шведской войны 1808–1809 годов, участвовал в своем первом бою — за которым последовала вполне блестящая офицерская карьера.

В 1812 году Вохин в чине подпоручика артиллерии принял участие в отражении нашествия Наполеона в Россию. За отличия в сражениях с французами под Салтановкой и Смоленском был 24 августа награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». В 1820 году Н.В. Вохин был назначен первым командиром вновь созданного Михайловского артиллерийского училища⁶. В 1823 году — произведен в полковники. 3 декабря 1834 года награжден орденом Святого Георгия IV степени; 6 декабря того же года произведен в генерал-майоры. В 1837 году получил знак отличия за 25 лет беспорочной службы.

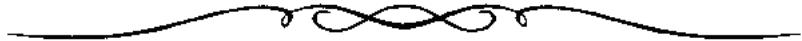
На военной службе Вохин находился по 1841 год, затем вышел в отставку, но вскоре поступил на гражданскую службу с зачислением в ведомство Министерства внутренних дел и был переименован в действительные статские советники.

Н.В. Вохин был женат на Луизе Федоровне, урожденной фон Моллер (1805/1810–16 марта 1878). В браке родились трое сыновей: Николай, Александр, Федор. Николай был крестником императора Николая I.

О Луизе Федоровне Вохиной стоит сказать отдельно. Дочь главного командира и военного губернатора Кронштадтского порта вице-адмирала Ф.П. Моллера, племянница военно-морского министра Антона Васильевича фон Моллера, сестра художника Федора Моллера, ученика Карла Брюллова… Луиза Федоровна при поддержке брата создала в имении Булаево домашнюю картинную галерею, издала каталог галереи (по воспоминаниям, один из вариантов «Поцелуя» Ф. Моллера находился в Булаеве; гравюра «Поцелуй» как память долгое время хранилась в собрании Булаевских).

Н.В. Вохин окончательно вышел в отставку в марте 1846 года и после этого уже постоянно проживал в своем имении. Был страстным любителем садоводства: его сады и оранжереи считались образцовыми. В 1850 году на выставке Вольного экономического общества фрукты из

⁶ 29 августа 1820 года главноуправляющим бригадой и училищем назначен генерал-майор артиллерии А.Д. Засядко, командиром училища — капитан Н.В. Вохин.

Булаева были удостоены большой серебряной медали. Скончался 19 декабря 1853 года в своем имении⁷.

Однако был в его биографии еще до окончательной отставки один небольшой «домашний» период: 10 февраля 1825 года Н.В. Вохин по домашним обстоятельствам вышел в отставку и проживал в своем имении Булаево. (Вновь на службу он поступил 22 декабря 1827 года с назначением бригадным командиром 2-й учебной бригады военных кантонистов.) Хронологически эта «временная» отставка Н.В. Вохина совпадает с описываемым в семейной легенде Вохиных — Булаевских приездом в Булаево А.С. Пушкина.

Попробуем допустить, что возможно ближайший сосед — блестящий офицер, полковник гвардии, возможно знакомец по Петербургу действительно, как гласит семейная легенда Вохиных — Булаевских, пригласил Поэта в Булаево на партию в биллиард.

Потомок рода Вохиных Н.В. Булаевский, обладавший острым исследовательским умом ученого-генеалога, не имел достаточных оснований, кроме писем родственников, чтобы развить эту тему. Однако учитывая ряд определенных сведений, проведя косвенный анализ, считаю нужным ввести сельцо Булаево в псковский топографический пушкинский оборот.

⁷ Выписка из указа об отставке // Русская старина. 1891. № 3. С. 566.

Приложение

*H.B. Вохин, полковник.
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск
и войск связи*

*Усадебный дом Яхонтовых в Камно.
Рисунок А.Н. Высоцкой-Яхонтовой*

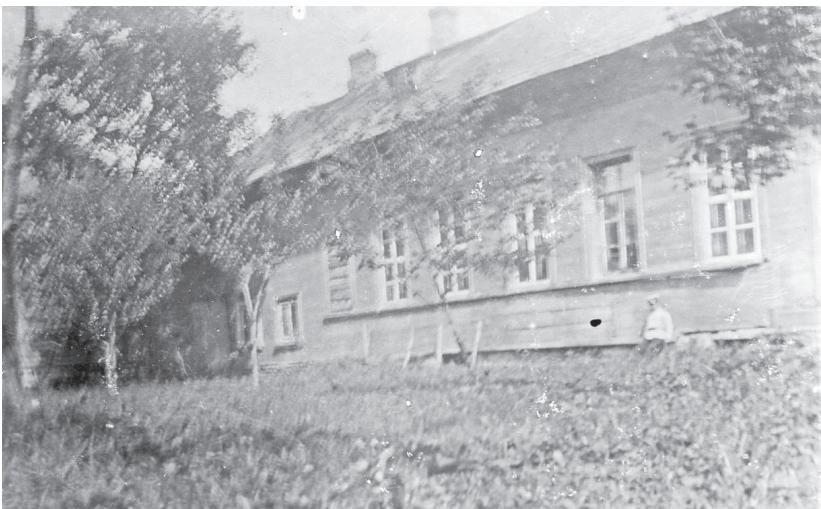
Церковь св. Георгия в погосте Камно.
Склеп Вохиных, место погребения Н.В. Вохина

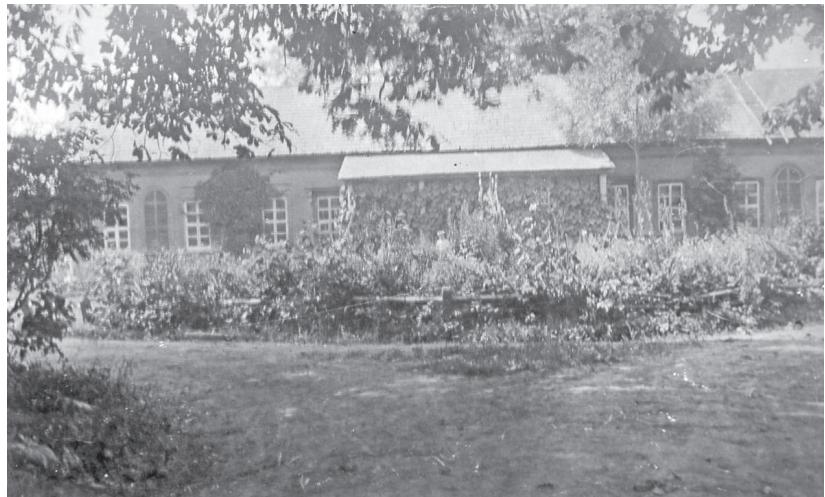
Погост Камно, склеп Н.В. Вохина

Погост Камно. Церковь. Могила А.А. фон Моллер

Усадебный дом в Булаеве.
Фото В.Н. Булаевского. 1900-е годы

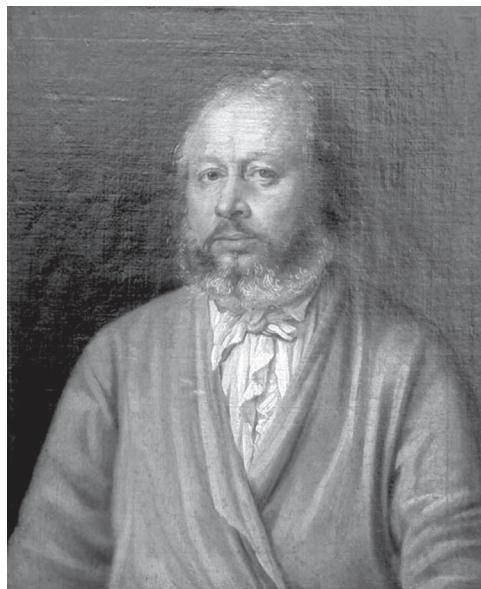
Усадебный дом в Булаеве.
Фото В.Н. Булаевского. 1900-е годы

Домовая церковь Казанской иконы Божией Матери в парке Булаева.
Фото В.Н. Булаевского. 1900-е годы

Пруд в Булаеве.
Фото В.Н. Булаевского.
1900-е годы

В.Ф. Вохин, отец Н.В. Вохина.
Псковский государственный
объединенный
историко-архитектурный
и художественный
музей-заповедник
(ныне Псково-Изборский
объединенный
музей-заповедник)

А.П. Вохина,
мать Н.В. Вохина.
Псковский государственный
объединенный
историко-архитектурный
и художественный
музей-заповедник
(ныне Псково-Изборский
объединенный
музей-заповедник)

Л.Ф. Вохина,
урожденная фон Моллер.
Псковский государственный
объединенный
историко-архитектурный
и художественный
музей-заповедник
(ныне Псково-Изборский
объединенный музей-заповедник).
Фонд Вохиных

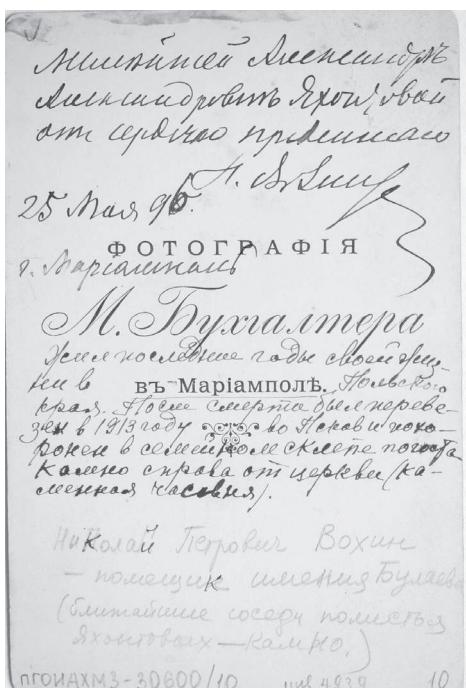

Л.Ф. Вохина, урожденная фон Моллер.
Псковский государственный объединенный
историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
(ныне Псково-Изборский объединенный музей-заповедник).
Фонд Яхонтовых

Н.Н. Вахин, предводитель дворянства
Псковского уезда

Н.Н. Вахин. Оборот фото.
Дарственная надпись
Н.В. Вахина.
Псковский государственный
объединенный
историко-архитектурный
и художественный
музей-заповедник
(ныне Псково-Изборский
объединенный музей-заповедник).
Фонд Яхонтовых

3/304

Н.В. Вохин,
полковник.

Военно-исторический
музей артиллерии,
инженерных войск
и войск связи

Карта Псковского уезда. Яхонтово — погост Камно — Булаево в 7 км

Владимир Васильев

ПСКОВ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ: ЧТО БЫЛО, ЧТО ОСТАЛОСЬ

Как выглядел Псков без малого двести лет назад, в двадцатые — тридцатые годы XVIII века, когда сюда приезжал Пушкин? Какие здания (кроме древних церквей и крепостных стен), в которых бывал или которые мог видеть поэт, сохранились до наших дней? Как изменился их облик с тех пор и как изменился сам Псков?

Попробуем совершить небольшую экскурсию по Пскову пушкинской эпохи, используя в качестве путеводителя план города, составленный в 1821 году тогдашним псковским губернским архитектором Францем Ябсом¹. План этот хранится не за семью печатями, а доступен всем посетителям Российского государственного исторического архива (РГИА), что находится на Заневском проспекте в Петербурге. Однако этот любопытнейший документ многие десятилетия не привлекал к себе внимание исследователей: вероятно, их вводило в заблуждение название чертежа, длинное и витиеватое: «План Губернского ГОРОДА ПСКОВА с поселенными при нем Слободами конфирмован 1778го года июня 16го дня». Увидев дату — 1778 год, исследователи, открывавшие этот чертеж, приходили, судя по всему, к выводу, что перед ними лежит очередная копия плана 1778 года, достаточно хорошо известного, и теряли к ней интерес.

Но дело в том, что, согласно существовавшим в Российской империи правилам, такое наименование давали всем планам Пскова вне зависимости от года их составления вплоть до 1880-го, когда был утвержден следующий план города. А ведь каждый из этих «промежуточных» планов (на данный момент их известно пять) помимо отображения высочайше утвержденной планировки города запечатлел особенности, характерные именно для того времени, когда каждый чертеж был составлен. В ту далекую доксероксную эпоху копии высочайше конфирмованного плана выполнялись достаточно часто (другое дело, что лишь немногие из них сохранились до наших дней), а целью составителей таких планов была именно фиксация существующего положения.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 167. Д. 5. Л. 1.

Итак, перед нами Псков начала 1820-х годов. Давайте мысленно проедем по улицам города вместе с Пушкиным, как будто бы сидя вместе с ним в коляске и радуясь близкому завершению утомительного путешествия по пыльным российским дорогам.

Кстати, о путешествиях: на пару минут отвлечемся от основной темы нашего рассказа и посмотрим, как выглядели в пушкинскую пору основные достопримечательности тех самых российских дорог — почтовые станции. Те из них, которые существовали на территории Псковской губернии в конце 1820-х и в начале 1830-х годов, в большинстве своем были построены по проектам все того же Ябса на основе образцовых высочайше утвержденных проектов, так что местному архитектору оставалось только приукрасить фасад и проследить за качеством строительства. Все станции делились на четыре класса исходя из важности направления и с учетом расстояния до ближайшего города.

В Государственном архиве Псковской области (ГАПО) хранятся проекты нескольких станций, разработанных Ябсом для строительства в Оrlах², Елинах и других селах, и можно с уверенностью утверждать, что на таких же или подобных им станциях вынужденно коротал время и Пушкин, ожидая смены лошадей (*см. Приложение в конце статьи*).

Однако вернемся к рассказу о том, каким видел Псков приезжавший сюда Пушкин. Поэт подъезжал к Пскову или со стороны Петербурга, или со стороны Острова, если ехал из Михайловского. В первом случае он почти наверняка подъезжал по старому Московскому шоссе, которое на плане Ябса названо «Большая дорога на Санкт-Петербург, Новгород и Москву». Трассу этой дороги практически полностью сохраняет ее преемница — нынешняя улица Льва Толстого. Как и упомянутая улица, Московское шоссе не имело прямого въезда в город, упираясь в линию петровских земляных укреплений. Санкт-Петербургское соединительное шоссе — предтеча Октябрьского проспекта — было построено только в самом конце 1820-х годов и тоже сначала упиралось в крепостные стены Окольного города, пока губернатор А.Ф. Квитка не приказал все тому же Ябсу спроектировать и выполнить сквозной проезд, соединивший Сергиевскую улицу с новым шоссе³. А до того времени экипажи, приезжавшие в Псков со стороны Петербурга и Новгорода, вынуждены были поворачивать и ехать вдоль крепостных стен и петровских бастио-

² Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 691. Л. 174.

³ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 835.

нов к Великим или к Петровским воротам. На этой развилке, в самом начале Московского шоссе сразу по завершении его строительства в 1770-х годах стихийно выросла шеренга кузниц (а где нужнее подковать лошадь, как не перед выездом в дальнюю дорогу или по завершении путешествия?). Поэтому нет ничего удивительного в том, что столь же стихийно появившаяся объездная дорога, постепенно обстроенная обычательскими домиками, стала называться Кузнецкой улицей.

Зданий, которые существовали в пушкинскую эпоху и сохранились до наших дней, осталось немного. Да, мы, конечно же, не можем не вспомнить церковь Успения с Полонища (в ту пору ее называли Новой Успенской): в ее метрической книге Александр Сергеевич был указан в числе восприемников, находившихся при крещении малолетних сыновей своего приятеля Г.П. Назимова. Церковь сохранилась практически в неизменном виде, но в 1820-е годы ее зрительное восприятие было иным, поскольку она находилась в центре небольшой прямоугольной площади (*см. Приложение*).

Неподалеку от Успенской церкви, на берегу Великой стоит известный псковичам дом Беклешова. В архивных фондах сохранились чертежи приспособления этого старинного здания под размещение в нем псковской губернской гимназии. Всего было выполнено три варианта, два из которых вычертил Франц Ябс — в 1831 и в 1833 годах. Первый из упомянутых вариантов⁴ является, по сути, фиксационным чертежом, содержащим предложение минимально необходимых переделок, поэтому дом Беклешова изображен на этом чертеже в том состоянии, в каком Пушкин мог видеть его вплоть до середины 1830-х годов (*см. Приложение*). Второй вариант⁵ близок нынешнему виду этого здания, но ремонт был начат уже после 1835 года, и Пушкин вряд ли застал его завершение.

Старая почта, или губернский почтамт — ну, как же не упомянуть и об этом здании, в стенах которого Пушкин должен был побывать неоднократно. О том, в какой степени оно изменилось, можно судить по архивному чертежу⁶, сделанному в 1819 году Ф.И. Уткиным — архитектором петербургского почтамта, ставшим впоследствии псковским губернским архитектором. По этому чертежу, покрашенному сдержанной сепией, мы не можем судить о том, в какой цвет были выкрашены

⁴ РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 776. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 335. Л. 3.

фасады почтамта в пушкинскую эпоху (в отличие от ярко-зеленого цвета 1793 года)⁷. Обратим, однако, внимание на изящно прорисованную ограду почтового двора, примыкающего к почтамту с западной стороны (*см. Приложение*). Нам, с незапамятной поры привыкшим видеть этот северный фасад «старой почты» упершимся в торец послевоенной пятиэтажки, непривычно и странно видеть красивую ограду, тянувшуюся куда-то вглубь двора. Но в том давнем Пскове, который мы почти потеряли, северный фасад почтамта выходил на главную площадь, и ограда почтового двора из утилитарного сооружения превращалась в обрамление этой площади.

Еще одним псковским зданием, помнящим Пушкина, является так называемый «Дом губернатора», построенный в конце XVIII века и хорошо знакомый псковичам как детско-юношеская библиотека имени В. Каверина⁸. Резиденцией псковских губернаторов это здание стало с 1830 года, поэтому Пушкин должен был бывать в нем. Вид этого здания, к настоящему времени обросшего разномастными пристройками, вплоть до середины 1840-х годов был совсем иным. На хранящихся в архивах чертежах, выполненных в 1835 году⁹, мы видим компактное мастерски декорированное здание (*см. Приложение*). К сожалению, отмывка сепией не передает цветового решения фасадов, но благодаря натурным исследованиям, выполненным в 2012 году, удалось установить цвет первоначальной окраски дома Валуева¹⁰ — светло-синий. Теперь вы можете себе представить, как выглядело это здание — светло-синее с белыми деталями, царственно расположенное на возвышении, обращенное своим главным фасадом в сторону раскинувшегося внизу парка.

В самом начале нашего рассказа было упомянуто, что мы не будем говорить о древних церквях и крепостных стенах, которые, как всем понятно, тоже были свидетелями визитов Пушкина в Псков. Однако

⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 335. Л. 1.

⁸ С 2017 года в «Доме губернатора» проводились реставрационные работы, библиотека имени В. Каверина во время реставрации расположилась в Пскове по адресу Сиреневый бульвар, 3. — Ред.

⁹ РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 764. Л. 5.

¹⁰ Согласно списку домов, составленному в 1805 году, владельцем этого дома указан статский советник Алексей Валуев. См.: Памятная книжка Псковской губернии на 1901 год. Город Псков сто лет тому назад (приложение). С. 43.

нельзя удержаться, чтобы не побаловать Вас, уважаемый Читатель, еще одним архивным рисунком. Это вид южной стены Псковского кремля — Персей, выполненный в 1837 году псковским губернским архитектором Ф.И. Уткиным¹¹ (*см. Приложение*). Именно таким видел наш кремль и Александр Сергеевич во время своих прогулок по Пскову.

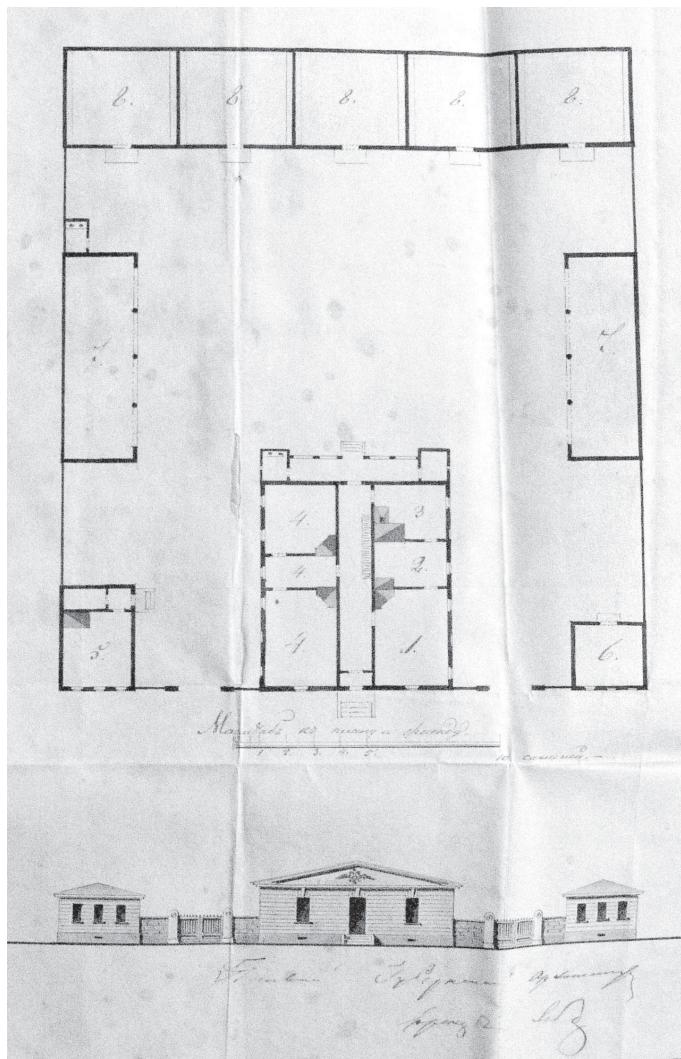
В заключение позвольте кратко упомянуть еще один объект, который существовал в пушкинскую эпоху, но в наше время выглядит совершенно иначе. Если бы Александр Сергеевич чудесным образом оказался в современном Пскове и увидел церковь Покрова и Рождества от Пролома, то, весьма вероятно, подумал бы, что его разыгрывают, ибо в начале XIX века эти храмы имели совсем другой вид. Сегодня многочисленные туристы с подачи говорливых экскурсоводов умиляются уникальным обликом двух церковок, сросшихся наподобие сиамских близнецов. Но во времена Пушкина все, во-первых, прекрасно видели, что это две разные церкви, расположенные на некотором расстоянии друг от друга. Во-вторых, эти церкви были возведены в разные столетия, поэтому никак не могли быть зеркальным отражением друг друга. Это зафиксировано на все том же плане Ябса (*см. Приложение*). Предположение, что старательный немец вдруг ошибся, составляя свой чертеж, опровергает аналогичный план Пскова, составленный около 1802 года другим губернским архитектором — К.Ф. Ждановым¹². На его чертеже две рассматриваемых церкви тоже показаны как отдельно стоящие, с хорошо различимым просветом.

Подытоживая нашу короткую виртуальную экскурсию, позволю себе надеяться, что мой рассказ поможет по-иному взглянуть на привычный облик знакомых зданий.

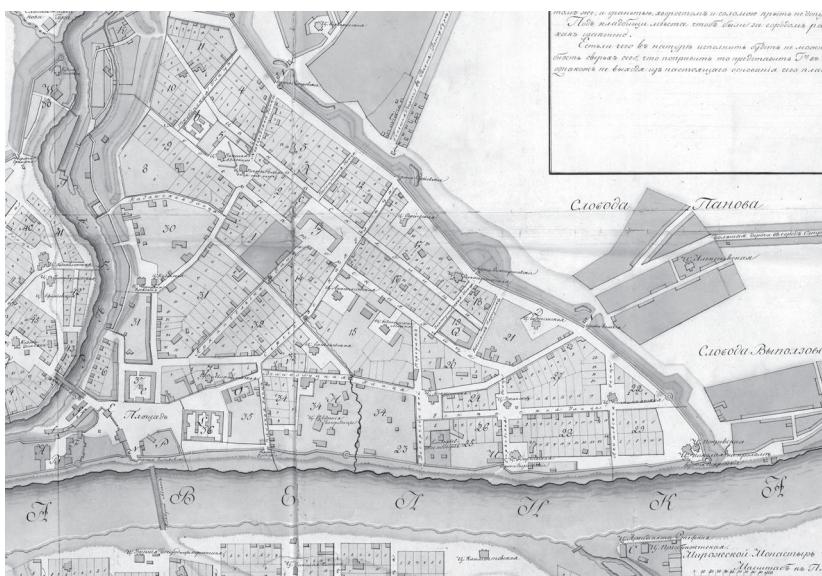
¹¹ РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 762. Л. 5.

¹² РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 4. Л. 1.

Приложение

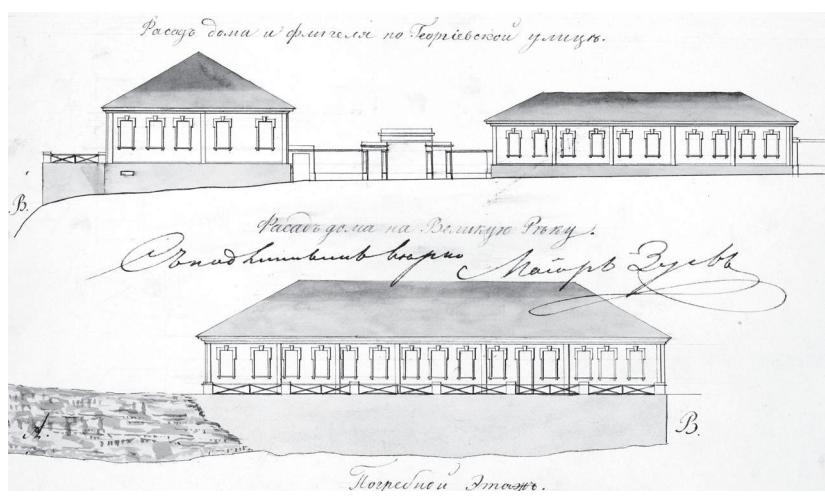
Проект почтовой станции на 48 лошадей, разработанный Ф. Ябсом для строительства в Псковской губернии. Фрагмент

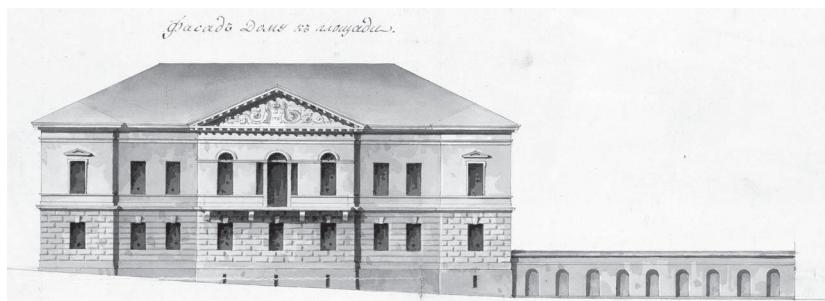
План Пскова, составленный Ф. Ябсом в 1821 году. Фрагмент

Церковь Успения с Полонища, в которой А.С. Пушкин присутствовал
при крещении сыновей Г.П. Назимова. Фото В. Васильева. Август 2019 года

Проект перестройки усадьбы Беклемешова для размещения губернской гимназии, составленный Ф. Ябсом в 1831 году. Фрагмент

Чертеж главного фасада псковского губернского почтамта, выполненный Ф.И. Уткиным в 1819 году. Фрагмент

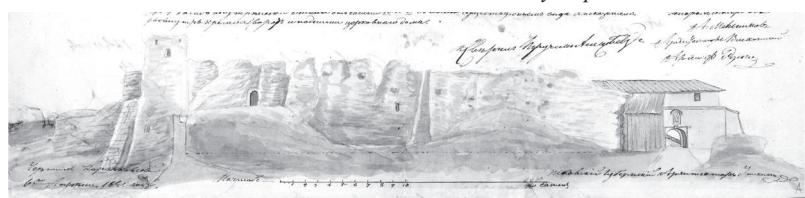
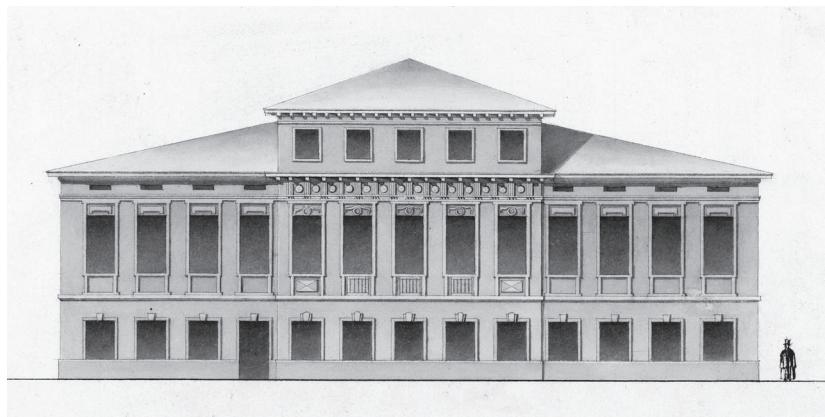
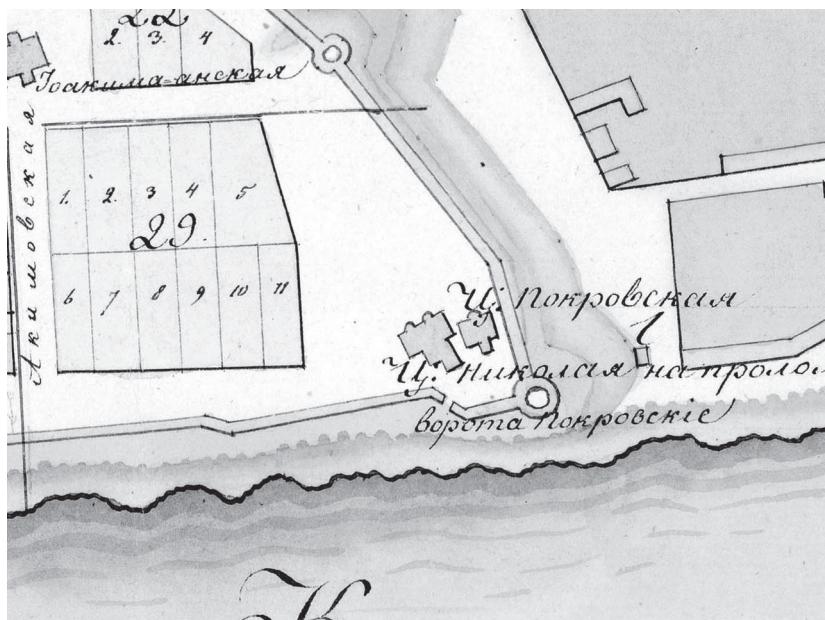

Рисунок южной стены Кремля, выполненный Ф.И. Уткиным в 1837 году. Фрагмент

Чертеж главного фасада дома Валуева,
выполненный Ф.И. Уткиным в 1835 году. Фрагмент

Изображение церквей вблизи Покровской башни на плане Пскова,
составленном Ф. Ябсом в 1821 году. Фрагмент плана

Валентина Ганибалова

ВЕНОК ПУШКИНУ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ. МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР

Поэтические отклики Пушкина на искусство Карла Дидло, А. Истоминой, А. Лихутиной, Е. Колесовой свидетельствуют о его большом интересе к искусству балета. Балет как явление искусства принадлежит театру, следует его законам. Успех этого рода зрелиц зависит от удачно выбранного сюжета и правильного распределения сцен.

Хотя балет — произведение прежде всего хореографическое, его жизнь зависит от того, насколько органично он синтезирует в себе различные виды драматургии: музыкальной, хореографической, сценографической, литературно-сценарной.

Неслучайно первым назван здесь литературный сценарий (либретто). Для каждого спектакля литературный сценарий является каркасом, который держит драматургию балетного сочинения и является импульсом для создания хореографической постановки. Его разработка ведется в соответствии с замыслами композитора и хореографа.

Мне известны три балетных спектакля по произведениям Пушкина. Два из них до сих пор идут на сцене Мариинского театра. Премьера балета «Бахчисарайский фонтан» на музыку Б. Асафьева по либретто Н. Волкова в постановке хореографа Р. Захарова и художника В. Ходасевича состоялась 28 сентября 1934 года. Первой постановкой дирижировал Е. Мравинский. Заглавные партии исполнили Г. Уланова, К. Сергеев, Т. Вечеслова и О. Иордан.

Премьера балета «Медный всадник» на музыку Р. Глиэра по либретто П. Аболимова в постановке балетмейстера Р. Захарова и художника М. Бобышева состоялась 14 марта 1949 года. Дирижировал оркестром Е. Дубовской. Постановка была приурочена к 150-летию со дня рождения Пушкина. Действие спектакля происходит в Санкт-Петербурге в начале XVIII века (первая и вторая картины) и в 1824 году (год наводнения). Музыка к «Медному всаднику» относится к лучшим произведениям композитора. Музыкальная драматургия балета основана на столкновении двух тем: Петра и его великого города — и любви двух «маленьких людей». Один из музыкальных номеров, «Гимн великому городу», стал гимном Ленинграда-Петербурга. Здесь авторы

следовали идеи о том, что настоящий герой — Петербург. Оттого и начинается спектакль с выхода Петра Первого, задумавшего грандиозный план строительства новой столицы, и глазам зрителей предстают картины Петербурга начала XIX века, как бы подтверждающие, что замысел удался и великий город построен.

Третий спектакль, который я видела в исполнении труппы «Штутгартского балета», «Онегин», был поставлен по собственному либретто хореографом Д. Крэнко на музыку П. Чайковского в аранжировке К. Штольце, художник спектакля Ю. Розе. Премьера состоялась в Штутгарте (Германия) 13 апреля 1965 года. Из той фабулы, что я видела, неизвестно, читал ли Д. Крэнко «Евгения Онегина». Сам Крэнко сказал, что он ставил этот балет не для русских зрителей, а для более широкой аудитории. Надо отметить, что отечественный писатель перед романом А.С. Пушкина «Евгений Онегин» долго не позволял русским балетмейстерам даже прикоснуться к этой «энциклопедии русской жизни». Чайковский написал свою оперу, осторожно назвав ее «лирическими сценами». Именно величие этого романа не позволило в дальнейшем представить его на драматической сцене. Попытка А. Таирова в Камерном театре в 1937 году не состоялась. От нее осталась прекрасная музыка Прокофьева, которая впоследствии использовалась разными хореографами в своих произведениях на другие темы. Однако выдающийся хореограф Джон Крэнко ставил свой балет, проникнутый любовью к русской культуре. Несмотря на «приблизительность» этого спектакля, он пользовался большим успехом и был даже экранизирован. На гастролях труппы в разных странах спектакль был отмечен прессой как «удачный возврат от бессюжетных одноактных балетов к многоактному драматическому спектаклю». Впрочем, Крэнко никогда не скрывал того факта, что большое влияние оказали на него лучшие образцы русского балета. Балет «Онегин» был поставлен и на других мировых сценах.

И еще несколько слов о балете «Бахчисарайский фонтан».

Музыка, хореография, живопись «Бахчисарайского фонтана» не могут каждая в отдельности претендовать на вершину в своей области. Но соединившись вместе они создали единое целое, которое позволяет отнести этот балет к шедеврам. «Бахчисарайский фонтан» стал одним из первых спектаклей нового направления в балете — «хореодрамы». Асафьев оттолкнулся в своей музыке от известного романса Александра Гурилева «Фонтану Бахчисарай» («Фонтан любви, фонтан живой...»). Он стал темой «перерождения дикой души» главного героя — хана Ги-

рея. В основном музыка сочинялась исходя из пушкинского представления о событиях и персонажах балета. Многое привнес балетмейстер Захаров в балет из драматического театра. Две розы — белая и красная, Мария и Зарема, партия которой была постоянно в моем репертуаре, — стали символом любви, живого журчащего фонтана грез. В советское время этот спектакль шел почти во всех музыкальных театрах страны. В наше время он идет только в Мариинке, где и родился (как и «Медный всадник»), и является историческим реликтом Мариинского театра. Новые исполнители находят свое понимание образов пушкинского балета.

«КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ»
*Литература как источник вдохновения
в творчестве Сергея Рахманинова*

Что такое музыка?!
Это тихая лунная ночь;
Это шелест живых листьев;
Это отдаленный вечерний звон;
Это то, что рождается от сердца и идет к сердцу;
Это любовь!
Сестра музыки это поэзия, а мать ее — грусть!

С.В. Рахманинов.
Письмо У.Е. Консу. 1932–1933¹

Большинство сочинений Рахманинова связано с литературой прямо или опосредованно. Сегодня в каталоге литературных произведений, к которым обращался Сергей Рахманинов, числится 141 название: более 80 романсов, оперные отрывки, три завершенных («Алеко», «Скупой рыцарь», «Франческа да Римини») и одна незаконченная («Монна-Ванна») оперы, кантата «Весна», поэма для оркестра, хора и голосов соло «Колокола», хоры светские (с фортепиано и без) и духовные (отдельные хоры, а также циклы «Всеночное бдение» и «Литургия св. Иоанна Златоуста»), обработки народных песен. В каталог вошли и замыслы, которые остались невоплощенными. Но ведь композитор обращался к этим литературным сочинениям, значит, его волновали эти произведения, вызывали желание творить, а потому включение их в каталог кажется целесообразным.

Рахманинов часто обращался к литературному источнику не только в своих вокальных, но и в инструментальных сочинениях. Особенно это заметно в раннем творчестве. Еще обучаясь в консерватории, он написал симфоническую поэму по стихотворению А.К. Толстого «Князь Ростислав». Приведя в партитуре полный текст баллады, композитор стремился отразить ее содержание в своем сочинении. Картинная об разность музыки основана на конкретной поэтической программе.

¹ Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2. М., 1980. С. 343.

В 1893 году появляется фантазия для симфонического оркестра «Утес». Композитор избрал эпиграфом начальные слова стихотворения М.Ю. Лермонтова:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великаны.

Но была еще и другая, необъявленная программа — один из рассказов А.П. Чехова «На пути». Об этом свидетельствует надпись на подаренном писателю экземпляре фантазии: «Дорогому и глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову, автору рассказа «На пути», содержание которого, с тем же эпиграфом, служило программой этому музыкальному сочинению. С. Рахманинов. 9 ноября 1898 г.».

Фантазия для двух фортепиано, соч. 5 (1893), посвященная П.И. Чайковскому, имеет программные стихотворные эпиграфы. Это напоминает фортепианный цикл «Времена года» великого композитора, где каждой пьесе предписан стихотворный эпиграф. У Рахманинова фантазия состоит из четырех частей. Первые две части («музыкальные картины») — это, скорее всего, воспоминания о лете 1890 года, которое композитор впервые провел в имении Ивановка в обществе многочисленных молодых родственников. Там зарождались первые чувства, которые он, возможно, пронес через всю жизнь.

Вот эти эпиграфы.

К «Баркароле» — из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Венеция»²:

Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы...
...снова песнь! И вновь гитары звон!
...вдали то грустный, то веселый
Раздался звук обычной баркаролы.

К композиции «И ночь, и любовь» — эпиграф из Д. Байрона³:

То час, когда в тени ветвей
Поет влюбленный соловей,

² Рахманинов С.В. Фантазия для двух фортепиано. М., 1960. С. 5.

³ Там же. С. 38.

Когда звучат любви обеты,
Огнем живительным согреты,
И ветра шум, и плеск волны
Какой-то музыки полны.

Следующие две части связаны с детскими воспоминаниями. Бабушка брала Сережу на праздники в новгородский Софийский собор, где звонари поражали всех своим искусством. Отзвук тех ярких впечатлений — две колокольные контрастные «музыкальные картины».

«Слезы» — эпиграф из Ф. Тютчева:

Слезы людские, о, слезы людские!
Льетесь вы ранней и поздней порой —
Неистощимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной⁴.

Этот же мотив «слез» из четырех звуков, пронизывающий всю пьесу, встретим еще в опере «Скупой рыцарь» во второй картине, в момент рассказа Барона о том, как ему достались сокровища:

Если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных.

(VII, 111)

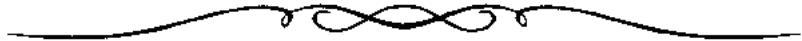
И это не единственный случай, когда возникшая в юности музыкальная тема используется впоследствии в зрелых сочинениях.

«Светлый праздник» — эпиграф из А. Хомякова:

И мощный звон промчался над землею,
И воздух весь, гудя, затрепетал,
Певучие, серебряные громы
Сказали весть святого торжества⁵.

⁴ Рахманинов С.В. Фантазия для двух фортепиано. С. 68.

⁵ Там же. С. 85.

Стихотворными эпиграфами композитор подсказывал слушателю источник вдохновения, но иногда он скрывал программу, хотя она и существовала при написании инструментального произведения.

Например, в «Записке о С.В. Рахманинове» Софья Сатина упоминает об эпиграфе к первой симфонии: «Мне отмщение, и Аз воздам»⁶. Это евангельское изречение использовал Лев Толстой в качестве эпиграфа к роману «Анна Каренина». Далее цитирую В. Брянцеву: «В связи со сведениями о словесном эпиграфе к симфонии, с ее посвящением Анне Лодыженской и с использованием в мелодике побочной партии так называемой «цыганской гаммы» было высказано предположение о том, что эта тема является своего рода музыкальным портретом «героини»⁷.

Более определенные сведения сохранились о Первой фортепианной сонате. В письме к своему другу Н.С. Морозову весной 1907 года Рахманинов пишет: «Меня завлекла программа, то есть, вернее, одна руководящая идея. Это три контрастирующие типы из одного мирового литературного произведения. Конечно, программы преподано никакой не будет, хотя мне и начинает приходить в голову, что если б я открыл программу, то Соната стала бы яснее»⁸. Первый исполнитель сонаты К. Игумнов впоследствии узнал от композитора, «что при сочинении сонаты он имел в виду гетеевского Фауста и что 1-я часть соответствует Фаусту, 2-я Гретхен, 3-я — полет на Брокен и Мефистофель»⁹.

Далее мы будем вести разговор о вокальных сочинениях, где слово не только создает атмосферу, описывает ситуацию, подсказывает эмоциональное состояние, но и само становится объектом работы над ним. Собственно работа композитора над словом и является главной темой исследования.

Закономерно будет начать рассмотрение взаимоотношений слова и музыки с того, какие авторы оказались востребованными Рахманиновым. Что говорит статистика? В нашем каталоге — 66 фамилий, это поэты, писатели, переводчики, либреттисты, сценаристы. 27 авторов только однажды заинтересовали Рахманинова, 17 — привлекли его по 2–3 раза, а вот 7 поэтов постоянно сопутствовали музыканту. Это Д. Ратгауз, А. Фет, Ф. Тютчев, А. Плещеев, М. Лермонтов, А. Пушкин

⁶ Сатина С.А. Записка о С.В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове. М., 1988. Т. 2. С. 29.

⁷ Брянцева В. С.В. Рахманинов. М., 1976. С. 219.

⁸ Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 1. М., 1978. С. 433.

⁹ Там же. С. 85.

и А.К. Толстой. 10 раз обращался Рахманинов к творчеству А.К. Толстого, 9 — Пушкина, 6 — Лермонтова, Тютчева и Плещеева. И уже по списку имен можно сделать вывод об интересе композитора, в первую очередь, к классической русской поэзии. Помимо вышеназванных это еще и П. Вяземский, Н. Греков, В. Жуковский, А. Кольцов, А. Майков, Л. Мей, Н. Некрасов, Я. Полонский, А. Хомяков, Н. Цыганов.

Если обратиться к списку авторов П.И. Чайковского (который, кстати, в два раза короче) и сравнить его со списком Рахманинова, то можно заметить, что наиболее любимые поэты Чайковского, а именно: Плещеев, Мей, А.К. Толстой, К. Р., Ратгауз, Фет, Апухтин, Греков, Полонский — как по наследству перешли к Рахманинову. В первые годы своего творчества он «не искал американ», большинство романсов и хоров написано на стихи этих сочинителей. Только в опусе 14 (1896) появляются новые имена: Бальмонт, Минский, Надсон, Давидова, а в опусе 21 (1902) они (т. е. новые имена) уже превалируют. В 1906 году в 26 опусе он в последний раз обращается к стихам А.К. Толстого («Есть много звуков»), зато появляются имена А. Чехова и И. Бунина.

В предреволюционные годы Рахманинов начинает интересоваться и современными поэтами (не забывая при этом любимых авторов). Появляются романсы на стихи Е. Бекетовой, М. Давидовой, А. Коринфского, Г. Галиной, Н. Минского, Д. Мережковского, А. Блока, А. Белого, С. Надсона, И. Северянина, В. Брюсова, Ф. Сологуба, К. Романова.

Нетрудно заметить неравнозначность таланта творцов: некоторые имена знакомы нам только потому, что Рахманинов написал на их стихи популярные романсы. Но зато какие! С каким восторгом о них отзываются Григорий Прокофьев, написавший первую монографию о композиторе!

«Сирень» (Е. Бекетова): «Какая прелестная картинка! Как прост аккомпанемент, как незатейлива мелодика, и при этом сколько настроения, сколько искренности! Так и чувствуется весеннее, росистое утро, свежее, ясное, когда так легко дышится, так светло на душе, что скорбное сознание отсутствия счастья получает общий светлый оттенок и теряет свой трагизм»¹⁰.

«Здесь хорошо» — «слова Галиной, дарование которой сродни дарованию Рахманинова, т. е. по преимуществу лирическое, искреннее и простое. В этом романсе счастливо слились в одно целое музыка и текст,

¹⁰ Прокофьев Гр. Певец интимных настроений // Д.В. Калашников, О.А. Казьмин. «В Ивановку я всегда стремился». Воронеж, 2003. С. 256.

так что в результате — прелестное произведение, непосредственное и вместе с тем мастерски сделанное»¹¹.

«Я не пророк» (А. Круглов): «Этот символ веры поэта или композитора удивительно подходит к творчеству Рахманинова»¹².

Я не пророк, я не боец,
Я не учитель мира,
Я божьей милостью певец,
Мое оружье — лира.

Я волю господа творю;
Союза избегая с ложью,
Я сердцу песней говорю,
Бужу в нем искру божью!¹³

Их строки оказалисьозвучны композитору, возбудили его творческую фантазию, в результате на свет появились музыкальные шедевры. Что в них услышал он, чего не слышим мы? Не будем пытаться сейчас ответить на этот вопрос, хотя он, безусловно, интересен, и, быть может, найдет своего истолкователя.

Продолжим короткое знакомство с соавторами композитора. Хочется отметить, что только дважды в своем творчестве он использовал иностранный язык: в молодости написал один романс на французском языке («*C'était en Avril*») и один хор на латыни «*Deus meus*» (это была учебная работа). Когда же он обращался к поэзии иноязычных авторов, то его интересовал, как правило, результат труда русского поэта-соавтора (переводчика).

Например, цикл романсов соч. 8 (1893) объединяет имя переводчика — Алексея Николаевича Плещеева (1825–1893). В молодости за участие в кружке петрашевцев он был, как и Достоевский, приговорен к смертной казни, замененной солдатской службой. Семь лет он не писал стихов, но после возвращения в Москву вновь занялся сочинением. 26 сентября 1893 года поэт скончался в Париже, а 7 октября его с манифестией, многолюдным шествием хоронили в Москве. Рахманинов за две недели написал 6 романсов на тексты мастерских

¹¹ Прокофьев Гр. Певец интимных настроений. С. 256.

¹² Там же. С. 257.

¹³ Рахманинов С.В. Романсы. Т. 1. 1989. С. 167.

переводов из Гете («Молитва»), Гейне («Сон», «Речная лилея», «Дитя! как цветок ты прекрасна») и Шевченко («Дума», «Полюбила я на печаль свою»). Интересен факт, что еще ранее дедушка Сергея Рахманинова — Аркадий Рахманинов, который был знаком с поэтом, а сам был композитором-любителем, также написал романс «Сон» на текст Гейне — Плещеева.

Но впоследствии Сергей Рахманинов отказывается от переводов. В письме 15 марта 1912 года к Мариэтте Шагинян он просит: «Мне нужны тексты к романсам. Не можете ли Вы на что-либо подходящее указать? Будет ли это современный или умерший автор — безразлично! лишь бы вещь была оригинальная, а не переводная...»¹⁴

Но, как это иногда бывает в жизни, случилось ровно наоборот. Летом того же 1912 года композитор задумал симфонию. И в это время к нему пришло анонимное письмо с просьбой сочинить музыку на удивительный перевод поэмы Эдгара По «Колокола», сделанный Константином Бальмонтом. В конверте находились стихи, которые сразу же увлекли Рахманинова. В поэме четыре части, что соответствует четырем частям симфонии, а рахманиновские «Колокола» трактуют их как четыре этапа жизни человека. Так появилась на свет по сути программная хоровая симфония. В поэме По — Бальмонта «размышления о жизни и смерти передаются через поэтическую символику обрядовых колокольных звучаний, которые для композитора с юности стали важным жанром»¹⁵. Вот так (не)случайные совпадения творят чудеса.

В статье «Знать старые методы» Рахманинов пишет: «В процессе сочинения мне очень помогают впечатления от только что прочитанного (книги, стихотворения), от прекрасной картины... музыкальные идеи рождаются во мне с большей легкостью под влиянием определенных внemузикальных впечатлений»¹⁶. А в интервью 1927 года композитор так отвечает на вопрос о том, что для него является источником вдохновения: «Меня очень вдохновляет поэзия. После музыки я больше всего люблю поэзию. Наш Пушкин превосходен. Шекспира и Байрона я постоянно читаю в русских переводах. У меня всегда под рукой стихи. Поэзия вдохновляет музыку, ибо в самой поэзии много музыки. Они — как сестры-близнецы»¹⁷.

¹⁴ Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2. С. 43.

¹⁵ Брянцева В. С.В. Рахманинов. С. 442.

¹⁶ Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 1. С. 147.

¹⁷ Там же. С. 95.

И А.С. Пушкин упомянут не ради красного словца. Действительно, Рахманинов неоднократно обращался к его творчеству: две оперы, четыре романса и три оперных отрывка были написаны им на слова любимого поэта.

Во время учебы на композиторском факультете в Московской консерватории студенты выполняли задания по сочинению музыки в разных жанрах. Сохранились три отрывка молодого Рахманинова: из них один — совсем небольшой фрагмент (черновик) вокального квартета из «Полтавы», всего 13 тактов, и два монолога из «Бориса Годунова», которые были даже изданы¹⁸, правда, уже после смерти композитора. Сегодня они не исполняются — так же, как и многие «нераскрученные» романсы композитора.

Обращение к трагедии «Борис Годунов» не случайно: ведь опера Мусоргского уже получила известность, и это заметно в сочинениях молодого Рахманинова. Например, речитатив Пимена написан в той же тональности (ре минор), похож аккомпанемент, да и сам речитатив, несмотря на интонационные отличия, имеет явное сходство с монологом Пимена Мусоргского. Отличия есть в литературном тексте, особенно в монологе Бориса. И связано это в первую очередь с тем, что Мусоргский позволял себе вносить существенные изменения в пушкинский текст, а Рахманинов, очевидно, брал за основу печатное издание пушкинской трагедии того времени.

Чем интересны нам эти работы, датированные современными исследователями началом 1892 года (или все-таки раньше?), — так это тем, что они показывают гигантский рывок в композиторском мастерстве Рахманинова. Уже в марте этого же года он написал хотя и по-юношески наивную, но яркую и цельную оперу «Алеко». Это была экзаменационная работа при окончании Московской консерватории. Ее отметил сам Чайковский!

Выбор либретто не зависел от желания выпускников, оно было написано Вл. Немировичем-Данченко и дано им в качестве творческого задания. Эта работа необыкновенно увлекла молодого композитора: уже через 17 дней одноактная опера была готова! Оценки были очень высокие, а самое главное — опера была рекомендована к постановке. И 27 апреля 1893 года в Москве, в Большом театре с громадным успе-

¹⁸ Рахманинов С.В. (1873–1943). Вокальные произведения, не опубликованные автором: Для голоса с фортепиано / ред. П.А. Ламма. М. ; Л., 1947.

хом состоялась премьера оперы. Многие сцены повторялись, а критики отмечали несомненное драматическое дарование юного творца. Чайковский прекрасно понимал, как необходима поддержка молодым талантам и изо всех сил демонстрировал свое одобрение. После спектакля он предложил (как вспоминал Рахманинов — попросил разрешения!) ставить в один вечер оперу «Алеко» и свою «Иоланту». К сожалению, смерть великого композитора осенью 1893 года отразилась и на судьбе оперы «Алеко»: ее сняли с репертуара в Большом театре.

Трудно сказать, вносил ли изменения в текст либретто молодой студент. Оно издано в 1893 году уже после премьеры оперы. На обложке читаем: «Либретто составил из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы» Вл.И. Немирович-Данченко. Музыка С. Рахманинова»¹⁹, — то есть это уже окончательный вариант. А первоначальный текст либретто, который увидели студенты, и, может быть, перерабатывали его в процессе сочинения музыки, нам пока неизвестен. Сохранился ли он? Нужно искать в архивах.

По поводу либретто существуют разные мнения, иногда диаметрально противоположные. Либреттист свободно обращался с текстом А.С. Пушкина, не придерживаясь последовательности сюжета, его проблематики. Он использовал много пушкинских строк, но при этом не стеснялся привносить свои. Да и пушкинские выдернуты из поэмы достаточно беспорядочно, часто произносятся другим действующим лицом. Что касается действия, то взята заключительная фаза драмы, собственно, ее финал — то есть то, что привыкли видеть на оперной сцене: здесь это новая любовь Земфиры, ее измена, ревность Алеко и кровавая развязка.

Тем самым содержание поэмы Пушкина значительно обеднено и искалено. М. Загорский прямо пишет о «подмене другим произведением, ничего общего не имеющим с Пушкиным. На оперной сцене таких явных подделок немногого»²⁰. Сам композитор во время работы над оперой был чрезвычайновлечен ею и писал Наталье Скалон, что «либретто очень хорошо сделано. Сюжет чудесный»²¹. В дальнейшем его отношение к опере изменилось, он даже перестал давать разрешения на ее постановку. Так бывает, когда зрелый композитор критично относится к своим юношеским работам.

¹⁹ Немирович-Данченко Вл. Алеко. Либретто. 1893.

²⁰ Загорский М. Пушкин и театр. М., 1940. С. 305.

²¹ Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 1. С.188.

Напомним, что в жизни (и в творчестве) композитора в те годы цыганская тема занимала большое место, и это совпадение с темой будущей оперы, конечно, сыграло вдохновляющую роль. Наверное, не будет преувеличением сказать, что молодой композитор смог из имеющегося либретто выжать максимум и создать несколько ярких и запоминающихся сцен.

При сравнении текстов либретто (1893 года издания) и современного клавира выяснилось, что в Каватине Алеко есть слова, которых нет в либретто:

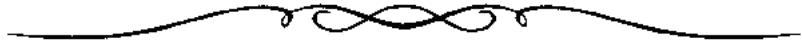
Я помню: с негой, полной страсти,
Шептала мне она тогда:
«Люблю тебя! в твоей я власти!
Твоя, Алеко, навсегда!»
И все тогда я забывал,
Когда речам ее внимал
И, как безумный, целовал
Ее чарующие очи,
Кос кудных прядь темнее ночи,
Уста Земфиры... А она,
Вся негой, страстью полна,
Прильнув ко мне, в глаза глядела...
И что ж?

Собственно, это — целый раздел, 26 тактов, которые написаны позже. Есть автограф именно этой вставки, на котором точная дата не читается — 189(?) год²². Возможно, он написан для исполнения роли Алеко Шаляпиным в 1899 году? Слов этих нет в поэме, нет в либретто, нет в первом издании клавира. Откуда они? Кто их автор? Пока эти вопросы не имеют ответа. Есть предположение, что слова эти написал друг и либреттист неоконченной оперы Рахманинова «Монна Ванна» М. Слонов, но доказательств нет.

Когда сравниваешь Каватину в первом издании клавира²³ с тем вариантом, который мы привыкли слышать сегодня, поражаешься тому возросшему мастерству, которым овладел в короткое время молодой

²² Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М.И. Глинки (ГЦММК). Фонд С.В. Рахманинова. № 5.

²³ Рахманинов С.В. Алеко. Клавир. М., 1892.

композитор. Кстати, у А.С. Пушкина слова, которые стали текстом Каватины, — это небольшой фрагмент разговора со Стариком, всего 11 строк:

(Земфира!) Как она любила!
Как нежно преклонясь ко мне,
(Она) в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
(Веселья детского полна)
Как часто милым лепетаньем
(Иль)upoительным лобзаньем
(Мою) задумчивость (она) мою
В минуту разогнать умела!
И что ж? Земфира неверна!
Моя Земфира охладела.

Скобками отмечены пропущенные в либретто пушкинские слова. Кроме того, в первой строке добавлено: «Земфира!» — а в восьмой строке слово «мою» поменяло место. Специально показываю, как могут препарировать текст поэта либреттисты. А еще Немирович-Данченко добавил в начале Каватины несколько строк — взял из поэмы и сочинил от себя:

Весь табор спит. Луна над ним
Полночной красотою блещет.
Что ж сердце бедное трепещет?
Какою грустью я томим?
Я без забот, без сожаленья
Веду кочующие дни.
Презрев оковы просвещенья,
Я волен так же, как они.
Я жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой.
Но, боже, как играют страсти,
Моей послушною душой!

Этот фрагмент я не расшифровываю, предлагаю вам самим поискать эти строчки у Пушкина. Для этого придется прочитать всю

поэму, так как строчки действительно виртуозно выдернуты из текста и можно только поразиться умению либреттиста складывать пазлы из чужих рифм. Когда не находит подходящую, ему приходится самому писать «под Пушкина». Такова практика создания оперного либретто.

Итак, в первом издании клавира Каватина имеет 22 поэтические строки. В новой (нынешней) редакции появилось еще 12 строк. В результате вместо пушкинского небольшого лирического воспоминания Алеко о былой любви Земфиры возник рагманиновский гимн любви, лирическая кульминация оперы.

Странно, что ни в одной статье (об опере) не упоминается о наличии двух редакций. Скажу более: А.В. Оссовский, вспоминая и сравнивая премьеру оперы и впечатления от великолепного исполнения Шаляпиным Каватины в 1899 году, кажется, тоже не заметил, что слушал разные варианты, существенно отличающиеся друг от друга.

И быть может, «широкайшая гамма человеческих чувств, которую с потрясающей глубиной и правдой раскрыл в этой арии Ф.И. Шаляпин»²⁴, зависела не только от гениальности певца, но и от таланта и возросшего мастерства композитора?

В том же 1892 году появился первый и самый популярный пушкинский романс Рахманинова «Не пой, красавица, при мне». Интересна сама история (или легенда?) возникновения стихотворения и первого романса. В 1828 году А.С. Грибоедов приехал в отпуск из Тегерана. В Приютине, усадьбе Олениных под Санкт-Петербургом, собиралась интересная творческая компания, в которой был и молодой, еще только начинающий композитор Михаил Глинка. Грибоедов напевал мелодию восточной песни, которая преследовала его. Глинка записал ее в виде фортепианной пьесы и импровизировал на эту тему. Всем понравилось его исполнение, а Александр Сергеевич Пушкин написал стихи на музыку Глинки. То есть музыка стала источником вдохновения для поэта.

Так звучит история о появлении первого романса с этими стихами. Почему это кажется легендой? Факты противоречат. И, пожалуй, самый главный из них тот, что музыка Глинки абсолютно не имеет восточно-го колорита (а значит, или Грибоедов напевал другую, действительно

²⁴ Оссовский А.В. С.В. Рахманинов // Воспоминания о Рахманинове. Т. 1. М., 1988. С. 355.

восточную, мелодию, или он здесь вообще ни при чем). Есть интересная статья С.Л. Гинзбурга «Пушкин и грузинская песня»²⁵, в которой автор пытается найти следы Востока и даже как будто находит тему песни, которую можно сопоставить с мелодией Глинки, но... тема эта в романсе настолько теряет все восточные признаки, что наше ухо слышит лишь свой родной напев. С.В. Фролов в статье, посвященной многочисленным (несколько десятков) музыкальным интерпретациям стихотворения А.С. Пушкина²⁶, отмечает, что впервые восточный колорит появляется в романсе М. Балакирева, а уже затем другие композиторы подхватили эту идею, и среди них — Сергей Рахманинов. Он создал, по словам Брянцевой, «маленьющую лирическую трагедию»²⁷. А ведь было ему только 19 лет!

Многие музиковеды анализировали этот романс, пытаясь разгадать секрет создания шедевра. С.В. Фролов перечисляет не один десяток статей, посвященных ему. Есть одно очень важное замечание: многие исследователи ставят романс Рахманинова на первое место, объявляют его лучшим, победившим всех. Категорически не согласна с такими критериями подхода к произведениям искусства. Есть спорт, где можно прыгнуть выше всех, пробежать быстрее всех и т. п. В искусстве, слава богу, могут прекрасно сосуществовать разные интерпретации, противоположные взгляды, собственно в этом, наверное, и смысл искусства: поиск нового, иного, другого. При всем восхищении романсом Рахманинова у меня будут моменты, когда мне захочется услышать другие музыкальные вариации текста Пушкина — так же, как интересно проживать одну роль с разными актерами, рассматривать Мадонну разных художников и т. п.

К сожалению, другие романсы Рахманинова на слова Пушкина очень редко исполняются, и публика их почти не знает. Все они написаны в 1912 году, можно сказать — по инициативе молодой поэтессы Мариэтты Шагинян. Она первой написала письмо композитору, в нем — слова веры и любви к его творчеству. Это было время революционных

²⁵ Гинзбург С.Л. Пушкин и грузинская песня. К истории создания стихотворения «Не пой, красавица, при мне» // Пушкин. Исследования и материалы. М. – Л., 1953. С. 318–333.

²⁶ Фролов С.В. «Не пой, красавица, при мне»: Глинка, Рахманинов и все, все... // Материалы I научного собрания памяти С.В. Рахманинова. Ивановка, 2015.

²⁷ Брянцева В.Н. Сергей Васильевич Рахманинов. С. 143.

свершений в искусстве, а Рахманинов многими критиками представлялся ретроградом, оставшимся в прошлом веке. Слова юной фанатки оказались столь необходимыми музыканту, что он сразу же ответил ей. Так завязалась многолетняя переписка и дружба. Поэтесса подписала свое письмо «Re», и в дальнейшем композитор так ее и называл. Вскоре они познакомились, их разговоры о поэзии и жизни сделались необходимыми обоим.

Обратимся к живым и эмоциональным воспоминаниям Мариэтты Шагинян о встречах с Рахманиновым²⁸:

«Однажды мы с ним поспорили о Пушкине. Он стал говорить, что и у Пушкина есть менее интересное и даже менее «вразумительное». Я, по обыкновению, вспыхнула как порох и стала утверждать, что у него каждая строка — совершенство. И чем больше он посмеивался на мою горячность (он страшно любил, дразня, доводить меня до белого каления), тем более я «клезла на стену». Он взял второй том, раскрыл его на 123 странице и, пробежав что-то глазами, протянул раскрытый том мне: «Ну, хотя бы, например, вот это. Что Вы тут найдете, какой особенный смысл?» Это был неоконченный набросок Пушкина:

В рощах карийских, любезных ловцам, таится пещера...

Я, чтоб не сплоховать, умерила свою неистовость и заставила себя медленно, раза три, прочитать этот отрывок, сперва только глазами, потом вслух. «Пейзаж, и ничего больше!» — повторил Сергей Васильевич, обрадованный моим молчанием. Но я в это время, что называется, собирала в поход все свое оружие. И потом начала ему рассказывать, что раскрывается в этом простом пейзаже. Спустя три года весь этот разговор, как и подлинные реплики Сергея Васильевича, я превратила в настоящий рассказ под названием «Стихотворение»²⁹, только роль главного «открывателя тайн» передала ему (сохранив для него даже имя Сергей Васильевич), а сама превратилась в рассказе в его дочку Русью».

В 1912 году в ответ на просьбу композитора о текстах к романам поэтесса прислала ему целую тетрадь стихотворений: «Я неоднократно переписывала и подготовливала для него стихотворные тексты из русских поэтов... Обычно я старалась «начитать» их для него графически:

²⁸ Шагинян М. Собрание сочинений. Т. 9. М., 1975. С. 398.

²⁹ См.: Шагинян М. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1971. С. 204–211.

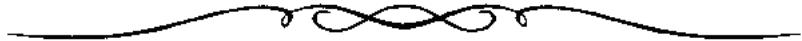
давала рисунок ритма стиха, рисунок интонационного движения стиха, раскрывала с помощью этих рисунков заложенную в самом стихотворении его собственную мелодию. Очень подробно анализировала Пушкина, мелос которого неисчерпаем для музыкантов, хотя в те годы многие считали Фета, или Полонского, или даже Дельвига более «подходящими» для песенной музыки... Понимать всю музыкальность стихов Пушкина научил поэт Владислав Ходасевич, который сам замечательно читал их... Подобно ему, я проанализировала в письме к Рахманинову пушкинскую «Музу», рассказав, как медленно и последовательно вступают у Пушкина в строй семь стволов пастушьей «цевницы семиствольной», как музыка, разрастаясь, становится все более ликующей и как музу, «радуя меня наградою случайной», сама берет из рук ученика свирель, и все заканчивается классическим дифирамбом, когда «тростник был напоен божественным дыханьем»... Рахманинов написал романс на этот текст и посвятил его мне. Позднее очень полюбил это стихотворение и Н. Метнер и тоже написал свою замечательную «Музу», посвятив ее мне... Много лет мне метнеровская «Музу» нравилась гораздо больше рахманиновской, казавшейся сухой. И только в советское время, когда Нина Дорлиак на моем юбилее, в подарок мне, чудесно спела «Музу» Рахманинова, открылись передо мной в ее тончайшем, продуманном исполнении все музыкальные красоты этой вещи»³⁰.

Именно благодаря этой тетради летом 1912 года появился новый вокальный опус 34, в который вошли три пушкинских романса: «Музу», «Арион» и «Буря».

Но прежде Рахманинов обратился к пушкинскому тексту при создании своей второй оперы. Прошло 11 лет после «Алеко». И опять — Пушкин! Единственная не озвученная до тех пор «маленькая трагедия» — «Скупой рыцарь». Здесь необходимо немного отвлечься от творчества Рахманинова, чтобы вспомнить оперы других композиторов на тексты «Маленьких трагедий» Пушкина, так как это имеет непосредственное отношение и к воплощению «Скупого рыцаря» Рахманиновым.

Так случилось, что именно «Маленькие трагедии» стали основой нового, рожденного на русской почве, типа камерной оперы — а именно оперы на подлинный неизмененный текст литературного произведения. На примере «Алеко» мы уже познакомились с практикой создания оперного либретто. Литератор (либреттист) создает текст для

³⁰ Шагинян М. Собрание сочинений. Т. 9. С. 396.

композитора на основе какого-либо литературного произведения или сочиняет свой, оригинальный. В процессе создания оперы композитор просит (иногда требует) внести изменения в существующий текст (сократить, добавить, поменять и т. п.) в зависимости от музыкальных идей, возникших у автора.

К середине XIX века в России музыкальное искусство достигло высокого уровня, способного решать сложные задачи. А.С. Даргомыжский после завершения «Русалки» (на пушкинский сюжет) загорелся мыслью о создании оперы на неизмененный текст великого поэта. «Я не намерен снизводить музыку до забавы. Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды», — так в письме выразил он творческую задачу³¹. Его выбор пал на трагедию «Каменный гость». Он отказался от традиционных арий, ансамблей, хоров, сохранив только мелодический речитатив. Единственным исключением стали песни Лауры. В тексте Пушкина они не названы, и композитор пишет их на тексты пушкинских стихотворений «Я здесь, Инезилья...» (III, 1; 239) и «Испанский романс» («Оделись туманом Гренада...»). Закончить оперу Даргомыжский не успел, по его просьбе ее завершили Кюи и Римский-Корсаков. В 1872 году, через три года после смерти композитора, состоялась премьера этой необычной оперы. Конечно, она вызвала горячие споры, ее было трудно слушать, но для других композиторов она стала настоящей школой русского речитатива и в этом смысле сохранила свое значение до наших дней.

А непосредственным продолжателем эксперимента стал Н.А. Римский-Корсаков. В 1897 году он нашел подходящее для этого, по его мнению, произведение. И опять в основе оперы оказалась «маленькая трагедия» — на этот раз «Моцарт и Сальери». С музыкальной точки зрения его задача была легче, так как он вполне правомерно использовал музыку Моцарта и Сальери, а также отказался от чистого речитатива. Моцарт и Сальери скорее поют, чем говорят, также композитор позволил себе сократить текст в монологах Сальери. Благодаря всем этим приемам опера была более благосклонно принята публикой, но в дальнейшем она разделила судьбу «Каменного гостя».

Цезарь Кюи в 1901 году решил использовать «Пир во время чумы» с той же задачей — не изменять пушкинский текст. Если

³¹ А.С. Даргомыжский — Л.И. Кармалиной, 6 декабря 1856 года. См.: *Даргомыжский А.С. Автобиография — письма — воспоминания современников*. Пг., 1922. С. 55.

оценивать строго, то он — единственный, кто действительно выполнил это задание: не позволил себе ни одного изменения в тексте. Как и Римский-Корсаков, он использовал ариозное пение. Тем не менее, опера разделила несправедливую судьбу всего его творчества, и ее не только не исполняют, о ней даже не пишут музыковеды. Хотелось бы узнать — почему?

Оставалась одна неомузыкаленная маленькая трагедия — «Скупой рыцарь». Никто не хотел браться за эту работу: очень неудобная для музыки тема, отсутствие любовных перипетий, множество размышлений и практически никакого действия. Почему именно Рахманинов взялся за этот тяжкий труд? Хочется напомнить о том, что он писал только о том, что его волновало, что он пережил в жизни. А еще можно долго рассказывать о тяжелом детстве, бедной юности и о том, скольким людям он помог материально впоследствии, когда начал зарабатывать деньги концертами и своим творчеством. Нет, не случайно этот сюжет заинтересовал его.

Летом 1903 года он чрезвычайно быстро сочинил оперу на неизмененный (так обычно пишут комментаторы, а соответствует ли это действительности — увидим далее) пушкинский текст. Нам представляется редкая, можно даже сказать, уникальная возможность побывать в творческой лаборатории великого композитора, проследить за процессом изменения литературного текста самим композитором, без каких-либо посредников. Автор либретто не указан, можно предположить, что сам композитор выступил в роли либреттиста. В отличие от Немировича-Данченко, Рахманинов берет за основу текст Пушкина целиком, не меняя последовательность действия, основные события и образы героев. Но насколько остается неизменным этот текст?

После внимательного сравнительного чтения текста А.С. Пушкина и текста в опере С.В. Рахманинова можно отметить следующее.

1. Из имеющихся в трагедии 380 строк почти 60 выброшены.
 2. Кроме целых строк, нередко удаляются отдельные слова.
 3. Иногда слова добавляются или
 4. Слова меняются местами.
5. Стока поэтическая не соблюдается. Можно сказать, из пушкинских слов выстраиваются совсем другие цепочки (строчки) слов. При этом одна строка может быть поделена на 2–3 или, наоборот, строки объединяются, но не обязательно целиком.

6. Цезурами в строке выделяются (отделяются) более важные слова или выражения, причем цезуры бывают короткими (до такта) и длинными (и даже очень длинными: иногда оркестр успевает сыграть целую пьесу при этом).

Рассмотрим более подробно и детально изменения литературного текста.

1. Строки (или часть строк), которые выбросил Рахманинов из пушкинского текста

Первая картина

И в а н:

Как из стремян вы вышибли его,
Он сутки замертво лежал — и вряд ли
Оправился.

А л ь б е р:

Его нагрудник цел венецианский,
А грудь своя: гроша ему не стоит;
Другой себе не станет покупать.
(...)

А л ь б е р:

Что бедный мой Эмир?

И в а н:

Он все хромает.
Вам выехать на нем еще нельзя.

А л ь б е р:

Ну, делать нечего: куплю Гнедого.
Недорого и просят за него.

И в а н:

Недорого, да денег нет у нас.
(...)

А ль б е р:
Пока тебя не обыскали.
(...)

А ль б е р:
Дай мне стакан вина
(...)

А ль б е р:
Я спрашивал вина.

И в а н:
У нас вина —
Ни капли нет.

А ль б е р:
А то, что мне прислал
В подарок из Испании Ремон?

И в а н:
Вечор я снес последнюю бутылку
Больному кузнецу.

А ль б е р:
Да, помню, знаю...

Вторая картина

Б а р о н:
Кого бояться мне?
При мне мой меч: за злато отвечает
Честной булат.
(...)

Нас уверяют медики:
(...)

Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека.
Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небесах...
(...)

Развратников разгульных собеседник!
(...)

С толпой ласкателей, придворных жадных.
(...)

Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит
(...)

Или шутя, как игроку, который
Гремит костьми да груды загребает?
(...)

Обузданных страстей,
Дневных забот,

Третья картина

Г е р ц о г:
Таких развратных мало...
(...)

Он был друг деду моему. Я помню,
Когда я был еще ребенком, он
Меня сажал на своего коня
И покрывал своим тяжелым шлемом,
Как будто колоколом.
(...)

Вы помните меня?

Б а р о н:

Я, государь?

Я как теперь вас вижу. О, вы были

Ребенок резвый — мне покойный герцог

Говаривал: Филипп (он звал меня

Всегда Филиппом), что ты скажешь? А?

Лет через двадцать, право, ты да я,

Мы будем глупы перед этим малым...

Пред вами, то есть...

(...)

Г е р ц о г:

Вам двор наскутил, но ему прилично

В его летах и званье быть при нас.

(...)

Уединенье

И праздность губят молодых людей.

(...)

В какие дни надел я на себя

Цепь герцогов!

(...)

И ты тигренок! Полно.

(...)

Так и впился в нее когтями! Изверг!

(...)

Ужасный век, ужасные сердца!

Смею заметить, что статья уважаемого музыковеда об этой опере³² названа последней пушкинской строкой, которую композитор по каким-то причинам выкинул из своего произведения. Что это — недосмотр,

³² Статья А. Цукера о «Скупом рыцаре» Рахманинова называется «Ужасный век! Ужасные сердца!». См.: Цукер А. Драматургия Пушкина в русской оперной классике. М., 2015.

невнимательное чтение литературного текста или сознательное использование неиспользованной композитором строки?

Возникает естественный вопрос: а почему Рахманинов сделал это? Не хотел привязывать эту трагедию к какому-то давнему «ужасному веку»? Ведь и сегодня «ужасные сердца» не редкость в нашем мире. Своим решением композитор заставляет задуматься об этом.

Если проанализировать, что объединяет множество других выброшенных строк, то заметно, что композитор в первую очередь уходит от бытовых подробностей (которые рассказывают о привычках, чертах характера и т. п.). Благодаря этому приему облагораживается образ молодого рыцаря — и, наоборот, образ скрупульного становится менее колоритным: только одна сторона героя становится главной и даже единственной в трагедии Рахманинова — фанатическая страсть к богатству во имя власти! Пушкин все-таки пытался найти и другие стороны образа, да и его молодой рыцарь не вызывает больших симпатий.

2–4. Изменения отдельных слов, перемены их местами или добавления новых

Рахманинов использует в опере эти приемы в очень ограниченном количестве. Примеры можно буквально по пальцам пересчитать: так, отсутствуют имена слуги, соперника по турниру, аптекаря, который продает яд; исчезают отдельные слова (5 слов); меняется форма слова (несколько примеров); чаще слова меняются местами (это делается ради совпадения ударений в слове и музыке); три раза Рахманинов заменяет слово.

Вот, пожалуй, и все изменения слов. Задача та же — убрать все неважные подробности. А если учесть, что и у А.С. Пушкина была сходная цель, то понятно, что в итоге мы получаем необычайно сжатый, концентрированный, литературный текст без подробностей и мелких деталей. А это, в свою очередь, дает простор композитору, пробуждает его фантазию, его размышления по поводу происходящего. Помимо иллюстрации высказанного словами, он может музыкальными средствами выразить столько невысказанного, столько утаенного, столько подразумеваемого. И Рахманинов в полной мере использует эту возможность. Помогают ему в этом следующие приемы: несоблюдение поэтической строки (пункт 5 в нашем списке выше) и цenzуры (6).

Если при рождении русского романса поэтическая строка соответствовала музыкальной фразе (части мелодии), то с середины XIX века русские композиторы стали более свободно относиться к подобному де-

лению поэтического текста. Рахманинов уже в первых своих романсах не соблюдает поэтическую строку. Здесь можно говорить о двух приемах: разделении строки и объединении двух строк. В опере «Скупой рыцарь» примеры их применения столь многочисленны, что нет возможности перечислить все случаи. Часто сам поэт провоцирует на это, когда использует точку, вопросительный или восклицательный знаки в середине строки:

Во что бы то ни стало на турнире
Явлюсь я. Покажи мне шлем, Иван! (VII, 101)

У Рахманинова это выглядит так:

Во что бы то ни стало
на турнире
Явлюсь я.
Подай мне шлем!

Уже первые две строки трагедии демонстрируют несколько приемов изменения литературного текста: выкинул — «Иван», поменял — «покажи» на «подай», отделил — «на турнире», цезура — во второй строке. 2,5 такта в оркестре звучит лейтмотив Альбера.

Следующие две строки А.С. Пушкина:

Пробит насквозь, испорчен. Невозможно
Его надеть. Достать мне надо новый. (VII, 101)

Рахманинов выстраивает цепочку слов по-своему:

Пробит насквозь,
испорчен.
Невозможно надеть его.
Достать мне надо новый.

Здесь добавляются еще два приема: две строки объединяются (не целиком), слова меняются местами (ради совпадения ударений в музыке и тексте).

И это только первые четыре строки трагедии. А их у Пушкина 380. Понятно, что в этой статье мы не можем рассмотреть все изменения, но надеюсь, что пример достаточно убедительно показывает тщательность работы композитора над литературным текстом.

А что с текстом музыкальным? Здесь тоже много интересного. Первая картина начинается оркестровым вступлением, которое построено на лейтмотиве Альбера. Характерный ритм скачки и стремительный темп еще до появления героя рассказывают нам о молодом рыцаре, возможно, больше, чем последующий диалог со слугой. Весь их разговор сопровождается лейтмотивом Альбера в оркестре. И только в двух моментах прерывается бешеный ритм скачки — после слов:

О, бедность, бедность!
Как унижает нас она!

и

Геройству что виною было? Скупость.

С этого момента разговор заходит о ростовщике, и новый персонаж появляется вначале в оркестре, а затем и воочию. Диалог с ним потрясающе передан композитором. Характерные интонации ростовщика переходят в партию Альбера, когда он пытается уговорить дать в долг. Вместе с этим прорываются презрительные интонации, угрожающие, льстивые и т. п. Когда речь заходит о Бароне, опять именно оркестр напоминает нам о герое, который еще не появился на сцене, но дух его уже витает там.

Вы вправе спросить, почему все время разговор идет об оркестре? А как же обстоит дело с пением? Традиционное мнение, что вокал — главное музыкальное средство в опере, здесь опровергается! Главный исполнитель в опере «Скупой рыцарь» С. Рахманинова — оркестр! В нем вы услышите и то, о чём говорят герои, и то, что скрыто, или подразумевается, или даже то, о чём не думают действующие лица, но знает автор!

Вторую картину невозможно представить себе без колоссальных возможностей симфонического оркестра. Даже если просто подсчитать, сколько поет (говорит) Барон и сколько играет оркестр, то перевес будет на стороне оркестра. Все, о чём размышляет герой, мы слышим в

оркестре. Но насколько беднее и слабее слово перед музыкой! Может, поэтому любят повторять, что речитатив Рахманинова невыразителен и даже беден? Шаляпин отказался петь эту партию и даже высказал в лицо композитору (а также его противникам на обсуждении только что написанной оперы) свое мнение. Он считал, что речитативы Рахманинова слабы и недостойны слов Пушкина. Интересно, если бы Рахманинов в 1897 году месяцами не разучивал с ним партии Бориса Годунова и Сальери (он тогда работал дирижером и концертмейстером в частной опере), что бы делал Шаляпин в этих операх? Каким образом смог бы понять и передать сложные речитативы Мусоргского и Римского-Корсакова? Певцам в «Скупом рыцаре» отведена подчиненная роль (кстати, у Вагнера ситуация похожая, но никто не смеет говорить о недостатках его опер). Не захотел певец вникнуть в сложный музыкальный язык Барона, отплатил композитору черной неблагодарностью. Он не понял, что оркестр «говорит» богаче, чем голос человеческий, у него больше возможностей, и Рахманинов в полной мере умеет пользоваться этими возможностями. Оркестру подвластно то, что никакой певец не способен выразить, и в этом сила этой оперы.

Все музыкальные «Маленькие трагедии» имеют одну судьбу: их ценият, но не слушают. Точнее, слушают только профессионалы, глубоко разбирающиеся в тонкостях музыкального искусства. И причины этого не только музыкальные.

Вспоминается характеристика цикла трагедий из статьи В. Брюсова «Маленькие драмы Пушкина»: «Театр для поэтов». И его же рекомендация зрителям: «Только тот унесет из театра то, что желал дать Пушкин, кто сумеет не пропустить ни слова из диалога, дополнить смысл речи... и отнести к драмам не как к зрелищу... а как к трудной художественной задаче, требующей от зрителя сотрудничества с поэтом»³³.

Еще древние говорили: музыка — это язык, от которого утеряны ключи. Тем, кто не понимает язык музыки, не доступно наслаждение ею. А потому многие выдающиеся произведения до сих пор хранятся в сундуках, и каждый человек должен сам найти ключик от немыслимых богатств. Слушатель (как и зритель в театре) — необходимое звено в триаде «композитор — исполнитель — слушатель». Наступит время, и сокровища музыки Рахманинова в этой опере предстанут в исполнении понимающих музыкантов перед достойными слушателями.

³³ См.: Брюсов В.Я. Маленькие драмы Пушкина // В.Я. Брюсов. Стихотворная техника Пушкина: сборник статей. М., 2010. С. 104.

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ-ЭССЕ
АЛЕКСАНДРА ЯКУБОВСКОГО
«АЛЕКСАНДР ПУШКИН — РУССКИЙ ПОЭТ». ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ**

В 1986 году на Ленинградской студии документальных фильмов петербургским режиссером-документалистом, оператором, сценаристом Александром Якубовским был создан короткометражный фильм-эссе.

Немного об авторе.

Он родился в 1953 году, ушел из жизни в 2015-м. В 1976 году окончил с отличием ВГИК (мастерская операторов неигрового кино). По окончании ВГИК работал на Дальневосточной студии кинохроники, затем на Ленинградской студии документальных фильмов. Последние десять лет жизни — на Леннаучфильме.

Александр Якубовский снимал документальные фильмы, сюжеты кинохроники для киножурналов. В общей сложности снял 25 фильмов. Сотрудничал с режиссерами Михаилом Литвяковым, Александром Сокуровым, Алексеем Учителем, Валентиной Гуркаленко. С Валентиной Ивановной Гуркаленко он снял свои лучшие операторские работы: фильмы «Валерий Гаврилин: Весело на душе» и «Спас-камень». У него есть несколько авторских фильмов, где он выступил и оператором, и режиссером, и автором сценария: «Слово о Кирилле и Мефодии», «Повесть об Оптиной пустыни: Тихая беседа», «Два дня в провинции». К авторским принадлежит короткометражный фильм «Александр Пушкин — русский поэт». Александр Якубовский любил Псков, Печоры, много снимал в Пскове и области. 25 лет назад приобрел дом с огромным садом в Печорском районе, который с любовью обустраивал. Это дело продолжают его сыновья.

Итак, фильм «Александр Пушкин — русский поэт».

Первоначально фильм создавался как очередной выпуск киножурнала. В 1986 году Ленинградская студия документальных фильмов направила творческую группу под руководством Александра Якубовского на съемки XX Пушкинского праздника поэзии в Пскове и Пушкинских Горах; это должно было стать одним из сюжетов киножурнала «Наш край». Полученный материал по своей значимости оказался гораздо

шире темы очередного (хоть и юбилейного) праздника поэзии, что позволило режиссеру воплотить свой замысел, который он вынашивал уже давно: создание фильма о становлении Пушкина как личности и творца, которое произошло благодаря его погружению в глубину народной жизни, осознанию им своего сельца именно как отчины, а следовательно, и «малой родины».

На материале отснятых эпизодов возложения венков к памятнику поэту, пейзажей и интерьерах Михайловского, сцен народного гуляния и выступлений фольклорных коллективов из Псковской области, Ленинграда и Москвы Александр Якубовский монтирует 10-минутный фильм-эссе. Размышления о пути Пушкина к осознанию себя русским человеком и русским художником через прикосновение к традиционной крестьянской культуре, к истории своей семьи раскрываются в отрывках из статей и писем, стихов поэта, воспоминаниях его современников, которые звучат за кадром, создавая параллельный полифонический смысловой ряд.

В 1986 году, когда создавался фильм, такое видение пушкинской темы было весьма необычно, тем более для жанра киножурнала. Однако для Якубовского, чей творческий путь настойчиво вел его к собственному взгляду на русскую культуру и духовность — через призму глубокого и благоговейного познания народной традиционной культуры, работа над фильмом стала долгожданной возможностью сказать свое слово, и он упорно боролся за это право.

В то время в среде ленинградской творческой интеллигенции возникло увлечение традиционным фольклором в его аутентичном (т. е. природном, необработанном) звучании. В середине 1970-х годов, вслед за московским ансамблем Дмитрия Покровского, с аутентичным исполнением на сцене песен, записанных в экспедициях, выступает фольклорный ансамбль Ленинградской консерватории, созданный Анатолием Мехнезовым, с которым у режиссера сложились дружеские и творческие контакты.

Непривычное для городского уха подлинное звучание народных песен, которые тогдашняя публика привыкла воспринимать либо в слашевой эстрадно-концертной обработке, либо в далеких от подлинности интерпретациях так называемых «народных хоров», вызывало у части аудитории резкое неприятие. Сказывалось и то, что публике на протяжении XX века упорно внушалось, что все деревенское — синоним низкого, грубого, неграмотного и некультурного. Напротив, друг-

гая часть аудитории — в основном, молодежь, которая была увлечена поиском новых этических и эстетических (в том числе и звуковых) идеалов, — находила их в неискаженном обработками крестьянском искусстве, проникнутом правдой жизни, переданном из уст в уста талантливыми и яркими деревенскими певцами, рассказчиками, музыкантами. Именно тогда зародилось молодежное фольклорное движение, которое сейчас расширяется, охватывая все новые поколения детей и молодежи.

Как раз в 1986 году на XX традиционном Пушкинском празднике поэзии это новое общественно-музыкальное явление заняло заметную позицию в картине фестиваля, наряду с тогда еще живыми и активными традиционными сельскими коллективами из Гдовского, Печорского и других районов Псковщины. Участниками концертов стали московский коллектив «Казачий круг» и фольклорный ансамбль Ленинградской консерватории.

Александр Якубовский, активно сочувствующий фольклорному движению, собирая о нем материалы с целью снять большой документальный фильм, не просто любил и ценил этнографически достоверное звучание народных песен и наигрышей. Он участвовал в том числе в научном проекте консерваторских фольклористов, сняв выдающихся псковских гусляров вместе с А.М. Мехнечовым¹.

Когда Александр Якубовский получил на Ленинградской студии документальных фильмов задание, связанное с Пушкиным, все его размышления собрались в один фокус. В Пушкине отразилась судьба всей, и в том числе и современной, русской культуры, процессы, которые волновали самого Якубовского как художника. Темой будущего фильма стал путь Пушкина как человека и художника, его связь с народом в лице крестьянства. И не просто «крестьянства вообще»: именно к этому сословию принадлежали, например, люди, которые были связанны с поэтом — с самого детства и до смерти: няня Арина Родионовна и дядька Никита Козлов. Их огромная любовь лично к нему не могла не вызвать благодарный и светлый отклик в душе поэта. Во время пребывания в Михайловском, поставленный силою обстоятельств лицом к лицу с крестьянами, он смог оценить их личности и яркие характеры.

¹ Ныне материалы этой съемки составили часть видеоряда уникального звукового издания: Мехнечев А.М. Русские гусли и гусельная игра (DVD+CDROM). СПб.: Фольклорно-этнографический центр Санкт-Петербургской консерватории, 2009.

«Взгляните на него [т. е. русского крестьянина]: что может быть свободнее его обращения! Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? — от имени своего воображаемого спутника-англичанина восклицает Пушкин. — О его смышлености говорить нечего... никогда не замечал [я] в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...» (XI, 232).

Впоследствии Пушкин в свойственной ему чеканной форме, по глубине мысли и остроте образа сопоставимой с пословицей-паремией, напишет о цели и смысле для дворянина его пребывания в своем имении: «Не любить деревни простительно «монастырке», только что выпущенной из клетки, да восемнадцатилетнему камер-юнкеру. Петербург — прихожая, Москва — девичья, деревня же — наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через прихожую, и редко заглядывает в девичью, но все время проводит у себя, в своем кабинете» (VIII, 1; 52).

Для самого Пушкина как творца и как человека, дворянина его пребывание в Михайловском действительно было равносильно плодотворной работе в своем «внутреннем кабинете». Так, А.П. Керн, вспоминая свою встречу с Пушкиным после его ссылки в Москве, писала: «Я полагаю, что император Александр I, заставляя его жить долго в Михайловском, много содействовал к развитию его гения. Там, в тиши уединения, созрела его поэзия, сосредоточились мысли, душа окрепла и осмыслилась»². Пушкин, живя в имении, имел возможность наблюдать народную жизнь, которая была наполнена народным словом. Он любил и знал, ценил это слово именно как поэт (и именно поэтому записывал — и не только сказки, о которых обычно говорят, но и баллады, лирические и свадебные, плясовые и хороводные песни, свадебный обряд).

Поэту было присуще органическое ощущение народного ритмического строя стиха и формообразования. А.О. Смирновой запомнилось замечательное пушкинское трехстишие, сложенное по образцу традиционных плясовых припевок, и которым, по ее словам, «он хотел выразить биение и тревогу сердца.

Когда сердце бьется от радости, то, по словам Пушкина, оно:

² Керн А.П. Вспоминания о Пушкине // Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 т. / сост., биографические очерки и примеч. В.В. Кузнича. М., 1984. Т. 2. С. 235.

То так,
То пятак,
То денежка!»³

Готовясь к съемкам фильма, Якубовский обратился к поиску нужных ему точных высказываний поэта и его современников. Из сотен строк, рассыпанных по полному собранию сочинений Пушкина, режиссер должен был найти «те самые», немногие, но точные: ведь у него было только 10 минут экранного времени. Именно в ту пору не только он сам, но и весь круг его друзей, который помогал ему искать эти тексты, получил бесценное новое видение личности Пушкина, который и в этой теме оказался «нашим всем».

Исключительный интерес к фильму возник на студии еще в стадии его подготовки, в процессе монтажа. Необычная форма: изобразительный ряд дается как бы от первого лица, вместо типового закадрового текста, принятого в тогдашних киножурналах — письма, воспоминания, стихи Пушкина и его друзей и современников тоже как бы от первого лица. Необычен был и звуковой ряд: материал традиционной народной музыки в аутентичном исполнении. В числе студийных коллег этим проектом чрезвычайно заинтересовался Александр Сокуров, с которым Александр Якубовский в ту пору работал над фильмом «Жертва вечерня» (в качестве одного из операторов). Якубовский попросил его прочитать закадровый текст «за Пушкина» (на самом деле, и не только), что тот с удовольствием и сделал (случай для Сокурова очень редкий!).

Все это будоражило идеологизированное начальство. В то время это была «крамола»! Именно неожиданный звуковой ряд вызывал самую бурную реакцию студийной редактуры, заточенной под официально советское «никакое» музыкальное оформление любого события. Ну, и конечно, закадровый текст: свидетельства Пушкина и его современников о том, что именно непосредственное соприкосновение с живой народной культурой и ее носителями — крестьянами способствовало пробуждению в нем ощущения себя как русского человека и русского поэта. Фильм ждали. Как ни странно, несмотря на тревожные прогнозы о судьбе ленты (в те времена могли и «на полку положить»), этот выпуск киножурнала «Наш край» (№ 13!) все-таки был выпущен в прокат. Впоследствии он появлялся на различных просмотрах уже

³ Смирнова А.О. Рассказы о Пушкине, записанные Я.П. Полонским // Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. С. 533.

без начального титра о том, что это киножурнал, а просто в качестве «короткометражки».

Структура замысла фильма включает четыре параллельных образных пласта:

- само событие: Пушкинский праздник поэзии, юбилейный, двадцатый, здесь и сейчас. В кадре современные люди транслируют вечное традиционное народное искусство: шествие (то печальное — к могиле поэта, сопровождаемое закадровым поминальным плачем, то радостное — с колокольчиками по улицам Пскова бегут дети, среди которых чудесный мальчик-«карапчонок»), детскую игру, лирические и плясовые песни, наигрыши, хороводы, свадебные величальные песни, в одной из них величают самого Пушкина, как живого участника действия;
- природа и интерьеры пушкинских мест;
- картины, скульптуры, отразившие облик поэта (портрет кисти Кипренского, работа псковского наивного художника Николая Комолова «Пушкин среди народа»), людей из народа, близких ему (памятник «Пушкин и крестьянка» в Пскове⁴, картина Евсея Моисеенко «Памяти поэта»⁵);
- закадровый текст «от лица» Пушкина и его современников, который перекликается с изображением.

Отдельно хочу отметить присутствие за кадром в момент поминания важной музыкальной темы: сурово, одноголосно звучит молитва — Антифон «От юности моей мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой». Это эпиграф, здесь весь смысл духовного пути Пушкина как человека, и, следовательно, как поэта. В конце — тоже формула: хоть не законченные, но чеканные строки:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертвa.

(III, 1; 242)

⁴ Скульптор Олег Комов, архитекторы М. Константинов и П. Бутенко. Пробообразом фигуры крестьянки послужила няня поэта Арина Родионовна Яковleva.

⁵ Дядька поэта Никита Тимофеевич Козлов несет раненого на дуэли Пушкина.

Итак, все мы знаем, что конец земного существования человека и то, какая о нем остается память, — это особая, значимая тема русской культуры. Начало фильма — текущая к памятнику, снизу вверх людская река. Конец фильма — это люди, внимавшие народной (тоже суровой, воинской) песне и, через слово Пушкина за кадром — ему самому, люди, начинающие осознавать свои начала... Главный же эмоциональный акцент фильма в его центре — это дети (дети играют, дети радостно бегут с колокольчиками, дети пляшут). Дети — как возрождение (...так исчезают заблужденья / С измученной души моей / И возникают в ней виденья / Первоначальных, чистых дней (П, 1; 111). И через детей и детство прочерчивается дуга земной жизни Поэта — образ Никиты Козлова (конец жизни) и Арины Родионовны (ее начало), Поэта, который успел в отведенные ему годы осознать, кто он. Поэтому фильм и называется: «Александр Пушкин — русский поэт».

II. «...Во славу Руси ратной...» Материалы Михайловских Пушкинских чтений (20–23 августа 2020 года)

Галина Седова

СТИХОТВОРЕНИЕ «Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕРУКОТВОРНЫЙ...»: НОВЫЕ СМЫСЛЫ¹

Определяя стихотворение Пушкина, созданное 21 августа 1836 года, как поэтическое завещание, «навеянное поэту его навязчивой мыслью о близкой смерти», академик М.П. Алексеев признавался, что история создания этого стихотворения известна нам «только приблизительно, неполно и неточно», и «от его многочисленных комментаторов все же ускользнуло еще многое, настоятельно требующее пояснения и дополнительных разысканий»².

К числу ускользнувших от комментаторов вопросов, явно требующих «пояснения и дополнительных разысканий», следует отнести авторскую помету под беловым текстом стихотворения: «1836. Авг[уста] 21. Кам[енный] остр[ов]». Подобная помета с топографическим указанием имеется еще в двух произведениях, созданных летом 1836 года. Первое из них датировано 22 июня: это стихотворение «Подражание италиянскому» («Как с древа сорвался предатель ученик...»), второе — 14 августа («Когда за городом задумчив я брожу...»). Еще три стихотворения, созданные в летние месяцы 1836 года, такой пометы не имеют.

¹ Сюжеты, обозначенные здесь, рассмотрены автором более подробно в статье «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Дата и место создания стихотворения как ключ к пониманию авторского замысла». См.: Валентину Семеновичу Непомнящему. М., 2020. С. 111–123.

² Алексеев М.П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (Проблемы его изучения). Л., 1967. С. 140; 4–5.

Несмотря на это, Н.В. Измайлов предложил считать всю летнюю лирику 1836 года каменноостровским циклом на том формальном основании, что в то время Пушкин творил на каменноостровской даче³. Между тем поэт мог сочинять где угодно, к примеру — в дороге или на городской квартире в доме Баташова, куда он иногда наезжал, пока в августе из-за конфликта с управляющим не съехал с нее окончательно.

Примечательно, что стихотворения, созданные в июле, вообще не имеют указаний на место создания, и только с середины августа поэт вновь стал помечать стихи Каменным островом. Но каков смысл этих топонимических помет? Следует ли думать, что они действительно указывали на географическую точку, или же мы имеем дело с условной топонимикой — литературным приемом, посредством которого автор намеренно указывает читателю на место, откуда желал бы к нему обратиться?

Не исключено, что уже в стихотворении «Подражание итальянскому», датированном 22 июня, помета «Каменный остров» могла не только фиксировать место создания, но и содержать еще один, скрытый, смысл — напоминать об обстоятельствах его появления.

Стихотворение создавалось в те дни, когда Пушкин неоднократно принимал на даче французского публициста Леве-Веймара и сопровождавшего его в поездке по России князя Элима Мещерского. В одну из таких встреч Мещерский передал Пушкину сборник произведений Антони Дешана «Dernières paroles». В этой книге, сохранившейся в библиотеке поэта, был помещен перевод сонета об Иуде итальянского поэта Франческо Джанни (1760–1822). Как заметил Б.В. Томашевский, пушкинское «Подражание итальянскому» является вольным переложением именно этого французского текста⁴. Таким образом, помета «Каменный остров» могла напоминать Пушкину и его собеседникам как о месте встреч, так и о содержании их дружеских бесед на каменноостровской даче.

³ Измайлов Н.В. Стихотворение Пушкина «Мирская власть» (Вновь найденный автограф) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1954. Т. XIII. Вып. 6. С. 548–556; Он же. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. М.—Л., 1958. Т. 2. С. 37.

⁴ Томашевский Б.В. Источник стихотворения «Как с древа сорвался предатель-ученик» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Л., 1930. Вып. 38/39. С. 78–81.

В следующий раз помета «Каменный остров» появилась полтора месяца спустя, 14 августа, под стихотворением «Когда за городом, задумчив, я брожу...». Похоже, что упоминание об излюбленном месте отдыха столичной знати, приведенное в нем в заключение рассказа о покоящихся на городском и сельском кладбищах, усиливало мотив тленности бытия и недолговечности кажущегося благополучия. Не менее значимой была дата, проставленная в стихотворении: 14 августа — предпразднство Успения Пресвятой Богородицы, канун завершения Успенского поста, напоминающего о краткости земной жизни человека и значимости его конечного призвания.

По-своему предпразднством оказывалась и дата 21 августа, поскольку на следующий день Россия отмечала годовщину восшествия на престол императора Николая I. В своих работах, посвященных последнему году жизни Пушкина, мы неоднократно обращали внимание на этот факт⁵, как и на то, что со времен Петра I дни царского коронования входили в разряд общегосударственных праздников: торжественные церемонии устраивались в государственных учреждениях, в войсках, военных и учебных заведениях, дворянских и купеческих собраниях, даже в работных домах и в тюрьмах⁶. Ежегодно митрополит Московский Филарет обращался к царю накануне праздника со своим пастырским словом, которое затем публиковалось в Синодальной типографии для дальнейшего распространения среди прихожан.

Для частных лиц подобные царские дни становились поводом для раздумий о собственных успехах, надеждах или разочарованиях на жизненном пути. Показательна в этом смысле дневниковая запись Алексея Вульфа: «Вчера — день Царевенчания — напомнил мне, как я провел первый в 26 году. С тех пор каждый из них встречал я совершенно в разных обстоятельствах, в разных краях. В 27-м, отыходя от студенческой жизни, я провел оный день в безмятежных наслаждениях домаш-

⁵ Седова Г.М. «Я жить хочу...»: А.С. Пушкин. Последние месяцы жизни. СПб., 2008. С. 39–45; *Она же*. Ему было за что умирать у Черной речки. СПб., 2020. С. 389–391, 400–403, 417–418.

⁶ Газета «Северная пчела» сообщала, что к десятилетию коронации тюремный комитет города Бельска рапортовал об открытии нового помещения тюрьмы, где 22 августа, в «торжественный для сердца русских день», заключенных кормили праздничным обедом (см.: Северная пчела. 1836. № 209. С. 833). В тот же день в Петербурге на сцене Александринского театра давали драму Н.В. Кукольника «Рука Всеизыннего Отечество спасла».

ней сельской жизни, приправленной любовью и богатыми надеждами будущего; [в] 28-м — в столице, уже пресыщенный любовью, томимый желанием воинской славы и только что вступивший в гражданскую службу; в прошлом, 29-м, под высотами Шумлы, громимой батареями нашими, в крайней нужде, с ежеминутными неудовольствиями, с обманутыми надеждами и с отрезвленным от самолюбия рассудком; вчера же — с духом более успокоенным, вышедшим из крайностей, но все удрученным обстоятельствами⁷.

В 1836 году «торжественный для сердца русских день» царевенчания отмечался в десятый раз. По-своему юбилейной оказывалась эта дата и для Пушкина: с коронационных торжеств 1826 года начался новый этап его личной и творческой биографии, наметился поворот в его представлениях о роли личности в истории и поэта в обществе. В контексте этих двух юбилеев (десятилетия коронации и десятилетия возращения Пушкина из ссылки) и следует рассматривать стихотворение, датированное 21 августа.

В 1997 году литературовед-любитель Л.С. Салямон (медик по профессии) ошибочно предположил, что дата 21 августа совпадает с царским юбилеем, тогда как коронация состоялась 22-го числа. Заметив эту временну́ю близость, исследователь предположил наличие смысловой связи между пушкинским текстом и годовщиной коронации, наивно находя эту связь в том, что поэт, как пророк, «видел, в чем более всего нуждается его многострадальная отчизна», и «восславил в жестокий век Свободу, узурпированную Самовластием»⁸.

В действительности связь между стихотворением и царским юбилеем 1836 года ясно прослеживается при внимательном изучении исторического контекста.

В августе 1836 года, подводя итоги десятилетнего правления Николая I, газеты писали о его исключительных заслугах перед отечеством, именовали «великим хозяином русского царства»⁹, сообщали, что свой первый юбилей государь встречает в длительной инспекционной поездке по центральной России. Миропомазанный современник Пушкина 8 августа выехал из Петербурга в Москву, откуда отправился на Нижего-

⁷ Вульф А.Н. Дневник, 1828–1831 // Пушкин и его современники. Пг., 1915. Вып. 21/22. С. 128.

⁸ Салямон Л.С. О мотивах переложения Пушкиным оды Горация «Exegi monumentum...» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 130, 145.

⁹ См.: Прибавление к газете «Северная пчела». 1836. № 191. С. 2.

родскую ярмарку, затем по Волге — в Казань и в Симбирск, где в памятный день 22 августа его приветствовал в местном соборе архиепископ Симбирский и Сызранский Анатолий. В тот же день в доме симбирского губернатора государя поздравили дворяне, чиновники и именитое купечество. На всем пути следования царского поезда его торжественно встречали в губернских городах представители местных народов: газеты называли чувашей, черемисов, калмыков, бухарцев, татар, вотяков и других.

Пушкин опишет схожую картину в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», называя народы Российской империи, которым предстоит стать свидетелями его посмертной поэтической славы. К тому времени, когда он начал работу над этим стихотворением, до Петербурга должна была дойти брошюра с речью митрополита Филарета, обращенной к царю при его входе в Успенский собор Московского Кремля 11 августа: «Сретая Тебя в сем Царском месяце, пред сим храмом Твоего царского венчания не можем не вспомнить и не усмотреть ныне, что над главою Твою совершился нерукотворенный венец — венец десятилетия Царских подвигов, — венец чем более трудною работою Твою духа выработанный, тем более драгоценный для нас и для потомства... Не для сего ли и теперь обходишь нас, почивающих под сению Твоего Престола, чтобы собственным оком видеть людей и дела, и непосредственными мановениями все направлять к правде, к пользе, к порядку, ко благу, к совершенству?»¹⁰

Как видно, слова митрополита оказались близки размышлениям Пушкина об исторической миссии поэта, по велению Божию наделенного теми общественными функциями, которые принято было считать исключительно прерогативой сильных мира сего. Стихотворение обращало читателя к идеям Горация, для которого соперничество славы поэта и славы монарха очевидно, поскольку в его понимании поэзия делает поэта равным богам. В одах Горация, обращенных к императору Августу и Меценату, эта мысль прочитывается еще более определенно, чем в «Exegi monumentum»: «Бессмертен я, навек бессмертен: / Стиксу не быть для меня преградой!» («К Меценату»)¹¹.

¹⁰ Филарет, митрополит. Речь благочестивейшему государю императору Николаю Павловичу по случаю высочайшего прибытия в Москву, августа 11 дня, 1836 года, пред вступлением его величества в Успенский собор, говоренная синодальным членом Филаретом, митрополитом Московским. М., 1836. С. 4–5.

¹¹ Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 123.

Для Пушкина первенство поэта перед лицом истории столь же очевидно, и он уверенно заявляет, что его нерукотворный памятник поэзии «вознесся выше» рукотворного. Но какого? Взамен египетских пирамид, избранных Горацием, а затем и Державиным, Пушкин соизмеряет высоту поэтического духа с Александрийским столпом. Споры о смысле и прототипе этого образа не утихают по сей день. В нем видят то Александровскую колонну в Петербурге¹², то колонну Помпея в Александрии¹³, то давно разрушенный Фаросский маяк¹⁴. Есть мнение, что Пушкин «намеренно ввел в стих лукавую двусмысленность, связанную с тем, что прилагательное «Александрийский» и имя «Александр» имеют общий корень, и тем самым как бы бросил отсвет от высочайшего в древнем мире сооружения на современную ему Александровскую колонну в Петербурге»¹⁵.

Интеллектуальная мода пушкинского времени, действительно, ассоциировала Александрию времен расцвета Александра Македонского с имперским Петербургом 1830-х годов. Так, Пушкин метафорически связывал древнюю Александрию с Петербургом, к примеру, в ноябре 1824 года в письме к брату, когда назвал петербургское наводнение Александрийским пожаром¹⁶ (ХIII, 123), не сомневаясь, что адресат письма его поймет. Представляется, что данный аргумент (адресат/читатель поймет) является наиважнейшим в споре о смысле пушкинского образа «Александрийский столп».

¹² Александрийский [прил. к Александр]. Александрийский столп (об Александровской колонне, памятнике Александру I в Петербурге в виде огромной гранитной колонны) // Словарь языка Пушкина. В 4 т. Т. 1. М., 2000. С. 16.

¹³ Алексеев М.П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Л., 1967. С. 62; Шанский Н.М. Exegi monumentum // Русский язык в школе. 1989. № 1. С. 70–71.

¹⁴ Красухин Г.Г. Покой и воля: Некоторые проблемы пушкинского творчества. М., 1987. С. 238–240; Фомичев С.А. Памятник нерукотворный // Русская литература. 1990. № 4. С. 214–216; Мурьянов М.Ф. Из символов и аллегорий Пушкина. М., 1996. С. 64–66; Мейлах М.Б. Еще раз об «Александрийском столпе» // Пушкин и его современники: сб. науч. трудов. Вып. 4 (43). СПб., 2005. С. 340–363.

¹⁵ Есипов В.М. Божественный глагол (Пушкин. Блок. Ахматова). М., 2006. С. 139–148. Того же мнения придерживается О.А. Прокурин: см. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.

¹⁶ Пожары погубили великую античную библиотеку при штурмах Александрии Юлием Цезарем (48–47 годы до н. э.) и императором Аврелианом (273 год).

Было бы странно, если бы, обращаясь к своим современникам, жителям Петербурга (и вообще к россиянам), Пушкин указал на памятник, который в 1830-х годах был у всех на слуху, но имел бы в виду совсем другое сооружение — древнее и уже малоизвестное широкой публике, а главное — далеко отстоящее от отечественной истории. Здесь важно напомнить, что в стихотворении речь идет о значимости деяний поэта именно в пределах России, а отнюдь не в мировом масштабе, как утверждают сторонники версии Фаросского маяка.

Накануне и после открытия колонны на Дворцовой площади газеты наперебой сообщали о том, что она «превосходит высотою все существовавшие доныне памятники»¹⁷, приводя в доказательство сопоставительный ряд известных сооружений данного типа¹⁸. В 1836 году в продаже появилась литография на эту тему, выполненная по рисунку О. Монферрана. На ней показано, что петербургская колонна занимает первое место по высоте (47,5 м), немногим ей уступает Вандомская колонна (43 м), за которой следуют колонны Траяна и Марка Аврелия (соответственно 38 и 34,5). Замыкает ряд колонна Помпея (32 м), которую во времена Пушкина ошибочно считали памятником, возведенным в честь Александра Македонского. Именно в связи с этим в литературе возникло некорректное предположение, что Помпееvu колонну могли называть Александрийским памятником, хотя в действительности так именовали другой обелиск, высотой 23 м, вывезенный из Луксора в Париж; его второе название — игла Клеопатры.

Скромные размеры колонны Помпея, о которых во второй половине 1830-х годов сообщали газеты, лишали этот памятник ореола «высоты». Было бы странно сравнивать с подобным монументом высоты своей будущей поэтической славы, тем более, что слава полководца Александра Македонского мало интересовала Пушкина-писателя: он упомянул его лишь однажды, да и то в шуточном коллективном послании «Надо помянуть, непременно помянуть надо»: «И уж Александра Македонского, / Этого не обойдешь, не объедешь» (III, 1; 487).

Парадные церемонии, сопровождавшие доставку колонны на Дворцовую площадь в августе 1832 года, а затем торжественное открытие всего монумента два года спустя, вызвали чрезвычайный об-

¹⁷ Открытие памятника Александру I // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1834. № 75.

¹⁸ Северная пчела. 1834. № 197 (3 сентября).

щественный интерес, подогреваемый множеством восторженных откликов современных поэтов и журналистов. Один из таких откликов (автор — М. Немцов) появился в сентябре 1834 года в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»:

Смотри, Россия, вот твой Царь,
Вот твой спаситель незабвенный!..
Петров потомок, Александр,
Монарх, Творцом благословенный!

Кому вселенная сплела
Венец из дел его великих!..
Природа камень создала
На память подвигов толиких...

И сей огромный *Исполин*
Векам грядущим возвещает,
Что выше всех Владык, один
Наш *Александр* меж звезд сияет.

Наш миротворец не умрет:
Он Брата нам в залог оставил;
Наш Царь вослед ему идет,
Он вновь Россию всепрославил¹⁹.

Ранее, в августе 1834 года, о памятнике на Дворцовой площади писал поэт Александр Бистром:

«Воздвигну!» — рек; и мощною рукой
Отторгнул от скалы гигантскую громаду,
И водрузил глагол о славе вековой,
И завещал его Петрову граду.
Века пройдут над ним, дивясь и вторя клики:
Благословенному — Великий!²⁰

¹⁹ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1834. № 75 (22 сентября). С. 605.

²⁰ Библиотека для чтения. 1834. Т. 6.

О невероятной высоте, на которую вознес свою главу петербургский монумент, сообщал читателю князь П. Ш.-Шихматов, утверждая, что «гигант кремнистый / Вознес главу до облаков»²¹.

В литературных текстах, посвященных колонне на Дворцовой площади, ее появление трактовалось не только как воля здравствующего императора, но и как результат действия высших сил, при посредничестве которых гигантский чудо-камень был перемещен в сердце столицы, где он обрел способность выражать сакральный смысл власти двух монархов — того, кому посвящен монумент, и того, кто его возвел.

Гранит единственный в день Невского героя
Среди Петрополя главу свою подъял,
Пред ним Траинов столп, доселе дивный — мал;
Тот пышной суетой Рим гордый изумляет,
Здесь благость двух Царей Россия прославляет²².

Так откликнулся на сооружение памятника Александру I знаменитый графоман пушкинского времени граф Д.И. Хвостов, не забыв упомянуть известные памятники, которые затмил столичный монумент.

В глазах современников колонна, возведенная перед императорским Зимним дворцом, оказывалась «своебразным знаком преемственности власти и высшего покровительства над нею»²³. На этом фоне определение Пушкиным своей посмертной поэтической славы в виде памятника, который «вознесся выше», выглядит выразительной аллюзией на стихотворные панегирики, авторы которых наделяли монумент на Дворцовой площади высоким духовным, историческим и идеологическим содержанием.

И еще одно, конкретное, наблюдение, которое может произвести всякий, кто входит на Дворцовую площадь не через арку Главного Штаба, а со стороны Адмиралтейства или набережной Мойки (от нынеш-

²¹ Северная пчела. 1834. № 193 (28 августа).

²² Стихотворения гр. Д.И. Хвостова. В 7 т. Т. 7. СПб., 1834. С. 219.

²³ Шведова С.О. Александровская колонна в пространствах поэзии, идеологии, истории // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2006. № 6 (16): Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология). С. 86–87.

него Певческого моста). При этом фигура ангела, венчающего колонну, оказывается обращена боком к зрителю, и в таком ракурсе заметно, как сильно наклонена голова Ангела перед незримым лицом Всевышнего: смиленно и, можно сказать, покорно. Нерукотворный памятник Пушкина выступает в очевидной оппозиции к этому образу: он и «вознесся выше», и «с главою непокорной».

Известно, что первым вдумчивым читателем пушкинского текста был В.А. Жуковский. Готовя стихотворение к публикации, он внес в него существенную правку, коснувшуюся и Александрийского столпа. Заменив его на Наполеонов, Жуковский со всей очевидностью отводил внимание цензоров в сторону от Дворцовой площади, поскольку не сомневался, что покойный поэт имел в виду именно этот монумент и что цензоры именно так его поймут.

Не исключено, что подпись под стихотворением («Каменный остров, 21 августа»), смысл которой был также ясен Жуковскому, усилила его уверенность в том, что речь шла о колонне в честь деяний покойного императора, воздвигнутой другим императором, десятилетие восшествия которого на престол отмечали 22 августа 1836 года. Испугавшись такой очевидности, Жуковский заменил имя русского императора на французского, но не искал смысла сказанного Пушкиным.

Таким образом, помета «Каменный остров» под стихотворением о миссии поэта на земле должна рассматриваться не в узком, топографическом смысле, а в широком культурно-историческом контексте. В то время как обитатели Каменного острова готовились 21 августа к предстоящему царскому юбилею, их сосед — Пушкин — позволил себе размышлять о посмертной славе не монарха, а поэта, уверенный в своем будущем бессмертии, основанном на величии духа и благородстве поэтического слова. Можно заключить, что появление стихотворения было связано не с предчувствием близкой смерти, как полагают многие исследователи, а с желанием Пушкина осмыслить те коренные изменения, которые произошли в его творческой и общественной биографии со временем, когда царь вызвал его из михайловской ссылки в дни коронационных торжеств 1826 года.

ОБ ОДНОЙ АРХИВНОЙ НАХОДКЕ. К БИОГРАФИИ П.А. ГАННИБАЛА

Во второй половине прошлого века небольшой в ту пору коллектив научных сотрудников Пушкинского Заповедника — не более 10 человек — увлеченно искал, изучал, уточнял, исследовал старые деревоэволюционные материалы о деревенском окружении ссыльного поэта. Эта плановая научная работа, задуманная С.С. Гейченко, предполагала завершиться изданием сборника наших статей, к сожалению, несостоявшимся.

Но в то время наш энтузиазм был велик — рылись в прекрасной библиотеке Заповедника, ездили в Ленинград, чтобы уточняться в Рукописной картотеке Б.Л. Модзалевского, сидели в Пушкинском кабинете Пушкинского Дома¹. Некоторым из нас повезло — С.С. Гейченко, Т.Ю. Мальцева, М.Е. Васильев были знакомы с потомками друзей и знакомых поэта, потом этот круг сотрудников расширился. Каждый из нас работал над своими персонажами, пользуясь и древлехранилищем Псковского музея, и Государственным архивом Псковской области, фонды которого были поделены между Псковом и Великими Луками. Фонды, относящиеся к XVIII–XIX векам — пушкинскому времени — в основном были сосредоточены в Великих Луках².

И вот однажды, роясь в старых архивных книгах, выискивая «своих» Львовых — Философовых, я натолкнулась на имя Петра Абрамовича Ганнибала. Добросовестно сделав выписку о том, что двоюродный дед поэта в 1824 году жительствует с семьей в сельце Сафронтьеве, я передала ее Т.Ю. Мальцевой³, которая занималась тогда Ганнибалами, сама не придавая этому факту большого значения.

Реакцию Татьяны Юрьевны описать не берусь... «Это же открытие», — горячилась она.

¹ Почти всегда в выходные дни, во время отпуска или коротких командировок.

² С гостиницами в Луках было очень сложно: часто сотрудники ночевали в помещении секретарской архива — такие патриархальные были времена!

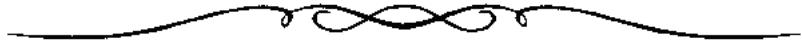
³ Мальцева Татьяна Юрьевна (1923–1994) — пушкиновед, научный сотрудник Пушкинского Заповедника с 1955 по 1980 год, автор исследования «Ганнибалы и Пушкин на Псковщине (М., 1999).

Сельцо Сафронтьево. Остатки фундамента дома П.А. Ганнибала.

Фото А.И. Давыдова. 1977 год

Все известные нам источники утверждали, что в годы ссылки поэта П.А. Ганнибал продолжал жить в своем Петровском, как это было в первый приезд А.С. Пушкина в Михайловское в 1817 году, когда состоялось их знакомство.

Татьяна Юрьевна настояла, убедив в этом и С.С. Гейченко, чтобы я продолжила поиски, потому что возникли некоторые сомнения: вдруг П.А. Ганнибал жил там какое-то короткое время, хотя слово «жительствовал» было очень конкретным по смыслу, или, например, «задержался в гостях»?

Словом, я поехала снова в Великие Луки с короткой двухдневной командировкой, и мне очень повезло: нашлись другие документы и даже метрическая запись о смерти двоюродного деда поэта, хотя за некоторые годы документы отсутствовали. В нашем кругу это стало маленькой сенсацией, так как внушало надежду, что несмотря на времена, эпохи, отделявшие от Пушкина, поиски могут дать неожиданный результат.

Хочу добавить, что меня очень смущал один пассаж в письме поэта П.А. Осиповой в Ригу от 11 августа 1825 года (оригинал письма по-французски): «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записи, касающиеся моего прадеда» (XIII, 543).

Прошел почти год с момента приезда поэта в ссылку, он знает, что старый арап в преклонном возрасте, что он — осколок истории, хранитель семейных преданий и документов, представитель славного рода, т. е. он важный для Пушкина живой свидетель эпохи — и Пушкин не может навестить этого дедушку в Петровском, здесь, рядом, в двух — двух с половиной верстах от Михайловского?! На этот вопрос следовал ответ коллег: здесь главное не расстояние, а сам факт (как будто Пушкину нужно было как-то особенно готовиться к этому визиту). И еще — легенда о том, что старый арап, почувствовав смерть, ушел из Петровского куда-то умирать, или другой вариант — утонул в озере... Полагаю, что в сознании пушкинистов и паломников такочно Петровское связалось с именем Петра Абрамовича Ганнибала, что в силу этого обстоятельства другое представлялось просто невозможным.

Мое первое публичное выступление с этими находками случилось в октябре 1977 года на конференции, организованной Всесоюзным музеем А.С. Пушкина в Царском Селе, в Лицее, в лицейскую годовщину (Мойка была закрыта на ремонт), куда мы, несколько сотрудников Пушкинского Заповедника, выехали вместе с С.С. Гейченко.

В печати информация с изложением найденных документов появилась 20 августа 1977 года в спецвыпуске газеты «Пушкинский край»

№ 100, посвященном 153-й годовщине со дня ссылки поэта в Михайловское⁴.

Однако сами архивные документы до сих пор опубликованы не были. Все, касающиеся П.А. Ганнибала, находятся в фонде Псковской духовной консистории (ф. 39) и представляют собой клировые ведомости церквей, исповедные росписи жителей и записи в метрических книгах.

Документы публикуются впервые в порядке их обнаружения. Общее название дела — «Клировые ведомости Опочки, Новоржева и их уездов за 1824 год».

1.

Клировая ведомость Троицкой церкви Пятницкого погоста, к ней в 7 верстах погост Бежаницы, в 1 версте — Дворцы, Апросьево — в 7 верстах.

Оного прихода жительствующих вотчинников сельца Сафонтьево

В нем жительствует помещик генерал-майор Петр Абрамович Ганнибал с фамилиею (2 — 3) и дворней 17 м — 14 ж.

Его деревни: Малофеево, Таракино, Абаконово, Фекино⁵.

2.

Ведомость Новоржевского уезда Троицкой церкви Пятницкого погоста за прошлый 1825 год.

В нем церковь во имя Святой Троицы деревянная, с приделами Пророка Илии и Мученицы Параскевы, покрыта тесом, твердая, построена в 1796 году, однокомплектная, приходская. В приходе м. душ 537, ж — 540, в том числе большая часть раскольников.

К оной церкви приписан приход сгоревшей Николаевской церкви погоста Дворец.

Оного прихода жительствующих и не жительствующих вотчинников сельца

Сельцо Сафонтьево (3 в[ерстах] от церкви)

В нем жительствует помещик генерал-майор Петр Абрамов Ганнибал и с фамилиею

⁴ Газета «Пушкинский край» учитывалась в библиографических обзорах Пушкинского Дома.

⁵ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 39. Оп. 7. Ед. хр. 72. Сельцо Сафонтьево иногда называется Сафоньево.

При нем дворовых людей 17 — 14
Вышеннаписанного помещика крестьяне деревни
Малфеево (5 верст)
Тараскино (4 версты)
Абаконово (3 версты)
Фекино (3 версты)⁶.

3.

Исповедные росписи Опочки, Новоржева и уездов за 1824 год.
Сельцо Сафронтьево
В нем жительствует помещик генерал-майор Петр Абрамов Ганин-
бал 85 лет
Племянница его Анна Неелова вдова 53 лет
Сын ее Николай Павлов 27 лет
Жена его Любовь Яковleva 18 лет
Воспитанница их Любовь 16 лет⁷.

Итак, вместе с Петром Абрамовичем живет Анна Николаевна Неелова, урожденная Байкова. Вдова родного племянника Петра Абрамовича — Павла Семеновича Неелова, сына его сестры Анны Абрамовны от брака с Семеном Степановичем Нееловым.

В документе за конец XVIII века он, Павел Семенович, назван своим дядей Иваном Абрамовичем Ганибалом «инвентарь-поручиком», позднее упоминается как «инженер-поручик»⁸.

Сама Анна Абрамовна и ее дети после смерти Семена Степановича Неелова в 1781 году очень нуждались. Есть документы, подтверждающие долги ее невестки Анны Николаевны Ивану Абрамовичу Ганибалу, которые она не смогла в срок выплатить. Этот долг по его поручению должен был взыскать с Анны Николаевны «братец» Петр Абрамович, взяв на себя управление «недвижимого имения, состоящего Псковского наместничества Опочецкого уезда Острейшего стану в деревнях Алфимовой, Бирюхотной и Стрельциной, в коих м. п. 74 души с челядью»⁹.

⁶ ГАПО. Ф. 39. Оп. 7. Ед. хр. 74.

⁷ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 2701. Св. 707.

⁸ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 14.

⁹ Там же.

Петр Абрамович получает от брата полномочия продать или заложить их от его имени, так как он, Иван Абрамович, очень занят и этими проблемами заниматься не может. Очевидно, так и случилось¹⁰.

Но некоторые долги все-таки удалось погасить. Так, в 1824 году Псковская палата гражданского суда выдала «разрешение на имение артиллерии-подпоручика Павла Неелова на его имение, заложенное оной губернии Новоржевской части Опочецкого уезда в деревнях Перхове — 31, Алексееве — 15, Козминой — 8, Голованове — 11, итого 65 душ банк из залога своего исключил. Сумма 3 000 руб. выплачена полностью»¹¹.

Но это не спасает семейство от почти полного разорения. Как утверждает Н.К. Телетова, сельцо Сафронтьево А.Н. Нееловой, урожденной Байковой, отходит за долги П.А. Ганнибалу¹². Эту гипотезу она высказывала еще в 1977 году, когда вместе со мной ездила на поиски Сафронтьева (Сафонтьева), Пятницкого погоста и — вдруг повезет! — могилы П.А. Ганнибала.

Однако документов, подтверждающих, что Ганнибал — единственный владелец Сафронтьево, не приводится. Также неясно, на каких правах вдовы племянника живет в Сафронтьеве и в документах упоминается как его «фамилия», т. е. семья. Вряд ли здесь родственные отношения и чувства, судя по делу И.А. Ганнибала о взыскании долга с А.Н. Нееловой. Может быть, ей принадлежит какая-то часть Сафронтьево, потому что сложно представить, чтобы расчетливый Петр Абрамович содержал в качестве приживалок или домочадцев целое семейство родственников своей сестры.

Или здесь совсем иная, любовная история, как предположил в частной беседе Н.Я. Эйдельман, известный писатель и литературовед, и воспитанница Любовь 16 лет — внебрачная дочь Петра Абрамовича и вдовы А.Н. Нееловой.

Закончилась земная жизнь П.А. Ганнибала в сельце Сафронтьеве, в окружении все той же «фамилии». Один из самых важных архивных документов — метрическая запись о смерти двоюродного деда поэта.

¹⁰ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 14.

¹¹ ГАПО. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 5.

¹² Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. СПб., 2007. С. 218.

4.

Книга, данная из Опочецкого духовного правления ведомства оного Новоржевского уезда погоста Пятницы в Троицкую однокомплектную церковь священно-церковно-служителям для вписания в оную на 3 части — кто именно в 1826 году из приходских по церкви людей родились, браком сочетались и умерли.

В графе «умерли» записано:

«Июнь, 8 числа.

Сельца Сафронтьева помещик генерал-майор Петр Абрамов Ганибал умре, 70 лет.

Какою болезнью? Натуральной болезнью с покаянием.

Исповедан и приобщен Пятницкого погоста священником Симеоном.

Погребен близ церкви на кладбище.

Священник Симеон Никольский

Дьякон Илья Демятицкий

Дьячок Заволоцкий

Пономарь Никита Аполинский»¹³.

Обращает на себя внимание разный возраст Петра Абрамовича, показанный в церковных документах, — то 85, то 70 лет. На самом деле ему было 84 (1742–1826). Возраст часто указывался достаточно произвольно — «на глаз» или по показаниям домочадцев или самих носителей возраста, которые по старости лет иногда точно его не помнили.

Было очень занимательно найти Сафронтьево и Пятницкий погост, которые существовали только как географические понятия. Ориентировкой была деревня Дворцы, где незадолго до этого В.В. Герасимова и я читали лекции в местной школе. От Бежаниц автобусом до Дворцов, где местные жители проводили на Пятницкий погост. Здесь еще до войны стояли, по их словам, два кованых старинных креста с вязью. Но ни Троицкая церковь, ни могила П.А. Ганибала не сохранились. Однако теперь документально подтверждается, что в годы ссылки поэта старый арап П.А. Ганибала жил постоянно в сельце Сафронтьеве, где его навестил А.С. Пушкин, получив от него фамильные бумаги и, может быть, «немецкую» биографию.

¹³ ГАПО. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 4333. Св. 1277.

Итак, биография П.А. Ганнибала, которая хорошо изучена¹⁴, получила свое завершение с обнаружением архивных документов о последнем периоде его жизни и смерти.

Усадьба Сафронтьево в 60 километрах от Петровского перестала существовать в 1930-е годы, в коллективизацию. Место ее расположения показали жители деревни Дворцы — в 3 километрах от нее, расположена очень живописно вдоль реки Льсты, притока Сороти. Ныне это Бежаницкий район. Любопытно, что рядом — тоже в 3 километрах — находится Апросьево, где беспутный дед поэта Осип Абрамович обманом венчался с Устиньей Ермолаевной Толстой (при живой жене Марии Алексеевне). Это случилось 9 января 1779 года¹⁵.

А вокруг Сафронтева были деревни, которые в счет долга А.Н. Неловой стали собственностью Ивана Абрамовича Ганнибала¹⁶.

Таким образом, на какое-то время здесь пересекаются интересы трех братьев — Ивана, Иосифа и Петра Ганнибалов.

¹⁴ См.: Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1957; Мальцева Т.Ю. Ганнибалы и Пушкины на Псковщине. М., 1999; Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981; СПб., 2007; Козмина Л.В. Петровское. Поэт и Прародитель. СПб., 2012.

¹⁵ Мальцева Т.Ю. Ганнибалы и Пушкины на Псковщине. С. 64.

¹⁶ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 277. Л. 14.

Александр Кондратеня

ГЕНЕАЛОГИЯ РОДА ПЕТРА СТЕПАНОВИЧА ЛОБКОВА,
СОВРЕМЕННИКА А.С. ПУШКИНА,
АВТОРА ДНЕВНИКА «РОДОСЛОВНАЯ ЛОБКОВА
И ПАМЯТНИК ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ» (XIX ВЕК)

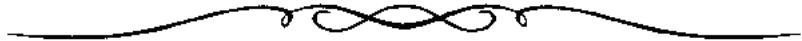
В выпускe 11 «Трудов Псковского археологического общества за 1914–1915 годы» была опубликована рукопись П.С. Лобкова¹, которую представил опочецкий краевед Л.И. Софийский. Н.Ф. Окулич-Казарин в аннотации к дневнику Лобкова писал: «Рукопись имеет название «Родословная Лобкова и памятник великих событий». Написана на 20 четвертушках толстой синей бумаги и доведена до 1869 года». К сожалению, как отмечает Окулич-Казарин, «...мы включили только записи 1-го значения... Рукопись второй категории, что касается семейной жизни, публиковать не стали, кроме кончины тестя (И.И. Крестовского, прим. авторов)». Таким образом, это послужило изучением генеалогии рода Лобковых, так как практически данных не сохранилось. Но прежде чем перейти к генеалогии, обратимся к некоторым записям из дневника П.С. Лобкова.

Что заставило молодого человека в 17 лет начать вести записи? Может быть, Петра Лобкова к этому побудила война, которую начал Наполеон против России в 1812 году. Отсюда лаконичная запись: «1812 год. Война с французом сильная. Москва позорена (разорена). В этом же году изгнаны». И далее: «9 сентября с. г. из Опочки ходили крестным ходом на границу с Белоруссией со всех церквей и Святогорская Божия Матери, и с Афонской слободы иконы». В этой записи Лобков отразил настроение опочан, которые радовались изгнанию врага с земли русской, «было молебствие с коленопреклонением о победении врага».

Интересна запись и за 1833 год:

«Богоспасаемый град Опочка видел Божеское милосердие издревле, доныне, и надеется впредь через сие явление. Апреля 26 дня, в день Преполовения праздника, был крестный ход в собор, а из собора на реку, на водоосвящения сделалось на небе, и при солнечном сиянии явился на небе и в облаках просторный круг, начиная от солнца, простираясь к

¹ Лобков П.С. Родословная Лобкова и памятник великих событий // Труды Псковского археологического общества. 1915. Вып. 11.

западо-северу, и другим концом упираясь в солнце; а по концам близ солнца наподобие звезд немалого вида, ало-синеватые, несколько продолговатые шары, по обеим сторонам солнца. И через несколько минут явился полуциркулярный круг. И перед окончанием водоосвящения, когда пошел или тронулся крестный ход, и круг облачный начал исчезать, и доколе обошел крестный ход кругом города, и молебен окончил в соборе, и круги исчезли.

Народу в крестном ходу было много, и все удивлялись сему явлению; никто не видывал доселе такого круга. Но при всем том, каждый из зрителей не уживалялся, а сердечною бодростью смотрели, хвалили и превозносили Бога, тем паче, что сие явление во время bogомолебствия и водоосвящения было. Бог осенил народ и явил отраду собравшимся христианам на молебствие».

Некоторые факты из жизни П.С. Лобкова сохранились. Прадед П.С. Лобкова, Василий Григорьевич, был сельским священником в Опочецком уезде. Его сын Александр Васильевич переехал в Опочку и приписался к тамошнему мещанству, а впоследствии сделался купцом. Отец же Петра Лобкова Степан Александрович — купец (гильдия не указана), занимал должности винного пристава, ратмана, наконец, бургомистра. В этой должности и скончался от «головной боли».

Петр Степанович Лобков родился в 1795 году, был восьмым ребенком (из девяти детей). Получил образование (но нет сведений, какое). В 1817 году женился на дочери богатого опочецкого купца И.И. Крестовского Ксении Ивановне. Получил очень большое приданое за невесту. Запись о его венчании удалось обнаружить в метрической книге церкви Воззвиженской села Велья: «Города Опочки мещанин Петр Степанов Лобков, 18 лет, венчан законным браком с девкою с живущаго в селе Велье Опочецкого мещанина дочерью Ксению Ивановой Крестовскою, 15 лет. При чем поручителями со стороны жениха: опочецкий купец Степан Порозов. Со стороны невесты: Марья Порозова»².

От этого брака родилось 12 детей.

Старшая дочь Петра Степановича Елисавета Петровна 24 января 1837 года вышла замуж за Матвея Матвеевича Селюгина. От этого брака было 11 детей.

Ее сестра Акилина 14 февраля 1845 года вышла замуж за опочец-

² Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 4329. Метрические книги города Опочка и его уезда. 1817 год.

Города Опочка Псковской губернии Петре Степановичу Лобкову
 10. 11 по венчанию первое Женитьбы Елизаветы Петровны свободной
 11/янв/1817 года в селе Велья Опочецкого уезда Псковской губернии
 бывшего крепостного сына купца Григория
 Федорова Иванова Григорьевича: при участии свидетелей и священника
 именем Степаном Финицем: отслужившей Литургию венчание торжественно
 в церкви Рождества Иоанна Предтечи: свидетель Павел
 12/янв/1817 года в селе Велья Опочецкого уезда Псковской губернии
 бывшего крепостного бывшего рабочего сына Елизаветы
 Петровны Лобковой Елизаветой Петровной

Запись о венчании П.С. Лобкова с К.И. Крестовской.

Церковь Воззвиженская села Велья Опочецкого уезда, за 1817 год.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 4329

кого купца 3-й гильдии Алексея Петровича Утрецкого. А младшая их сестра — Ольга — за опочецкого купца Алексея Петровича Хвощинского.

Петр Степанович Лобков с дочерью
Елизаветой Петровной.

Из книги «Труды Псковского
археологического общества». 1915. Вып. 11

Сын Петра Лобкова Иван женился на Анне Николаевне (девичья фамилия неизвестна). Другой его сын — Павел 3 января 1866 года сочетался браком с Анной Николаевной Гуйтовой, опочецкой мещанкой. Старший сын Петра Алексей вероятнее всего не был женат или был бездетен. Он активно занимался общественной деятельностью в Опочке, в основном торговыми делами. Много лет, начиная с 1850-х и до 1870-х годов, был гласным Опочецкой городской думы. С 1859 по 1861 год занимал должность ратмана. Его родной брат Иван начиная с 1880-х годов был депута-

Часть плана города Опочки за 1840-е годы,
где в 7 квартале располагался дом П.С. Лобкова.
ГАПО. Ф. 196. On. I. Д. 1820

том Торговой депутатии Городской управы и также гласным городской думы на протяжении многих лет до начала XX века.

Сам Петр Степанович Лобков в 1818 году находился в службе при Словесном суде судьей, в 1822 году был градским старостою. А в период с 1826 по 1828 год при градской Успенской церкви — церковным старостою. Имел дом в Опочке — деревянного строения, на каменном фундаменте, самим построенный, в 7 квартале на 7 месте. На начало ХХ века эта местность с недвижимым имуществом принадлежала наследникам Матвея Матвеевича Селюгина и Ивану Ивановичу Лобкову.

Петр Степанович был богатым купцом, имел в городе торговые лавки, торговал льном. Скончался в 1870 году, его жена Ксения Ивановна умерла в 1877 году. Похоронены на Покровском кладбище. Здесь же покоятся и дети Лобковых.

О родственниках купца П.С. Лобкова упоминал в своем дневнике Иван Игнатьевич Лапин³. Оба купца жили и торговали в Опочке, хорошо знали друг друга, поддерживали приятельские отношения. Об этом говорят записи, сделанные И. Лапиным в дневнике: «10 декабря 1818 года умерла бабка Васильевна Лобкова». Или запись от 26 января 1819 года:

³ Лапин И.И. Дневник // Труды Псковского археологического общества. 1915. Вып. 11.

«Сочетался браком Иван Степанович с Машей Ломаковой и еще Иван Карпович с Анной Степановой Лобковой, и я был у них на вечеринке».

Анна Степановна была родной сестрой Петра Степановича Лобкова. Ее муж Иван Карпович Никитин в 1822 году находился в службе при Словесном суде судьей. Имел дом в Опочке — деревянного строения, на каменном фундаменте, доставшийся ему от его отца — Карпа Никитина, во 2 квартале на 8 месте. Другая его сестра, Евдокия, была замужем за опочецким купцом Стефаном Григорьевичем Семендяевым. Он имел дом в Опочке на Завелицкой стороне — деревянного строения, на каменном фундаменте, со службами самим вновь построенный, в 34 квартале на 4 и 5 местах⁴.

В результате проведенной работы получилось сделать генеалогическую схему рода Лобковых и поколенную роспись (*см. Приложение в конце статьи*), но они требуют дополнений в результате изучения исповедных ведомостей и ревизских сказок. Требуется также документально доказать, что известный монах Псково-Печерского монастыря Лазарь Прозорливый и Петр Степанович Лобков имели общих предков.

⁴ ГАПО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1. Книга регистрации жителей города Опочка. 1829–1835 годы.

Приложение

Поколенная роспись рода Лобковых

Составлена на основе изучения метрических книг Успенской церкви Опочки за период XIX — начала XX века, а также списка жителей Опочки 1830-х годов. Поколенная роспись неполная и требует изучения исповедных ведомостей и ревизских сказок за период XVIII—XIX веков.

Григорий Лобков

Жена: Н

2/1. Василий Григорьевич Лобков

Жена: Н

3/2. Александр Васильевич Лобков

Жена: Н

4/3. Стефан Александрович Лобков

Жена: Н

5/4. Евдокия Стефановна Семенджева (Лобкова) (ок. 1790—?)

Муж: Стефан Григорьевич Семенджев (ок. 1789—1845)

6/4. Петр Степанович Лобков (1795—12.10.1870)

Жена: Ксения Ивановна Лобкова (Крестовская)

7/4. Анна Стефановна Никитина (Лобкова) (ок. 1796—?)

Муж: Иван Карпович Никитин (ок. 1790—?)

8/5. Настасья Стефановна Семенджева (ок. 1811—?)

9/5. Иван Стефанович Семенджев (ок. 1815—?)

10/5. Егор Стефанович Семенджев (ок. 1818—?)

11/5. Михаил Стефанович Семенджев (ок. 1821—?)

12/5. Дмитрий Стефанович Семенджев (ок. 1822—?)

13/5. Анна Стефановна Семенджева (ок. 1828—?)

- 14/5. Марья Стефановна Семендеева (ок.1831–?)
- 15/5. Василий Стефанович Семендеев (ок.1834–?)
- 16/5. Яков Стефанович Семендеев (28.04.1835–?)
- 17/6. Елисавета Стефановна Селюгина (Лобкова) (ок.1820–?)
Муж: Матвей Матвеевич Селюгин (ок.1797–?)
Дата брака: 24 января 1837 года
- 18/6. Алексей Петрович Лобков (30.09.1820–?)
- 19/6. Василий Петрович Лобков (25.01.1822–?)
- 20/6. Акилина Петровна Утрецкая (Лобкова) (ок.1824–?)
Муж: Алексей Петрович Утрецкий
Дата брака: 14 февраля 1845 года
- 21/6. Евдокия Петровна Лобкова (1825–3.01.1826)
- 22/6. Иван Петрович Лобков (23.09.1828–4.04.1909)
Жена: Анна Николаевна Лобкова (?–5.11.1897)
- 23/6. Александра Петровна Лобкова (6.05.1835–7.03.1836)
- 24/6. Анна Петровна Лобкова (23.07.1836–18.11.1836)
- 25/6. Павел Петрович Лобков (18.01.1838–?)
Жена: Анна Семеновна Лобкова (Гуйтова)
(17.01.1846–7.08.1914)
Дата брака: 3 января 1866 года
- 26/6. Ольга Петровна Хвощинская (Лобкова)
(23.06.1833–4.01.1896)
Муж: Алексей Петрович Хвошинский (ок.1826–1.09.1885)
- 27/7. Николай Иванович Никитин (ок.1819–?)
- 28/7. Александра Ивановна Никитина (ок.1820–?)
- 29/7. Петр Иванович Никитин (ок.1823–?)

-
- 30/7. Василий Иванович Никитин (ок.1826–?)
31/7. Степан Иванович Никитин (ок.1829–?)
32/7. Мария Ивановна Никитина (17.03.1838–?)
33/17. Мария Матвеевна Селюгина (ок.1838–26.03.1838)
34/17. Михаил Матвеевич Селюгин (7.07.1839–29.08.1839)
35/17. Петр Матвеевич Селюгин (11.06.1840–18.11.1840)
36/17. Матвей Матвеевич Селюгин (5.08.1841–?)
37/17. Василий Матвеевич Селюгин (30.07.1842–?)
38/17. Михаил Матвеевич Селюгин (27.1843–?)
39/17. Петр Матвеевич Селюгин (14.01.1849–?)
40/17. Николай Матвеевич Селюгин (14.1850–?)
41/17. Анна Матвеевна Селюгина (24.12.1852–?)
42/17. Яков Матвеевич Селюгин (7.10.1855–28.10.1858)
43/17. Вера Матвеевна Селюгина (12.09.1857–?)
44/20. Михаил Алексеевич Утрецкий (2.11.1846–7.11.1846)
45/22. Иван Иванович Лобков (4.09.1873–?)
- Жена: Варвара Николаевна Лобкова (Кудрявцева)
(ок.1880–5.08.1902)
- Дата брака: 9 июля 1900 года
- 46/26. Николай Алексеевич Хвощинский (6.05.1869–?)
47/26. Павел Алексеевич Хвощинский (10.06.1870–?)
48/26. Александра Алексеевна Хвошинская (2.11.1875–?)
49/45. Анна Ивановна Лобкова (27.05.1901–?)

РЯДОВОЙ ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1812 ГОДА П.Г. БОРЗОВ

К истории одного портрета¹

В Тригорском, в доме-музее Осиповых и Вульфов, в интерьере кабинета П.А. Осиповой висит большой живописный портрет кисти неизвестного художника, написанный в 1802–1806 годах. Он изображает молодого человека анфас, ниже пояса, в мундире Лейб-grenадерского полка с аксельбантом, без эполет (они были даны grenaderам позднее).

Портрет² поступил в Пушкинский Заповедник в самом начале 1960-х годов по линии В.Д. Бубновой — правнучки Надежды Гавриловны Вульф в составе коллекции из четырех портретов с достаточно условным названием «портретов тверских Вульфов». Только один портрет имеет прямое отношение к Вульфам — портрет Надежды Гавриловны Вульф, урожденной Борзовой, жены И.И. Вульфа. Остальные представляют ее ближайших родственников — мать Прасковью Григорьевну (девичья фамилия неизвестна), отца Гаврилу Карповича, действительного статского советника и кавалера орденов Святой Анны II степени с бриллиантами и Святого Владимира IV степени. В документах иногда путают его отчество, называя то «Кирилловичем», то «Степановичем» (как в музейном акте поступления).

И вот этот портрет молодого человека в военном мундире. До настоящего времени он значился как предполагаемый портрет брата Н.Г. Вульф, но даже имя портретируемого не было известно. К счастливой истории обнаружения и бытования портретов имеет прямое отношение Т.Ю. Мальцева, которая работала в Заповеднике в 1950–1970-х годах. Она была знакома и с Варварой Дмитриевной Бубновой, и с М.Н. Ясиновской³.

¹ В сокращении опубликована: Давыдов А.И. О судьбе Н.Г. Вульф и ее портрете // Пушкинский уголок. 2015. № 4 (декабрь). С. 9.

² По акту № 7 от 23.06.1960 — от М.Н. Ясиновской, доверенного лица В.Д. Бубновой. 88 × 70 см, холст, масло. КП-837, ж-58.

³ Мальцева Т.Ю. [...] // Знамя труда. 4.06.1965.

Петр Гаврилович Борзов.
Неизвестный художник. Конец XVIII — начало XIX века.
Холст, масло. 88 × 70 см.
Из фондов Пушкинского Заповедника

Архивные поиски и мемуарные свидетельства позволили с уверенностью подтвердить, что на портрете действительно изображен брат Н.Г. Вульф, урожденной Борзовой, Петр Гаврилович Борзов (1780–1812). Надежда Гавриловна Вульф в пушкинское время была хозяйствкой села Берново Тверской губернии, которое посещал во время своих приездов в соседнее имение П.А. Осиповой Малинники А.С. Пушкин, перезнакомившись с многочисленными Вульфами, родственниками Прасковьи Александровны по первому мужу. Там он видел портрет Н.Г. Вульф и, вероятно⁴, среди фамильных портретов — и портрет П.Г. Борзова.

История сохранила немногое о жизни участника войны 1812 года, одного из рядовых русских офицеров, чьими подвигами и усилиями Россия устояла перед Наполеоном. Живя в эпоху войн, Петр Борзов, как большинство дворян, состоял на военной службе. В 1802 году подпоручик Борзов получил свой следующий чин — поручика. Именно в мундире поручика Лейб-grenадерского полка он изображен на рассматриваемом портрете. Он участвует в кампании 1805–1807 годов против французов, в 1805 году сражается под Аустерлицем, в 1807-м — при Фридланде. В 1806 году Борзов уже штабс-капитан. К началу Отечественной войны он — майор того же Лейб-гренадерского полка⁵ и вместе с полком участвует в тяжелых сражениях с французскими войсками при отступлении русской армии под натиском превосходящих сил французов. Находясь в третьем корпусе 1-й армии под командованием генерал-лейтенанта И.А. Тучкова-первого, П. Борзов впервые в эту войну принял участие в сражении под Острогожской, на подступах к Витебску.

В обороне Смоленска гренадерская дивизия не участвовала, находясь в резерве. Смоленск был оставлен 6 августа после двухдневной кровопролитной битвы. Отступление началось в ночь с 6 на 7 августа, русская армия не просто отступала, а отчаянно сопротивлялась, отбиваясь от отборных французских корпусов Мюрута, Нея, Даву и Жюно. Гренадерская дивизия, куда входил и полк П.Г. Борзова, уже очень ослабленная, под командой П.А. Тучкова-третьего, заняла выгодную позицию у деревни Лубино, в 10 километрах восточнее Смоленска, на

⁴ Соколова В.Н., Цветков Д.А. А.С. Пушкин в городе Старице и Старицком уезде // Пушкинские чтения на Верхневолжье. Калинин, 1972. С. 76.

⁵ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО). Ф. 757. Оп. 1. Ед. хр. 9108. Л. 1–32.

правом берегу Днепра, у Валутиной горы, и установила там батарею из четырех орудий, которую охраняли гренадеры. Тут, уже во второй половине дня, лейб-grenадеры 4 раза ходили в штыковую атаку против французов, чтобы не дать им овладеть батареей. Критический момент наступил вечером в 7 часов, когда стало темнеть. П.А. Тучков-третий, главный герой этого сражения, сам повел солдат в атаку и весь изрубленный, со штыковой раной попал в плен. Полковой адъютант Лейб-гренадерского полка поручик Пузанов, автор истории этого полка, сообщает: «В деле при Лубино было убито в полку 47 человек, в том числе 5 офицеров, которые всегда находились впереди своих солдат, было очень много раненых»⁶.

Тогда на Валутину гору у Лубина в контратачу против французских батарей повел гренадерский полк начальник штаба армии генерал А.П. Ермолов. В реляции главнокомандующему Барклаю де Толли он доносил: «...Батарея наша была сбита... и я сам повел Лейб-гренадерский полк на неприятельскую батарею. Солдаты, действуя отлично, храбро, опрокинули все на пути... но сильный картечный огонь привел полк в расстройство...»⁷ Вот в этой атаке 7 августа 1812 года П.Г. Борзов получил тяжелое ранение и 20 октября умер от полученной им раны.

В Свидетельстве Военного министерства сообщается⁸, что «служивший в Лейб-гренадерском полку из дворян Санкт-Петербургской губернии майор Петр Гаврилов Борзов по Высочайшему повелению 20 октября 1812 года исключен того же полка из списков умершим от полученной им в сражении раны»⁹. В сражении при Лубине или, как его иногда называют, при Валутиной горе¹⁰, последнем смоленском сражении в начале войны, «французы потеряли убитыми 8 тысяч, русские — 6 тысяч»¹¹. Это сражение внесло свою лепту в окончательную победу России, которая разбила и изгнала великую армию Напо-

⁶ История Лейб-гренадерского полка. СПб., 1845. С. 128–144.

⁷ Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 173–174.

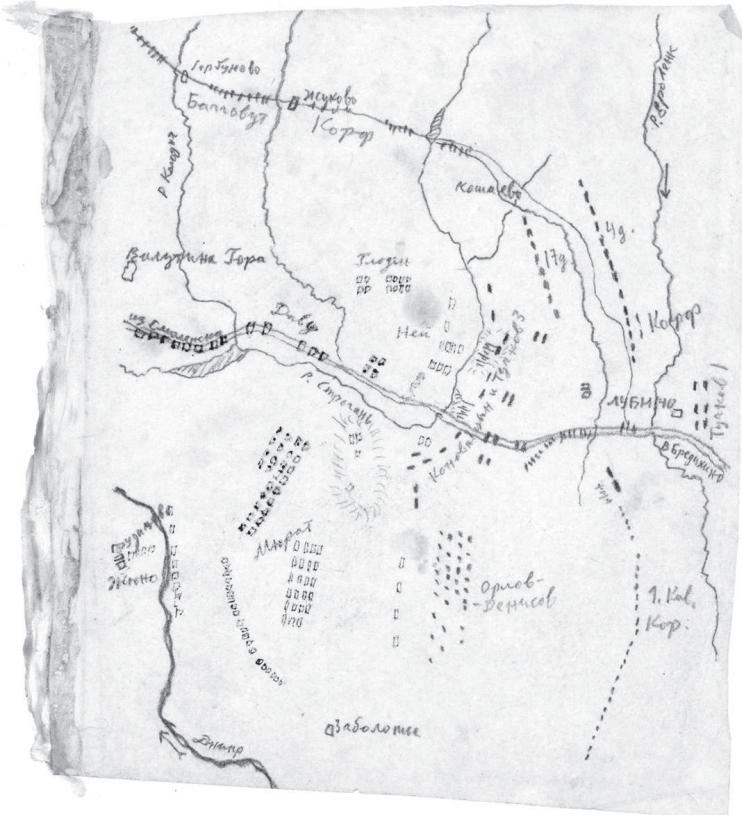
⁸ История Лейб-гренадерского полка. С. 141–144.

⁹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 307.

¹⁰ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 155, 161, 199. Современник и участник войны, он называет войну «отечественной, священной, народной».

¹¹ Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 65–67.

План сражения при Лубине
7 августа 1812 года

Михайловский - Данилевский А.И.
Описание Отечественной войны 1812 г.

А.И. Михайловский-Данилевский.
Описание Отечественной войны 1812 года

леона благодаря подвигу рядовых солдат и офицеров, одним из которых был и майор П.Г. Борзов.

Александр I 25 декабря 1812 года в своем манифесте после изгнания врагов из пределов России обещал построить в Москве храм во имя Христа Спасителя как памятник доблестной победе над нашествием двунадесяти языков. Через 40 лет храм был построен, потом разрушен, ныне возрожден. И теперь, как прежде, на мемориальных досках на стенах храма увековечены имена участников — героев Отечественной войны 1812 года. Среди них имя Петра Гавриловича Борзова — рядового героя, майора Лейб-grenадерского полка¹².

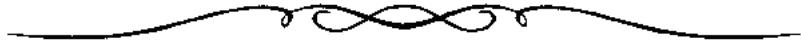
П.Г. Борзов был псковским поместьщиком. После его смерти в Псковской губернии осталось несколько его имений, в том числе и в Островском уезде — сельцо Дубинкино (Дубенкино, даже в просторечии Дубеха), впоследствии называвшееся Борзово. Это было родовое вотчинное имение Сумороцких, которые владели им со временем допетровской Руси. Как свидетельствует А.Т. Болотов, у Василия Степановича Сумороцкого, последнего по мужской линии владельца Дубинкина, сыновей не было. Одна из дочерей, Марья Васильевна, вышла замуж за вдовца Гаврилу Карповича Борзова, отца Петра Гавриловича, и в качестве приданого за неё пошло имение Дубинкино¹³.

Брак был недолгим. Марья Васильевна умерла в 1800 году. Незадолго до смерти она запродала за 26 тысяч рублей все доставшиеся ей от отца имения своему мужу Г.К. Борзову. То были в Островском уезде сельцо Дубинкино с деревнями Абрамово, Боровиково, Гунино, Горбатово, Детково-Рудовице и Глазово; в Псковском уезде — Чернятино, в Печерском — Мешнино и в Опочецком — часть Арапова¹⁴. По-видимому, купчая на деревни Марии Васильевны оформлена была Г.К. Борзовым для того, чтобы эти владения жены полностью впоследствии перешли бы в собственность его детям, а ее пасынку и падчерице. У самой Марии Васильевны детей не было. И после смерти свое-

¹² Мельникова Л.В. Церковные памятники Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года. Материалы XI Всероссийской научной конференции. Бородино. Можайск, 2004. С. 202–208.

¹³ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М. 1993. Т. 1. С. 211–212.

¹⁴ В архивных документах за 1804–1808 годы П.Г. Борзову принадлежат «сельцо его Дубинкино с деревнями». См.: ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4400; Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 407.

го холостого брата Петра Гавриловича владелицей псковских имений становится его сестра Н.Г. Вульф¹⁵, которая тут, в Борзове (так стало называться Дубинкино), скончалась в 1849 году. Ее похоронили на кладбище близлежащего погоста Елины, существующего и по сей день. А от усадьбы Борзово ничего не осталось, и территория ее входит ныне в современную деревню Елины.

¹⁵ Симакина Г.Ф. Н.Г. Вульф и ее имение Борзово // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 28. СПб., 2002. С. 238–242.

Елена Севастьянова

БЕСЦЕННЫЙ СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

*Новые сведения о жизни А.В. Кологрибова,
праправнука Пушкина*

В августе 1968 года ушел из жизни праправнук Пушкина Александр Всееволодович Кологрибов. Ему не было и 52 лет. По воспоминаниям его жены, Нины Ефимовны, он никогда не жаловался на здоровье. А после смерти оказалось, что его сердце, по словам врачей, было совсем изношено. О непростой судьбе замечательного, доброго и светлого человека — эта публикация. Основана она на материале — документах, воспоминаниях и фотографиях, — который мне по электронной почте прислали Андрей Александрович Кологрибов и Ольга Александровна Бунеева, проживающие в Москве сын и дочь Александра Всееволодовича, соответственно оба — потомки Пушкина уже в пятом поколении. Также я использовала присланный мне по электронной почте авторский материал Елены Андреевны Кологрибовой, дочери Андрея Александро-

*Софья Павловна и Всееволод Александрович Кологрибовы.
Январь 1916 года*

вича, прапрапраправнучки Пушкина. При описании фактов и событий я сверялась с изданной в 2009 году книгой Виктора Михайловича Русакова «Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина».

Александр Всееволодович Кологривов — сын Софьи Павловны (урожденной Воронцовой-Вельяминовой), правнучки Пушкина. Родители Софьи Павловны — Наталья Александровна и Павел Аркадьевич Воронцовы-Вельяминовы. Наталья Александровна — старшая дочь Александра Александровича Пушкина, внука поэта.

В январе 1916 года Софья Павловна выходит замуж за отставного офицера Всееволода Александровича Кологривова. Вспомним знаменитые пушкинские строки: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит летописец, то есть знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерифединовы и Товарковы» (ХII, 311). К древнему знатному роду Кологривовых и принадлежал Всееволод Александрович.

Вскоре после свадьбы Всееволод Александрович получил место помощника лесничего в городе Венден (ныне Цесис, Латвия). В Вендене молодые супруги поселились в доме княгини Ливен. Судя по сохранившимся письмам, у Софьи Павловны с княгиней были дружеские отношения.

На почтовой открытке, хранящейся в семейном архиве Кологривовых, в правой части, рукой Софьи Павловны написано: «Въезд к дому князя Ливена и письмо его жены». Текст на открытке гласит: «19 ноября 16 г. Милая София Павловна. Я если не къ сроку, то все таки постараюсь приехать около этого времени, а пока я очень рада, что Вы нашли няню. Целую Вась Н.Л.».

«К сроку» означает — к рождению ребенка. В архиве отдела ЗАГС Цесисского муниципалитета хранится метрическая книга Цесисского православного прихода за 1917 год, и в ней под № 9 имеется запись о рождении 24 декабря (11 декабря по старому стилю) 1916 года Александра Кологривова. Из этого документа следует, что ребенок крещен 11 апреля 1917 года, восприемниками были Михаил Иванович Коньушкович и Вера Павловна Воронцова-Вельяминова¹. Итак, 24 декабря

¹ Информация предоставлена 12 января 2015 года по запросу Е.А. Кологривовой.

19 аю 1916
Санкт-Петербург
Из земли не для счастья,
Но в ее чистоте все
Изображено привлекательно
Всего этого прелестей,
А когда я останусь
Где, это Вам всем
Не скажу. Годы
Роды H. d.

Почтовая открытка. 1916 год

1917

Александр Кологривов с матерью.
1917 год

Софья Павловна Кологривова
с сыновьями — Александром и Олегом

1916 года в городе Венден у Софии Павловны и Всеволода Александровича Кологривовых родился первенец, которого назвали Александром.

Всеволод Александрович рассчитывал уже с лета 1917 года занять место лесничего, но последовавшие исторические события все изменили. Сначала семья была вынуждена бежать из Латвии, спасаясь от немецкой оккупации, в Бобруйск, имение Бавуличи, принадлежавшее отцу Софии Павловны. А позднее Всеволоду Александровичу пришлось покинуть семью. Своего младшего сына Олега, родившегося 1 апреля 1919 года, Всеволод Александрович никогда не видел.

Присягнувший в начале службы, в 1905 году, на верность царю и Отечеству, Всеволод Александрович не счел возможным нарушить клятву. Он оказался в рядах белого движения. В 1920 году был арестован как колчаковец и отправлен в ссылку, сначала в Вятку, а потом в Среднюю Азию. Тюрьма, освобождение, поселение, вновь арест... В июне 1938 года В.А. Кологривова арестовали в третий раз. 25 октя-

Софья Павловна Кологривова с сыновьями. 1927 год

бря 1938 года Всеволод Александрович был расстрелян. В 1959 году посмертно реабилитирован.

«У моих сыновей было страшное детство. Если бы кто-нибудь талантливо описал его, не одно поколение плакало бы над этой книгой...»² — приводит в книге слова Софьи Павловны В.М. Русаков. Виктор Михайлович в своих книгах подробно описывает, какие тяжелейшие испытания выпали на долю Софьи Павловны и ее сыновей³.

Детские дома. Детские колонии, организованные по проекту Макаренко. Голодное детство и отрочество, полное невзгод и лишений, не ожесточили Александра. «Отец был каким-то неисправимым оптимистом»⁴, — пишет Андрей Александрович Кологривов. Фотографии тех лет — тому подтверждение.

² Русаков В.М. Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. Сельцо Михайловское; Псков, 2009. С. 216.

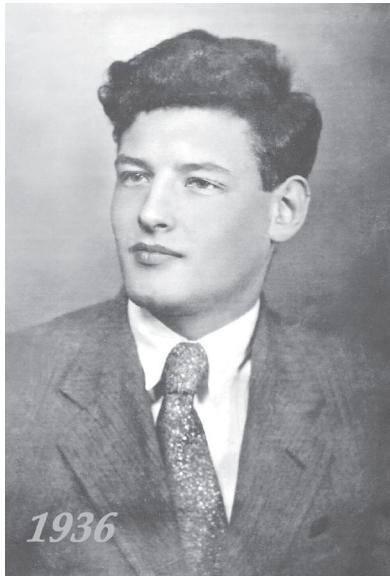
³ Там же. С. 211–219.

⁴ Из письма А.А. Кологривова от 17 января 2020 года.

1935

1935 год

Александр Кологривов.
1936 год

Коллективная фотография потомков А.С. Пушкина в газете «Правда». 9 февраля 1937 года

В 1937 году, в год 100-летия со дня смерти поэта, Александр стал студентом Московского педагогического института, факультета русского языка и литературы.

«100-летний юбилей со дня смерти А.С. Пушкина отмечался широко, — пишет в своей книге «Дети и внуки Пушкина» праправнук поэта Георгий Александрович Галин. — Дожившие в России до этого юбилея трое внуков поэта и другие его потомки были приглашены на торжественное заседание в Большой театр, где присутствовал И.В. Сталин и все политбюро. 9 февраля центральный орган компартии газета «Правда» опубликовала коллективную фотографию двадцати одного прямого потомка поэта»⁵.

Об этом же событии — рассказ со слов Ирины Евгеньевны Гибшман, праправнучки Пушкина, двоюродной сестры Александра Всеоловича: «1937 год запомнился мне памятной поездкой в Москву (из Архангельска. — Е.С.). Тогда отмечалась столетняя годовщина гибели Александра Сергеевича Пушкина. Нас, его потомков, разыскивали по всей стране и пригласили принять участие в торжествах... Я до сих пор хра-

⁵ Галин Г.А. Дети и внуки Пушкина. М., 2009. С. 234.

1941. Окончание института

*Александр Кологривов с однокурсниками — выпускниками
Московского педагогического института. 1941 год*

нию пропуск, билеты и программу тех торжеств... Принимали нас прекрасно. Посланная газетой «Правда» машина проехала по Москве, собрала всех пушкинских потомков и привезла в редакцию. Там нас всех рядышком поставили (а кого и усадили) и сфотографировали⁶.

Александр Всеволодович окончил Московский педагогический институт перед самой войной.

Диплом об окончании института датирован 30 июня 1941 года, а уже в первой половине июля Александр Всеволодович был призван в армию, став курсантом Муромского училища связи.

В октябре 1941 года в звании сержанта он был направлен в 28-ю стрелковую бригаду Центрального фронта. Держал оборону столицы под Истрой, Красной Поляной, Волоколамском.

Потом воевал на Смоленщине. 9 февраля 1942 года в боях под Вязьмой Александр Всеволодович был ранен в левую ногу осколком разорвавшейся мины. Четыре месяца пролежал в госпитале. По окончании

⁶ Егорова Л.В. Пушкин в Архангельске. Архангельск, 2010. С. 119.

Щецин. Два рукава Одера.

Современный спутниковый снимок, на котором просматриваются оба рукава реки, поможет представить условия операции

лечения снова был направлен в Муромское училище связи. Находясь в учебном лагере, спасая курсанта, А.В. Кологризов получил тяжелую травму. И снова госпиталь.

3 апреля 1945 года в звании гвардии младшего лейтенанта Александр Всеволодович был выпущен из Муромского училища связи и направлен на фронт. Буквально через несколько дней ему довелось участвовать в исторической боевой операции — форсировании Одера. Итак, 2-й Белорусский фронт, 65-я армия, 18-й стрелковый корпус, 37-я гвардейская стрелковая дивизия, 53-й отдельный гвардейский батальон связи. Должность — командир телефонно-кабельного взвода.

«В полосе армии Одер протекал по двум основным рукавам — Ост (Восточный) и Вест (Западный). Междуречье (2,5–3 км) заболочено... Ширина Ост-Одера 110–260 м, Вест-Одера 55–170 метров. По берегам реки были сооружены земляные дамбы для защиты междуречья от весенних разливов... При отступлении противник открыл шлюзы, и пойма в междуречье была затоплена на всем ее протяжении... Из множества крупных и мелких населенных пунктов с каменными постройками

на западном берегу Вест-Одера гитлеровцы создали мощные опорные пункты и узлы сопротивления, приспособленные к круговой обороне. Гитлеровское командование еще в январе 1945 года (после прорыва советскими войсками обороны на Висле) спешно приступило к строительству оборонительных рубежей на Одере и Нейсе, чтобы прикрыть берлинское направление»⁷.

В мемуарах генерала Батова, командующего 65-й армией, читаем: «Река лежала внизу, запутанная, подобно головоломке. Два мощных рукава — Ост-Одер и Вест-Одер — шириной от 100 до 240 метров, а между ними огромная трехкилометровая пойма, вся переплетенная бесчисленными протоками, каналами и дамбами… Действовать предстояло в трудных и своеобразных условиях. Капризы Одера в низовьях велики. Подует с моря штормовой ветер — оба рукава соединяются, и создается впечатление, будто река имеет четырехкилометровую ширину»⁸. «Два Днепра, а посередине Припять», — это образное сравнение реки одного из бойцов приводит и П.И. Батов, и командир 354-й стрелковой дивизии, генерал-майор В.Н. Джанджава — в книге «Немеренные версты (записки комдива)».

Форсирование восточного рукава реки началось в ночь на 15 апреля. За сутки боев удалось захватить и удержать в междуречье ряд плацдармов, тем самым обеспечить переправу через Ост-Одер более крупных сил. В районе дамб и разрушенных мостов шоссейной и железной дорог наступление развивалось медленно. Здесь фашисты оборудовали бетонированные огневые сооружения. Они держали под прицелом междуречье, а также корректировали огонь своей артиллерии и удары авиации. Укрыться от яростного огня было практически негде. В болотистой пойме окопы не отроешь. В ходе форсирования Ост-Одера и борьбы за междуречье воины проявляли настоящий героизм.

Форсирование Вест-Одера было запланировано на рассвете 20 апреля. Мемуары генерал-майора В.Н. Джанджавы⁹ дают яркое представление о событиях, предшествующих форсированию Вест-Одера. К исходу дня все было подготовлено к предстоящей операции. Еще до наступления темноты с моря подул холодный северный ветер, сила которого стала

⁷ Батов П.И. Форсирование рек. 1942–1945 годы [Электронный ресурс: http://militera.lib.ru/science/batov_pi2/05.html].

⁸ Батов П.И. В походах и боях [Электронный ресурс: <http://militera.lib.ru/memo/russian/batov/12.html>].

⁹ См.: Джанджава В.Н. Немеренные версты. М., 1989.

быстро нарастать. Особенно тяжело пришлось дивизии, сосредоточенной на правом фланге армии. Уровень воды в Вест-Одере непрерывно повышался. Холодные апрельские воды быстро заливали и без того мокрую, чавкающую под ногами заболоченную пойму. С трудом передви-

гаясь сначала по колено, а потом и по грудь в холодной воде, бойцы привязывали лодки и плоты к деревьям. Дивизионные и полковые связисты спешно поднимали на шесты телефонные провода, устранили повреждения на линиях. Артиллеристы, минометчики с помощью пехотинцев старались как можно быстрее погрузить в лодки и плоты приготовленные к бою снаряды и мины. К часу ночи уровень воды на пойме достиг почти метровой высоты. Уже в третьем часу ночи штормовой ветер неожиданно стих, и вода в пойме стала быстро убывать...

Наградной лист А.В. Кологрикова

Служил в 100-м стрелковом полку 1-й стрелковой дивизии 8-го армейского корпуса в должности начальника телеграфной станции в городе Баденвилье. 25 апреля 1945 г. в районе Баденвилье в результате артобстрела из 152-мм гаубиц врага был ранен в левую руку. Врачами было оказано медицинское обеспечение, и раненый вернулся в расположение полка. 26 апреля 1945 г. в районе Баденвилье в результате артобстрела из 152-мм гаубиц врага был ранен в правую руку. Врачами было оказано медицинское обеспечение, и раненый вернулся в расположение полка. 27 апреля 1945 г. в районе Баденвилье в результате артобстрела из 152-мм гаубиц врага был ранен в правую руку. Врачами было оказано медицинское обеспечение, и раненый вернулся в расположение полка. 28 апреля 1945 г. в районе Баденвилье в результате артобстрела из 152-мм гаубиц врага был ранен в правую руку. Врачами было оказано медицинское обеспечение, и раненый вернулся в расположение полка. 29 апреля 1945 г. в районе Баденвилье в результате артобстрела из 152-мм гаубиц врага был ранен в правую руку. Врачами было оказано медицинское обеспечение, и раненый вернулся в расположение полка. 30 апреля 1945 г. в районе Баденвилье в результате артобстрела из 152-мм гаубиц врага был ранен в правую руку. Врачами было оказано медицинское обеспечение, и раненый вернулся в расположение полка. 31 апреля 1945 г. в районе Баденвилье в результате артобстрела из 152-мм гаубиц врага был ранен в правую руку. Врачами было оказано медицинское обеспечение, и раненый вернулся в расположение полка.

А в 6.30, на рассвете, началась операция по форсированию западного рукава Одера...

Насколько сложной оказалась задача, поставленная перед телефонно-кабельным взводом и его командиром, Александром Всееволдовичем Кологривовым, при форсировании Ост-Одера и Вест-Одера и как достойно она была выполнена, ярко свидетельствует документ — наградной лист.

В разделе «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг» читаем:

«Тов. Кологривов составом своего взвода 15.4.45 г. навел кабельную линию через реку Остодер в район рощи «Огурец» (восточный берег Вест-Одера. — Е.С.), в течение 5 суток держал бесперебойную связь с разведгруппой и, несмотря на постоянный обстрел противника, не допустил перерывов в работе связи.

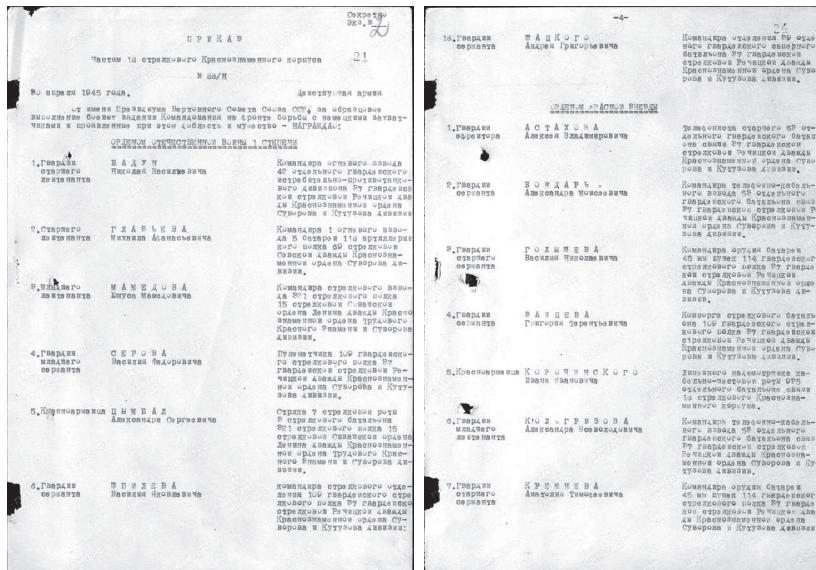
20.4.45 г. с началом артиллерийского наступления т. Кологривов с боевыми порядками пехоты форсировал реку Вестодер, продолжил на водку оси связи в район кирпичного завода, доставил весь резерв имущества связи, тем самым обеспечил выполнение задачи по непрерывному управлению боевыми операциями командованию дивизии».

Кстати, в главе «Форсирование Вест-Одера» генерал Батов пишет, что особенно ожесточенные бои разгорелись за опорный пункт в районе кирпичного завода.

Добавлю еще один эпизод, перенесенный из книги А.А. Кологривова «Вера и Честь»: «Поздним вечером лодка отчалила от берега и направилась в темноту. Бойцы осторожно разматывали кабель. Примерно три четверти пути им удалось преодолеть, не замеченными неприятелем. Но тут неожиданно кончился кабель. Кто-то, видимо, ошибся в расчетах. В лодке был запасной кабель, но его надо было соединить с уже проложенным. В темноте это сделать не удавалось. Пришлось зажечь фонарь. И тогда, несмотря на все старания бойцов, лодка была обнаружена неприятелем. Ее начали обстреливать. Одному Богу известно, как при этом им удалось подсоединить кабель и добраться до вражеского берега невредимыми»¹⁰.

Наградной лист по электронной почте мне прислала Ольга Александровна Бунеева, дочь Александра Всееволдовича. Значительно поз-

¹⁰ Кологривов А.А. Вера и Честь. История рода Кологривовых. М., 2000. С. 43.

Приказ о награждении

же, в ходе исследования, я нашла этот документ на портале «Память народа»¹¹.

В поисках материалов я совершенно случайно наткнулась на любопытную информацию на сайте «Российской газеты» о том, что командармы и командующие фронтами предпочитали подписывать документы не перьевой ручкой, а шестигранными цветными карандашами из набора «Тактика», так как перо плохо скользило по грубой бумаге, а чернила расплывались. Поэтому на документах можно рассмотреть подпись того или иного военачальника, сделанную красным или синим карандашом, реже — зеленым или черным¹². Вот такая любопытная деталь. Не знаю, из какого набора были карандаши у командования 37-й гвардейской стрелковой дивизии, но подпись командира 53-го отдельного гвардейского батальона связи гвардии майора Новикова выполнена синим

¹¹ Портал «Память народа» [Электронный ресурс: <https://pamyat-naroda.su/awards/29283883>].

¹² Экштут С. Порядок награждения уравнивал генерала и рядового // Российская газета. Родина (спецвыпуск). 2020. № 520 (8147). Май [Электронный ресурс: <https://rg.ru/2020/04/30/rodina-ordeneskaya-planka.html>].

Журнал боевых действий 37-й гвардейской стрелковой Речицкой дивизии

карандашом, а начальника связи 37-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии майора Скурихина — красным.

Обратите внимание, документ подписан 22 апреля 1945 года, а 30 апреля датируется Приказ частям 18-го стрелкового Краснознаменного корпуса¹³:

«От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество — награждаю...

Орденом Красной Звезды

Гвардии младшего лейтенанта

Кологривова Александра Всеволодовича

Командира телефонно-кабельного взвода 53-го отдельного гвардейского батальона связи 37-й гвардейской стрелковой Речицкой дважды Краснознаменной ордена Суворова и Кутузова дивизии».

¹³ Портал «Память народа» [Электронный ресурс: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie29283883/?static_hash=c467ccc4fdf84fa3cc55b3a3cfa81f05].

Приказ подписан командиром 18-го стрелкового Краснознаменного корпуса генерал-лейтенантом Н.Е. Чуваковым.

На Интернет-портале «Память народа» я обнаружила и Журнал боевых действий 37-й гвардейской стрелковой дивизии¹⁴.

На страницах журнала — обозначенные задачи, их выполнение и самые скорбные строки — о потерях в личном составе.

П.И. Батов в книге «В походах и боях» рассказал о встрече с Монтгомери вскоре после Дня Победы: «Мы стояли в строю, а командующий вел английского фельдмаршала, знакомя с людьми. Остановившись против меня, Рокоссовский сказал: «Вот генерал, армия которого открыла нам ворота через Одер»... Англичане после Ла-Манша считали себя не-превзойденными мастерами форсирования водных преград. Но они понимали, что такое Одер под Щецином...»¹⁵

А.В. Кологривов был одним из тех героев, кто «открыл ворота через Одер»...

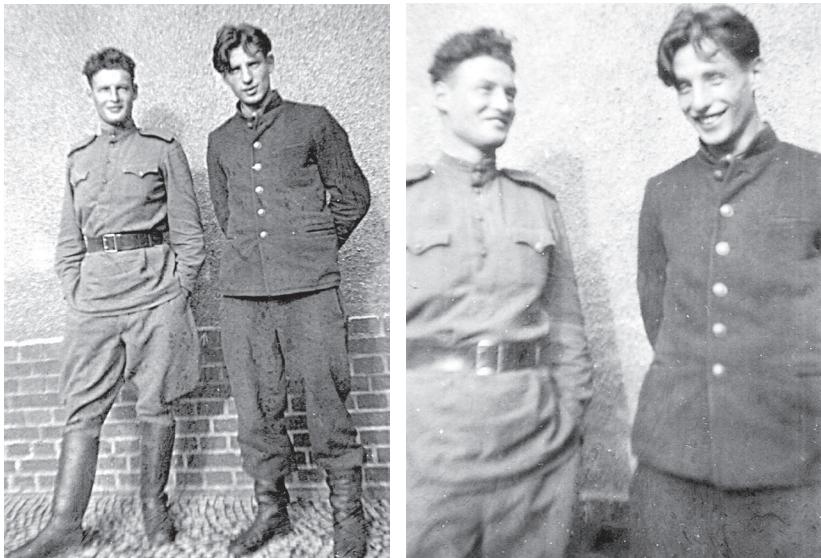
По словам сына Александра Всеволодовича, отец не любил рассказывать о тяготах военной жизни. Но в памяти сохранилось одно очень важное воспоминание, оно относится к тому времени, когда Андрей Александрович был уже почти взрослым:

«Пошли мы с папой в кино. Это был английский фильм о Второй мировой войне под названием «Ключ». Сюжет фильма опустим. Только обозначим, что главный герой, выполнив опасное задание, вопреки всему, остается жив и здоров. На меня этот фильм произвел очень сильное впечатление. А папа, когда мы вышли из кинотеатра и возвращались домой, сказал, что фильм очень правдиво описывает войну в смысле психологическом, и ему приходилось бывать в таких ситуациях, когда мало шансов выжить, и люди в таких ситуациях иногда меняются до неузнаваемости, вплоть до того, что теряют человеческий облик. Осуждая таких людей, папа утверждал, что ни при каких обстоятельствах нельзя терять веру в благополучный исход событий. «Надо всегда вести себя так, как будто впереди еще долгая жизнь», — уверенно говорил он. Такое отношение к жизни помогло пережить ему ужасы войны»¹⁶.

¹⁴ Портал «Память народа» [Электронный ресурс: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110000135&static_hash=c467ccc4fdf84fa3cc55b3a3cfa81f05].

¹⁵ Батов П.И. В походах и боях [Электронный ресурс: <https://litvek.com/book-read/359949-kniga-pavel-ivanovich-batov-v-pohodah-i-boyah-chitat-online?p=164>].

¹⁶ Из письма А.А. Кологривова от 17 января 2020 года.

Александр и Олег Кологривовы. Берлин. 1945 год

9 мая 1945 года Александр Всеволодович был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Долгожданную Победу Александр Всеволодович встретил в Берлине. В октябре 1945 года, будучи сильным пловцом, он принял участие в соревнованиях по плаванию среди бойцов Первого и Второго Белорусских фронтов. Услышав по радио объявление-команду «Приготовиться Кологривову», он пошел на старт и... столкнулся с братом, Олегом Всеволодовичем Кологривовым. Брат тоже воспринял команду «Приготовиться Кологривову», как к себе обращенную. Можно только догадываться, какое чувство испытали братья. Война разлучила их почти на четыре года. Но фронтовые дороги вели их в одном направлении — на Берлин. И надо же — такая счастливая встреча.

Как замечательно, что фотограф запечатлел этот момент: встреча, Берлин, Победа. Оба молодые, задорные, счастливые...

Война закончилась, но демобилизовался Александр Всеволодович лишь в конце августа 1946 года. Приехав в Москву и не застав дома Софью Павловну, написал на листочке бумаги: «Милая мама! Сейчас

А.В. Кологриков.
1946 год

С супругой Ниной Ефимовной.
1949 год

Милая мама !
сейчас приду. Поменя-
емся и поговорим
вдвоем с Трофеем .
Саша.

Записка А.В. Кологрикова матери. 1946 год

1950

У памятника Пушкину.
1950 год

С сыном Андреем.
1954 год

С дочерью Ольгой. 1968 год

1963

Лыжная прогулка. 1963 год

1966

Игра в бадминтон. 1966 год

приду. Пошел немного пополоскаться в бане с дороги. Саша»¹⁷. Так началась мирная жизнь праправнука Пушкина.

В 1948 году Александр Всеволодович женился на Нине Ефимовне Будченко. В 1949 году родился сын Андрей, в 1961-м — дочь Ольга.

После войны Александр Всеволодович работал на Всесоюзном радио. Работая в редакции по вопросам сельского хозяйства, он часто бывал в командировках по стране, в разных республиках. Потом были различные международные редакции: китайская, монгольская, африканская. Затем он перешел в редакцию «Родина» (так назывался отдел радиовещания на русском языке на многие зарубежные страны).

По свидетельству писателя, драматурга А.А. Шемшурина, Александр Всеволодович был исключительным, профессионально редким редактором. «Я удивлялся его редакторской чуткости и деликатности. Он никогда не подменял автора... Его радиоочки отличало внимание к людям, умение понять их мысли и чувства, в общении высказать сердечную отзывчивость»¹⁸.

¹⁷ Из семейного архива Кологривовых.

¹⁸ Воспоминания друзей и коллег приведены в письме А.А. Кологривова от 17 января 2020 года.

1963

Байдарочный поход. 1963 год

Друг А.В. Кологривова Д.Л. Добрусин вспоминал: «Человек увлекающийся, многогранный, он был классическим образцом спортсмена». Лыжные прогулки, теннис, бадминтон, байдарочные походы...

Работа на Всесоюзном радио — интересная и ответственная — подарила Александру Всеволодовичу знакомство и общение с известными, выдающимися людьми: с И.С. Козловским, И.Л. Андрониковым, с гитаристом А.М. Ивановым-Крамским, с художником Борисом Шаляпиным, сыном Федора Шаляпина, с художником-декоратором Николаем Бенуа.

В августе 1968 года Александр Всеволодович получил приглашение от детей Ф.И. Шаляпина — жившей в Москве Ирины Федоровны и приехавших из-за рубежа Лидии Федоровны и Бориса Федоровича — поехать вместе с ними в Ленинград и в Михайловское. Александр Всеволодович планировал подготовить радиопередачу о детях знаменитого певца. Он успел взять интервью только у Бориса Федоровича. Не состоялась и поездка в Михайловское. 24 августа в Ленинграде Александр Всеволодович скоропостижно скончался.

На девятый день после смерти Александра Всеволодовича его вдове и сыну позвонила И.Ф. Шаляпина. По причине нездоровья она не могла приехать к Кологривовым и попросила их приехать в этот день к ней. Приехал к Ирине Федоровне на поминальный обед и Иван Семенович Козловский.

Несколько фотографий 1960-х годов запечатлели Александра Всеволодовича в Михайловском.

Одна из фотографий (не совсем четкая, но от этого не менее ценная) засвидетельствовала встречу потомков поэта в Пушкинском Заповеднике. А.А. Кологривов пишет: «Фотография сделана во время посещения

На аллее Керн.
1960-е годы

У флигеля.
1960-е годы

На повозке. Июль 1965 года

A.B. Кологризов берет интервью у С.С. Гейченко

Михайловского Георгием Михайловичем Воронцовым-Вельяминовым (праправнуком Пушкина, приехавшим из Франции). На ней изображены слева направо: моя мама Нина Ефимовна Кологрирова, Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов, Татьяна Николаевна Галина (правнучка Пушкина), жена Георгия Михайловича Тамара Васильевна, отец Александр Всеволодович Кологризов (именно он правит лошадью) и Семен Степанович Гейченко»¹⁹.

Мы с Андреем Александровичем Кологризовым долго размышляли, когда была сделана эта фотография. Я перелистала газетные подшивки за несколько лет — в надежде установить дату. А ответ был, как всегда, у Виктора Михайловича Русакова: «В июле 1965 года в Государственном музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское» он (Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов) встретился с Татьяной Николаевной Галиной, двоюродной тетей, и другими советскими потомками поэта»²⁰.

¹⁹ Из письма А.А. Кологрирова от 9 мая 2017 года.

²⁰ Русаков В.М. Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. С. 325.

Домовой Пушкинских мест

Года два назад я в социальных сетях поставил вопрос, связанный с необычной популярностью Пушкинского заповедника в Михайловском. Читатель, очевидно, помнил диспут о "народной тропе и проселочной дороге". Разговор велился о том, что через тур уж много сдается в заповеднике народу. Сейчас, как сущто вопрос решен в пользу "тропы" — тропы по которой идут тысячи людей к Пушкину.

Действительно, в наши дни Михайловское стало несвойской литературтуркой Межней.

А происходило ли вам задумываться над тем, почему именно Михайловское из всех пушкинских мест обладает такой притягательной силой? Ведь есть и Болдине, и Кипшине и целый ряд других уголков, связанных с целой эпохой жизни Пушкина.

Тот кто был хоть раз в Михайловском — знает почему.

Идете ли вы под липами знаменитой аллеи Керн, склоните ли у заросшего белыми лилиями Генрихслова пруда, или забиритесь на Свекскую горку, чтобы окунуть глазом мир лугов за Серебрятыми постоянно смыкающими нозирю пристрастиями Пушкина. Часто кажется, что вот сейчас помрет он из-за поворота дороги, размежевая тяжелой келезной тростью...

Это не выдуманный образ. Это действительно так. Летом минувшего года я приехал в Михайловское на Праздник поэзии. На Большой поляне, что называется, не было где поболтать. Под

ко. Словом, линии повели в другом месте, хоть это и стоило инженерам много хлопот. *Она же изображение ограждающей земли Пушкина*

Когда я по последний раз уезжал из Михайловского и зашел прощаться с Семеном Степановичем, он сидел на берэнде своего дома. За его спиной, как изображение языческого божества Ярилы, висел огромный деревянный диск. Это был срез с пня легендарной ели-матери. На лавке, сворнулся клубком огромный пушинский кот.

— Тот самый, ученик, — мелькнуло в голове. — А вот и царь... Она висела на бревенчатой стене, старинная тяжелая цепь, пушкинских времен. Её Рейченко обнаружил недавно в своих беспредоступных поисках. Очевидно, поиски эти были удачны и Семен Степанович довольно уныбался. В этот момент он был как никогда похож на доброго домового пушкинских мест, *доброго и юного*.

*Книгоуправитель Аничково-Касимовское
Садово-Озинский 27 № 238*

*К 50318 год
К 362850*

*A.B. Кологривов
с братом Олегом Всеволодовичем
и сыном Андреем. Май 1968 года*

балова пруда или забираетесь на Савкину горку, чтобы окинуть глазом ширь лугов за Соротью — вы постоянно ощущаете незримое присутствие Пушкина. Часто кажется, что вот сейчас появится он из-за поворота дороги, размахивая тяжелой железной тростью...»²¹

Нинель Шахова, известная ведущая советского телевидения, в своей книге «Люди моего «Времени» так вспоминала об А.В. Кологривове: «Александр Кологривов — правнук Пушкина по женской линии. Был очень похож на Александра Сергеевича и, конечно, гордился своей родословной. Ну, а мы гордились нашим Сашей. Я никогда не видела Александра Всеволодовича в унынии, неприятности он встречал тоже

Очень дорожат в семье Кологривовых фотографий, на которой Александр Всеволодович берет интервью у Семена Степановича Гейченко. В семейном архиве сохранился и текст радиопередачи «Домовой пушкинских мест». Приведу лишь короткий фрагмент текста этогоadioочерка:

«...в наши дни Михайловское стало настоящей литературной Меккой.

А приходилось ли вам задумываться над тем, почему именно Михайловское обладает такой притягательной силой?.. Тот, кто был хоть раз в Михайловском, — знает почему.

Идете ли вы под липами знаменитой аллеи Керн, сидите ли вы у заросшего белыми лилиями Ганни-

²¹ Текст radioочерка (с названием, авторской правкой и подписью) прислан А.А. Кологривовым 9 мая 2017 года.

по-мужски, не подавая виду. А вот радовался шумно, так что вся наша «территория» знала о Сашиной удаче».

«После войны именно Саша был душой нашей компании, — вновь цитирую я Давида Добрусина. — Он успевал сделать для друзей все: находил дачи, устраивал чаепития, праздничные застолья. Всех, бывало, сдружит, обласкает. Его отличали редкостное бескорыстие, хлебосольство, способность сделать так, чтобы всем было хорошо. И все он делал без усилий, легко, с полной самоотдачей...»

Нина Ефимовна Кологривова вспоминала, что И.Л. Андроников, собираясь на Пушкинский праздник поэзии в Михайловское, попросил билет и место в гостинице вместе с Кологривовым: «он жизнерадостный человек и никогда не даст пасть духом».

И последняя фотография. 1968 год. Олег Всеволодович, Александр Всеволодович и Андрей Александрович Кологривовы на празднике Победы в Измайловском парке. Там, по воспоминаниям Андрея Александровича, среди других был плакат «Пушкины — сыны России».

На фотографии — май 1968-го, а в августе, напомню, Александр Всеволодович скоропостижно скончался. Человек с щедрым сердцем, которое к концу совсем короткой жизни оказалось совершенно изношенным.

Елена Ступина

МЕЛЬНИЦА, КОТОРУЮ ПОСТРОИЛ ПОМЕЩИК ИВАН ОСИПОВ

История в казенных письмах

Здесь при Пушкине была водяная мельница.

*Надпись на камне на правом берегу
речки Луговки в деревне Бугрово*

В начале 2020 года выпуском сборника статей «Хлебом царствуем!» завершился грантовый проект Пушкинского Заповедника «Хлебное место». Грантополучатели сделали акцент на недавнем прошлом мельниц Пушкиногорья, и единственная статья, посвященная общей истории водяной мельницы в Бугрове, принадлежала В.Ю. Козмину. Из нее можно понять, что новых сведений о «пушкинском» периоде существования этой мельницы со временем публикации «мельничного» (№ 7) выпуска «Михайловской пушкинианы» не прибавилось, и современным исследователям так и не удалось понять, чем руководствовался С.С. Гейченко, ставя поныне существующий валун с надписью «Здесь при Пушки-

*Камень с надписью о том, что на этом месте при Пушкине
стояла мельница в деревне Бугрово. 1979 год. ПЗ-КП-17217 / Нег-5027*

не была водяная мельница» на правом берегу Луговки. Несколько лет спустя за валуном появился макет водяной мельницы и двор мельника с музейной экспозицией, открытой в 1986 году. Завершая свой детальный обзор новых сведений о водяных мельницах в Бугрове конца XIX — первой половины XX века, В.Ю. Козмин пишет: «Откуда Семен Степанович узнал о точном месте пушкинской мельницы в Бугрове, история умалчивает... Пока...»¹

Занимаясь историей Святогорского монастыря, мы довольно часто встречали в документах Государственного архива Псковской области (ГАПО) отметки С.С. Гейченко в листах использования документов фонда 328 (Святогорского монастыря). И на вопрос В.Ю. Козмина эти отметки позволяют ответить.

Напомним вкратце историю восстановления нынешней музейной мельницы. В 2000 году вышел 7-й выпуск «Михайловской пушкинины», в котором был опубликован ряд документов из ГАПО о постройке в 1802 году «города Пскова третьей гильдии купцом Иваном Фадеевым сыном Евертсом» монастырской мельницы в Бугрове на левом берегу речки Луговки. Эти документы легли в основу новой концепции музея в Бугрове, предполагавшей восстановление действующей мельницы и дома мельника на новом (относительно музея 1986 года) месте и воссоздание типологической крестьянской усадьбы на месте двора мельника музея времен С.С. Гейченко. В 2007 году восстановленную мельницу и новый музейный комплекс торжественно открыли. Новый объект вошел в путеводитель «Весь Пушкинский Заповедник» под названием «Литературно-этнографический комплекс Бугрово». О восстановленной мельнице там говорится, что она «вновь стала на своем первоначальном месте». Однако следовало бы сказать — на месте постройки 1802 года. Потому что, как убедительно показал В.Ю. Козмин, мельница при деревне Бугрово за свою историю не раз меняла место, находясь то выше, то ниже по течению Луговки, меняя берега. Где стояла самая первая мельница, сведений нет. А вот о том, где стояла мельница при Пушкине и почему С.С. Гейченко так уверенно определил место для музея, наше сообщение.

Оговоримся сразу, что специально историей мельницы мы, как и Семен Степанович, не занимались. С.С. Гейченко, судя по отметкам в

¹ Козмин В.Ю. К истории мельничного места в деревне Бугрово // «Хлебом царствуем!»: материалы проекта Пушкинского Заповедника «Хлебное место». Сельцо Михайловское, 2020. С. 82.

Мельница в деревне Бугрово. Фото М.И. Семенова.
1980-е годы. ПЗ-КП-11021 / Нег-6929

Усадьба мельника в деревне Бугрово. Фото М.И. Семенова.
Конец 1980-х годов. ПЗ-КП-11008 / Нег-6916

листиах использования, интересовал ряд вопросов, связанных со строительством в монастыре по новому плану, организацией крестных ходов, имуществом монастыря, а также многое другое². Нас в монастырских документах 1821 года интересовали следы «необстоятельного описания» Святогорского монастыря авторства игумена Ионы, вместо которого, как известно, архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский Евгений (Болховитинов) написал свое, «обстоятельнейшее», опубликованное им в Дерпте в том же 1821 году³.

Ряд указов Псковской духовной консистории и черновых «репортов» игумена Ионы, проясняющих историю бугровской мельницы пушкинского времени, был, так сказать, побочным продуктом⁴. Эти документы практически не требуют комментария и приводятся почти полностью, с адаптацией орфографии и пунктуации к современным требованиям. Мы лишь выстроили документы в хронологическом порядке.

I.

Господину высокопреосвященнейшему Евгению Архиепископу Псковскому,

Лифляндскому и Курляндскому и разных орденов кавалеру.

Святогорского монастыря от игумена Ионы с братиею

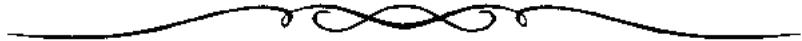
Покорнейший рапорт.

Сим доносим вашему Высокопреосвященству о том, что опочецкой помещик статской советник и кавалер Иван Сафонович Осипов от содержания впредь монастырской казенной мельницы по ветхости ея отказывается, и мы охочих содержателей отыскивали, но не могли отыскать, а самим содержать неудобно и невыгодно, да и суммы может употребиться немалое количество, для коей на подруб потребно лесу немалое число

² Отметки С.С. Гейченко в цитируемых ниже документах (Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 328. Оп. 1. Д. 91, 95, 96) датированы 6 августа 1954 года.

³ *Иоанн, игумен. Свято-Успенский Святогорский мужской монастырь Псковской епархии.* М., 2003. С. 131.

⁴ Возможно, следует пояснить, что информация из монастыря к начальству (в тот момент архиепископу Псковскому, Лифляндскому и Курляндскому Евгению (Болховитинову) доносилась в виде «репортов» (ср. совр. «рапорт»). Обратная связь осуществлялась через указы Псковской духовной консистории с «прописанием» резолюции архиепископа. Копии цитируемых документов сданы в научный архив Пушкинского Заповедника.

и прочаго, и мастера за работу дорого требуют, да притом же и в монастыре в нынешнее лето начнутся работы⁵. То и не до мельницы будет, в прочем же ныне в окружности монастыря построено много и ветряных мельниц, по той причине и охочих содержателей не отыскать, а как помянутой помещик Осипов, естли благоугодно будет вашему Высокопреосвященству приказать вновь ея перестроить ему Осипову, потому что у него имеются свои мастера, и лес; которой и объявил нам, что для святой обители может взяться вновь перестроить своим материалом и своим[и] рабочим[и], на другой стороне, где оная мельница прежде стояла, равно же и плотину выше поднять и прочнее сделать и молоть на монастырь сколько для онаго потребно будет, но с тем токмо условием, чтоб ему Осипову содержать помянутую мельницу без платы в монастырь оброка, на десять лет, которая плата прежде от него получалась по 50 руб. в год, о чём и просил отнестишь вашему Высокопреосвященству не по медля, дабы он Осипов мог приготовить и пригнать по воды [так!] на помянутое строение, леса, валы и прочее, и в нынешнюю весну начать перестраивать означенную мельницу: о чём донеся вашему Высокопреосвященству на благорассмотрение, сим покорнейше просим снабдить нас по вышеозначенному предмету указным предписанием марта 16 дня 1821-го года⁶.

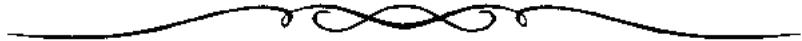
2.

(Помета вверху листа) № 10 Получ. Апреля 16-го дня 1821 года

Указ Его Императорского Величества самодержца всероссийского, из Псковской Духовной Консистории, Святогорского монастыря игумени Ионе с братиесю. По указу Его Императорского Величества Псковская Духовная Консистория, слушав рапорт ваш, в коем, изъясняя, что опочецкий помещик статский советник и кавалер Иван Осипов от содержания впредь монастырской казенной мельницы, по ветхости ее, отказывается, а вы содержать ее сами почтаете не выгодным, ибо нужно ее перестроить, и на то употребить немалое количество суммы и ма-

⁵ Напомним, что в 1821 году в Святогорском монастыре надстраивалась третьим ярусом колокольня, а также планировалась перестройка монастырских зданий по новому плану, утвержденному архиепископом Евгением в 1820 году. См.: *Иоанн, игумен. Свято-Успенский Святогорский мужской монастырь Псковской епархии.* С. 114–115.

⁶ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 96. Л. 8.

териалов, которые нужны для других построек; а как помянутый помещик Осипов согласен перестроить сию мельницу своими мастерами и материалом, токмо на другом месте, и поднять плотину выше, с тем, чтобы ему Осипову сию мельницу содержать без оброку, коего с него получалось в год по 50 руб., чрез десять лет, а токмо все нужное для монастыря обмалывать; то и просите вы на дозволение таковое отдать вам мельницу помянутому помещику Осипову на прописанном условии, дабы он в настоящее время мог приготовить материал и начать ее перестраивать, снабдить вас предписанием. На котором репорте марта 2 [вторая цифра даты ушла в переплет] дня Его высокопреосвященство резолюциою повелеть изволил: «Консистории не помедля рассмотреть». И по учиненной справке приказали, и его Высокопреосвященство утвердил: вам Игумену Ионе с братиею на прописанном вами условиях помещику Ивану Осипову монастырскую мельницу отдать дозволить, с тем, дабы она по прошествии срочного времени отдана была в монастырь по-надлежащему во всей исправности, так, как ныне им Осиповым перестроена будет, о чем вам Игумену Ионе с братиею послать указ, и, велев написать вчерне на прописанных кондициях контракт, представить оный вчерне его Высокопреосвященству на рассмотрение. Апреля 4 Дня 1821 года⁷.

3.

(Копия чернового контракта на содержание мельницы)

1821-го года Мая 15 дня в силу насланного из Псковской Духовной Консистории минувшаго апреля от 4 числа за № 485-м Указа с позволением отдать из выстройки в содержание о двух поставах водянную Мельницу принадлежащую Святогорскому монастырю, находящуюся в Новоржевском [так!] уезде на речке Луговке при деревне Бугровой, опочецкий помещик статский советник Иван Сафонов сын Осипов дал сей контракт Святогорскому монастырю в том, что:

1-е Монастырь отдал ему Осипову помянутую свою мельницу в полное его распоряжение и владение от вышеписанного числа впредь на десять лет [бесплатно — затерто, поверх вписано:] с платою

2-е Я Осипов принимая право на десятилетнее содержание сей мельницы, обязуюсь по крайней ея ветхости построить вместо оной совершенно новую мельницу на правом берегу той речки, о двух же поста-

⁷ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 95. Л. 27–27 об.

вах, каковыя и прежде были, со всею к ней принадлежностию и мельничными снарядами, и покрыть тесом в два ряда, а плотину возвысить и устроить прочно и порядочно как следует, и подле оной мельницы вновь построить же избу, какая была и прежде, для помольщиков приезжающих и мельника, также двор около избы, и все принадлежащия к оному материалы, вещи и рабочия люди, также и все починки, могущие быть в продолжении десяти лет, я Осипов принимаю на себя и на своею в оном ответственность;

3-е Со дня заключения сего контракта до времени истечения оного я Осипов должен молоть всякой хлеб, присыпаемой из Святогорского монастыря, не требуя за то ни малейшей платы, но чтобы хлеб сей принадлежал собственно Монастырю, а не постороннему какому лицу; в таком случае должен оный присыпаем быть на мельницу при записке, подписанной самим игуменом;

4-е Рыба, какая есть и будет в запруде, вся без изъятия принадлежит Монастырю с братиесю, и дабы никто без позволения, подписанного самим игуменом, не мог оную ловить, я Осипов принимаю на себя содержать для того караул;

5-е Все ветхости старой мельницы остаются в пользу Осипова;

6-е Если я Осипов по принятии Мельницы сей на прописанных условиях окажусь в чем-либо неисправен, то Монастырь волен без суда отказать мне от содержания мельницы и произвестить иск на мне об устроении на мой щет в сей Мельницы [так!] по прописанным условиям;

7-е По исправном же устроении и десятилетнем содержании на основании моего обязательства мельницы, я Осипов обязуюсь означенную мельницу во всей исправности со всеми снарядами, избою и двором по описи сдать в монастырское владение;

8-е Во всяком противном случае ответствую моей собственностию;

9-е Но без усмотрения моей неисправности Монастырю ту мельницу до показанного срока от меня Осипова не отбирать и в другие руки никому не отдавать, в чем и дал я Осипов монастырю сей контракт за моим подписанием, и когда оный Епархиальным начальством утвержден будет, то мне Осипову явить и записать его у Маклерских дел на гербовой бумаге, а по записании подлинный отдать в Монастырь, а с оного получить мне копию за скрепою игумена с братиесю⁸.

⁸ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 95. Л. 41–41 об.

4.

Его высокопреосвященству

Высокопреосвященнейшему Евгению Архиепископу Псковскому,

Лифляндскому и Курляндскому и разных Орденов Кавалеру

Святогорского монастыря от игумена Ионы с братиею

Покорнейший Репорт.

В силу полученного из Псковской Духовной Консистории сего года минувшаго апреля от 4-го дня за № 485-м Указа, коим по резолюции Вашего Высокопреосвященства велено, по условию опочецкому помешчику Ивану Осипову монастырскую мельнице отдать, и написать [по смыслу надо: написав] вчерне на кондитиях контракт, представить оный Вашему Высокопреосвященству на рассмотрение, сим покорнейше Вашему Высокопреосвященству честь имеем донести, что на отдачу [в — пропущено] десятилетнее содержание монастырской мельницы с помянутым помещиком Иваном Осиповым вчерне контракт учинен, который Вашему Высокопреосвященству на благорассмотрение покорнейше при сем представляем Майя 22-го дня 1821 года⁹.

5.

(Помета вверху листа) № 16-й. Получ.: июня 27 дня 1821-го года

Указ Его Императорского Величества самодержца всероссийского, из Псковской Духовной Консистории, Святогорского монастыря игумену Ионы [так!] с братиею. По указу Его Императорского Величества Псковская Духовная Консистория, слушав резолюцию Его высокопреосвященства Евгения Архиепископа Псковского, Лифляндского и Курляндского и кавалера, последовавшую сего июня 9 числа на рапорте вашем с представлением, на основании посланного из консистории к вам сего 1821 года Апреля от 4 дня за № 485-го указа на рассмотрение черноваго контракта на отдачу помещику Ивану Осипову монастырской мельницы в десятилетнее содержание, на изъясненных в том контракте условиях, в коей резолюции изображено: «Копию с присланного контракта препроводить к игумену для заключения с тем, чтобы положена была и денежная ежегодная плата хотя малая». Приказали: «С прописанием оной Его высокопреосвященства резолюции и с приложением копии с черноваго поправленного контракта к надлежащему исполнению

⁹ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 96. Л. 12.

к вам настоятелю игумену Ионе с братиес послать указ. Июня 17 дня 1821 года¹⁰.

6.

Во Псковскую Духовную Консисторию
Святогорского монастыря от игумена Ионы с братиес
Репорт о получении указа.

Его Императорскаго Величества из Псковской Духовной Консистории Указ сего июня от 17-го дня за № 986-м с приложением копии с черноваго поправленнаго Контракта, об отдаче опочецкому помещику Ивану Осипову онаго монастыря мельницы в десятилетнее содержание, на изъясненных в том контракте условиях, и чтобы положена была и денежная ежегодная плата, и о прочем, сего ж июня 27 дня мною игумен [так!] с братиес получен, и по оному указу исполнение учинено быть имеет; о чём оной духовной Консистории сим благопочтенно и репортую. Июля 14-го дня 1821-го года¹¹.

7.

(Помета вверху листа) № 37-й Получ: декабря 8 дня 1821-го года

Указ Его Императорскаго Величества самодержца всероссийскаго из Псковской Духовной Консистории, Святогорского монастыря игумену Ионе. По Указу Его Императорскаго Величества Псковская Духовная Консистория, слушав репорт ваш Святогорского монастыря игумена Ионы с предоставлением на рассмотрение заключенного с помещиком статским советником Иванов Осиповым Контракта, на отдачу ему принадлежащей оному Монастырю мучной водяной мельницы в десятилетнее владение на изъясненных в том Контракте условиях и с приложением писанного к вам Игумену от означенного помещика Осипова письма, почему он не согласен на принятие шестаго пункта, изъясненного в черновом исправленном Его Высокопреосвященством Евгением Архиепископом Псковским, Лифляндским и Курляндским и Кавалером Контракте, а ныне им Осиповым тот пункт переправлен в другом содержании. На котором репорте сего Ноября 18-го числа резолюцею Его Высокопреосвященства изображено: «Консистории немедля рассмотреть», и по учиненной справке ПРИКАЗАЛИ: и Его Высокопреосвя-

¹⁰ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 95. Л. 40—40 об.

¹¹ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 96. Л. 15 об.

щенство утвердил, поелику представленный вами игуменом Ионою при оном репорте Контракт, заключенный с помещиком Иваном Осиповым и ныне уже переписанный на гербовой бумаге, токмо еще не явленный нигде у Маклера, по освидетельствовании Консисториою оказался сходным против черноваго исправленнаго и имеющагося в оной прибавке токмо с некоторою отменою в 6-м пункте, но и в оном ничего противнаго не заключается, — то и обратить оный Контракт к вам настоятелю Святогорского монастыря игумену Ионе для заявления где следует и исполнения по оному. Ноября 29 Дня 1821 года¹².

Окончание этой истории следует искать в монастырских делах 1822 года. Но и приведенные документы говорят о серьезности намерений Ивана Сафоновича Осипова, и, надо думать, мельница была построена на правом берегу речки Луговки, как указано в контракте, и не просто изба рядом с мельницей, а со двором — так что С.С. Гейченко знал, что делал, когда создавал свой музей в Бугрове в 1986 году.

Отметим, что наличие у Осипова мастеров и материала для перестройки мельницы в 1821 году почти наверняка связано с тем, что именно около этого времени перестраивалось под жилое помещение здание полотняной фабрики в Тригорском (или строился новый дом на месте фабричного здания), и тоже стараниями Ивана Сафоновича. Во всяком случае в опубликованных С.В. Березкиной воспоминаниях А.Н. Вульфа в записи М.И. Семевского указано: «Дом пытались отстроить в 1821 или в 1822 году»¹³. Авторы Исторической записки к проекту реставрации Георгиевской церкви пишут (правда, без ссылок на документы) о ремонте этой церкви в 1822 году¹⁴, тоже, возможно, при содействии Ивана Сафоновича. А продажа Осиповым монастырю в 1823 году двухсот пятидесяти четвертей «для новаго каменнааго строения извести распущеной» за 625 рублей¹⁵, возможно, связана с окончанием собственного

¹² ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 95. Л. 87–87 об.

¹³ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское: Биографические исследования и заметки о Пушкине / вступ. ст., сост. и примеч. С.В. Березкиной. СПб., 2008. С. 255.

¹⁴ Научный архив Пушкинского Заповедника. Планы и чертежи. № 1033. Л. 7–8. (Псковский институт «Псковпроектреставрация». ТЭО-проект реставрации (воссоздания) церкви Святого Великомученика Георгия Победоносца. Псков, 1999. Научный руководитель проекта В.Е. Никитин. С. 5–6.)

¹⁵ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 4855. Л. 13 об.

строительства в Тригорском. Деньги — два раза по 100 рублей в 1823 и в следующем, 1824 году, получала П.А. Осипова, причем в приходно-расходной книге 1824 года она уже записана как вдова¹⁶.

Отметим, что стоимость строительства новой мельницы у Осипова в три раза ниже, чем у строившего предыдущую мельницы мастера Евертса. Кстати, недовольство епархиального начальства тогда вызвала именно завышенная смета строительства.

Подведем итоги.

Первое: Семен Степанович устраивал музей в Бугрове на месте, где мельница с избой и двором для мельника и приезжих помольщиков стояла в пушкинское время. Строительство их он приписал А.М. Вынedomскому¹⁷, как нам кажется, по художественным законам, обобщая и создавая собирательный образ просвещенного помещика — хозяина Тригорского. Возможно, выписок он не делал, в каком именно деле видел нужные сведения — забыл, но суть помнил твердо. А может быть, не сообщал о документальном источнике из любви к мистификациям — намеренно оставляя различных ученых мужей в недоумении.

Второе. Делать мельницу действующей С.С. Гейченко и не стал пытаться, потому что понимал, что плотина и мельница ветшают очень быстро, а постоянно просить о помощи в ремонте различные организации, видимо, счел нецелесообразным. Просматривая дела монастырского архива, он не мог не видеть, что выстроенная в 1802 году мельница уже через 15 лет показана в ведомостях ветхой¹⁸. Документ, на основании которого исследователи Псковского института «Спецпроектре-

¹⁶ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 4857. Л. 15 об. «[1824] Июля 4. Опочецкой Помещицы Прасковьи Осиповой за купленную у покойного мужа ея Осипова извести 250-ти четвертей в щет выдано 100 руб.».

¹⁷ Гейченко С.С. Пушкиногорье. М., 1981. С. 57.

¹⁸ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 91. Л. 7. «Ведомость третьекласного Святогорского монастыря за 1818-й год. [...] мельница отдана с оброку опочецкой помещице госпожи Осиповой за 50-т рублей в год с дозволения вышней каманды (приписка вверху строки) которая от времени ветха»; ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 91. Л. 33. «Ведомость третьекласного Святогорского монастыря за 1819-й год. [...] мельница отдана с оброку опочецкой помещице госпожи Осиповой за 50-т рублей в год с дозволения вышней каманды, которая мельница от времени ветха (приписка вверху строки: опрушилась (?). В листе использования запись С.С. Гейченко от 6 августа 1954 года: «Для научной работы. Просмотрел документы, выписок или копий не делал».

№	Расходы некр. надной Монастырской Суммы 1819 года	Приносящие	Сумма
15.	Заплачено въ Колорговскій Монастырь Соленои, за купленную для разны Монастырских расходов Соль, за одиннадцать чубук бражущихъ по фунду рудамъ	Мранопорть	568-
	Итого заплачено три рубли.		23.
	Апреля.		
25.	Куплено въ Орловской помщица Ивана Сафоновича Логодина Осипова для посвоя и находки лошади Сто пятидесять сестерокъ Кафтанъ по восемь рублей		190.
	Былъ итого заплачено Сто восемьдесят рублей.		
	Сто двадцать рублей получено Екатериной Софиии и княжевъ Иванъ Осиповъ.		

Расписка И.С. Осипова в расходной книге Святогорского монастыря 1819 года. Государственный архив Псковской области (ГАПО).

Ф. 328. Оп. 1. Д. 93. Л. 69 об.

ставрация» сделали ошибочный вывод¹⁹, что договор с П.А. Осиповой, заключенный в 1813 году, действовал до 1824-го, ясно говорит, что долг в 350 рублей насчитывается «за содержание по контракту однаго, а за 6-ть годов без контракта за каждой по 50 руб. не получено 350»²⁰. Т. е. за 1817 год хозяйка Тригорского действительно должна была заплатить 50 руб. по контракту, а далее контракт не продлевался, мельница обветшала, Прасковья Александровна вышла замуж за И.С. Осипова и они какое-то время жили в Петербурге, а когда вернулись, мельница «уж развалилась». Соответственно, неверно и заключение исследователей, что мельница обветшала только к 1829–1835 годам. В целом по статье «История мельницы в деревне Бугрово» создается впечатление, что построенная в 1802 году мельница проработала почти 75 лет с одним капитальным ремонтом, что совершенно не соответствует действитель-

¹⁹ Емелина О.В. История мельницы в деревне Бугрово // Михайловская пушкиниана. Вып. 7. М., 2000. С. 13.

²⁰ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 21. Л. 1. Как нам кажется, этот подсчет якобы долга П.А. Осиповой за 7 лет, сделанный игуменом Ионою в октябре 1824 года, уже после смерти И.С. Осипова — это попытка не выплачивать оставшиеся 425 рублей за известь, свести дело к взаимозачету.

ности, и С.С. Гейченко это хорошо знал. И почел за благо ограничиться макетом мельницы и экспозицией в доме и дворе мельника.

И третья. Архивные документы хоть немного, но открывают нам человека, о котором мы регулярно упоминаем в экскурсиях, но знаем о нем чрезвычайно мало. Отставной чиновник почтового ведомства, статский советник, муж П.А. Осиповой и отец Александры, Марии и Екатерины Осиповых — вот и вся информация о нем. В справочнике Л.А. Черейского Ивана Сафоновича нет. В Пушкинской энциклопедии «Михайловское» упоминание о нем сводится к вышеперечисленным сведениям. Подробнее, со ссылкой на формулярный список²¹, пишет об Осипове А.М. Гордин в своем классическом труде «Пушкин в Михайловском»²². Теперь же мы видим Ивана Сафоновича заботли-

²¹ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 1289. 1811 год. Оп. 16. Ед. хр. 153 Л. 38, 39, 39 об. Но в настоящее время ф. 1289 ЦГИА – это АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНИЕ А. ИЛЬИНА» (1859–1918). ПЕТЕРГОРД. 1859–1918.

²² Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 85–86. Приводим здесь эту информацию: «Еще в конце 1817 года Прасковья Александровна после четырех лет вдовства вышла замуж за статского советника Ивана Сафоновича Осипова. Ивану Сафоновичу было тогда 44 года. Он происходил из служилых провинциальных дворян. Начал службу, как известует из его формулярного списка, в 1788 году пятнадцати лет копиистом Палаты уголовного суда Смоленского наместничества. В 1796 году перевелся в Санкт-Петербургский почтамт, где прослужил более двадцати лет. Шаг за шагом продвигаясь по служебной лестнице, к 36 годам имел чин надворного советника, а в отставку вышел статским. Чиновник добросовестный и умный, он «обратил на себя внимание начальства». В 1809 году был награжден «во внимание к особым трудам, положенным им при составлении положения об образе отправления почт». Материальные дела его были не блестящи – жил только на жалованье, земли и крепостных не имел. Первая жена, урожденная Поплавкина, умерла рано, оставив ему малолетнюю дочь, которую он сам растил, сумел дать ей хорошее воспитание, обучив, как полагалось, и французскому языку и игре на фортепиано. Прасковья Александровна встретилась с Осиповым в одну из поездок в Петербург у кого-то из своих родных или общих знакомых. Он понравился ей. Она увидела в нем человека серьезного, положительного, с основательным жизненным опытом и немалым чином. Такой человек мог быть ей опорой, разделить с нею заботы о хозяйстве и о семье. И она согласилась на брак. Иван Сафонович с дочерью Александрой (Алиной, как ее обычно называли), которой в то время шел двенадцатый год, приехал в Тригорское. Пушкин, вероятно, видел Ивана Сафоновича, когда Прасковья Александровна

ным хозяином, блюдущим не только свою выгоду, но и «святой обители» готовым у служить.

В приходно-расходной книге Свято-Горского монастыря за 1819 год сохранился его автограф — расписка в получении 23 апреля 120 рублей²³ за проданный монастырю овес. Жаль, что упоминаемое в последнем указе Консистории письмо Осипова к игумену Ионе, «почему он не согласен на принятие шестаго пункта», отсутствует среди дел 1821 года. Зато имеется другое, в делах 1819 года, свидетельствующее, помимо прочего, что весной 1819 года Осипов находился в Тригорском и лето собирался провести там же. Это значит, что летом этого года Пушкин просто не мог с ним не познакомиться.

В сопровождающем документе жанр текста определен как донос, но по современным понятиям это, скорее, жалоба. Жалоба на священника Георгиевской церкви Корнилия Иванова, приоткрывающая кусочек «домашней» жизни обитателей Тригорского:

[И. С. Осипов — архиепископу Евгению]

Преосвященнейший владыко,
милостивый Архипастырь.

Опочецкаго уезда в пригородке Ворониче, находится церковь во имя святаго великомученика и победоносца Георгия. Прихожане оной большею частию крестьяне жены моей, коих число ныне налицо более 600 душ. Люди сии, весьма часто приходят ко мне с жалобами на священника помянутой церкви Корнилия, делающаго им во всяком случае разные притеснения и обиды. По долгу более христианскому нежели по обязанности помещика на защиту крестьян я старался отклонять таковые жалобы всевозможными наставлениями на снисхождение к слабостям Священника, но чем более сие со стороны крестьян исполняемо было, тем менее Священник Корнилий делал к нуждам их уважение. Я не стану говорить о всех тех поступках его Корнилия противных закону и церкви, о коих уведомляют меня люди посторонние; строгое со стороны духовнаго правительства исследование, само собою открыть может все неприличные его сану действия, опишу токмо то, чему я был личным свидетелем, и вот оно:

с мужем в начале 1818 года приезжали в Петербург. Теперь имел возможность познакомиться с ним ближе».

²³ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 93. Л. 69 об.

1) в субботу Лазареву²⁴ по вечери, пригласил я отца Корнылия отслужить у меня в доме утреню недели цветной. Грех сказать чтобы он неохотно согласился на сие предложение, но грешно и умолчать что он до такой степени был пьян, что читал Евангелие не то, которое принадлежит неделе цветной, а которое читаемо бывает в пяток 9-й недели на Литургии, и по окончании всей службы на вопрос мой об оном отвечал с неудовольствием: все равно слово Божие.

2) на другой день Пасхи, по установленному порядку пришел он Корнылий со крестом и хоругвями в церковь Воскресения Христа, где совершал обедню преподобный Иона Игумен Святогорский. Он, то есть Священник Корнылий, во время сие столько был пьян, что когда начали служить собором молебен, то он излишним и ненужным пением своим остановил было настоящую службу, а наконец когда преподобный Иона дал ему приметить худое его положение, тогда он пение свое пресек и до чтения еще Евангелия пошел неровными шагами к престолу, взял [с него] Крест, и возвратясь к собору держал оный перед Игуменом качаясь на ногах как обыкновенно с пьяными бывает.

3) На третий день Пасхи, он же Корнылий следовал с иконами и хоругвями в Святогорский монастырь. На возвратном оттуда пути с таковою же духовною церемонией, будучи пьян ударил отставного солдата Никифора Павлова несшаго на блуде святую воду; тот спросил его о причине дерзости, а он замахнулся с повторением, сие возродило общую драку и Корнылий получил от солдата две оплеухи.

4) в Субботу Великой недели, призвал я его Корнылия к себе, дабы он окрестил новорожденного и слабого младенца, он и сие исполнил в таком пьяном образе, что, во-первых, ушиб младенца о купель, а во-вторых, отдавая его восприемнице, уронил к ней на руки.

Вот все, что могу я свидетельствовать пред вашим Преосвященством, о поведении Священника Корнылия. Я не сомневаюсь, что свидетельство мое подкрепится свидетельством многих и быть может раскроются и все прочия его Корнылия бесчинства; на сей конец прошу вас, милостивый Архипастырь, приказать кому следует произвести по предмету сему надлежащее исследование, и мне при оном находится дозволить; поелику присутствие мое при том остано-

²⁴ Пасха в 1819 году была 6 апреля. Соответственно, Лазарева суббота — 29 марта, Вербное воскресенье — 30 марта.

вит всякое лицеприятие, и даст делу ход колико поспешный, толико и справедливый.

С глубочайшим благоговением честь имею быть
Вашего Преосвященства
покорнейшим слугою
Иван Осипов
Статский Советник и кавалер

19 апреля 1819
село Тригорское»²⁵.

Копия этой жалобы была приложена к указу Псковской духовной консистории от 7 мая 1819 года, полученному в обители 14 мая и предписывающему игумену Ионе немедленно «с понятыми на месте произвестъ следствие и сверх того о поведении священника учинить в приходе повальный обыск и все то немедленно представить»²⁶.

Чем дело кончилось, неизвестно, но конфликт, похоже, затянулся. Видимо, в отместку в конце мая 1819 года о. Корнилий написал в Консисторию доношение о том, что «кого прихода сельца Тригорского Параскева Вульфова живет ныне с статским советником Иваном Осиповым вместе, а венчаны ли они где, неизвестно...»²⁷ Как пишет далее Н.С. Новиков, в исповедных росписях Георгиевской церкви И.С. Осипов не отмечен, нет записи в метрических книгах Георгиевской церкви и о его смерти. Зная о его сложных отношениях с о. Корнилием, можно предположить, что исповедовался и причащался он в Святогорском монастыре, где записей не велось, и отпевали его, скорее всего, тоже там.

По этому письму можно понять, что Иван Сафонович был человеком набожным, хорошо знал порядок и текст служб, участвовал в крестных ходах (в п. 3 он излагает события крестного хода на третий день Пасхи из Георгиевской церкви в Святогорский монастырь и обратно как очевидец). Сознает он и свою обязанность как помешника защищать интересы крестьян, в то же время стараясь смягчить их не-

²⁵ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 92. Л. 28–29. Вверху листа помета: Копия.

²⁶ Там же. Л. 27–27 об.

²⁷ Новиков Н.С. «...Две обязанности, из которых каждая почти выше сил женщины» // Михайловская пушкиниана. Вып. 44. Сельцо Михайловское, 2007. С. 92.

довольство приходским священником. Готов он участвовать в разбирательстве дела, чтобы добиться справедливого решения (и именно поэтому мы думаем, что лето он собирался проводить в Тригорском — такого рода дела велись весьма неспешно, одна переписка с Консисторией занимала месяцы). И невольно думается, что «смиренный грешник Дмитрий Ларин, Господний раб и бригадир» (а чин статского советника в штатской службе соответствует чину бригадира в военной) — вобрал в себя отчасти черты характера Ивана Осипова²⁸.

²⁸ В «Евгении Онегине» (гл. 2, XXXV) о семье Лариных:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им кvas как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

Наталья Виноградова

ИНФРАСТРУКТУРА ПОСЕЛКА ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ В ГОДЫ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

*По документам управления Пушкиногорского района
периода временной немецко-фашистской оккупации*

Период немецко-фашистской оккупации поселка Пушкинские Горы продолжался ровно три года — с 12 июля 1941 года по 12 июля 1944 года. В акте Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками, от 23 июня 1945 года отмечено: «...по Пушкиногорскому району — расстреляно 463 мирных граждан, повешен 1, умерло после истязаний и пыток 16 и погибло военнопленных 114 человек, всего за период временной оккупации по району погибло 594 человека. Кроме того, поименными списками установлен угон на каторжные работы 685 человек».

В 2019 году был открыт допуск к ранее закрытым материалам, хранящимся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО), — документам периода временной фашистской оккупации на территории Пушкиногорского района Псковской области.

Это шесть дел — списки жителей деревень Белогульской и Загрязьевской волостей за 1943 год, алфавитный список жителей деревень Белогульской и Загрязьевской волостей за 1943 год, списки жителей поселка Пушкинские Горы и станции Тригорское на 25 января 1944 года, сведения о выдаче паспортов по деревням Загрязьевской волости за 1943 год (указаны главы хозяйств без отчеств)¹.

Георгий Алексеевич Бакусов, житель Пушкинских Гор, участник партизанского движения, в своей книге «В лесах за Соротью»² писал, что в 1943 году в Пушкинских Горах появилась тайная полевая полиция. Он приводит аббревиатуру на русском языке: ТПП. В оккупационных документах она значится в немецкой транскрипции: ГФП (от Geheime Feldpolizei [гехайме фельдполицай]). Тайная полевая полиция занималась розыском коммунистов и комсомольцев при активном участии и

¹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-1598. Оп. 1. Д. 1–6.

² Бакусов Г.А. В лесах за Соротью: документальная повесть. Л., 1988. С. 292–296.

728.

Дир. Котельников

номер поселка	номер дома	название и единица измерения	расход											
			приход			расход			расход			расход		
			количество	цена	рубль к.									
1	1	СОДЕРЖАНИЕ ЗАПИСИ	100	рубль к.	100	15	рубль к.	15	18	рубль к.	18	64	рубль к.	64
2	1	Иванов Гавриил Ильин.	1938											
2	1	Серебренев Михаил Фёдорович.	1906											
2	3	Хорубинец Андрей Егоров.	1913											
3	4	Косягинцев Антонина Николаевна.	1933											
3	1	Иванов Григорий Ильин.	1903											
3	5	Савинова Агафья Гавриловна.	1902											
3	6	Савинова Агафья Гавриловна.	1902											
3	7	Иванов Алексей Григорьевич.	1924											
4	8	Иванов Евгений Григорьевич.	1939											
4	1	Иванов Тимофей Григорьевич.	1879											
4	9	Иванова Анна Васильевна.	1905											
4	10	Савинова Анна Васильевна.	1905											
5	11	Савинов Игорь Ильин.	1932											
5	12	Савинова Галина Ильин.	1936											
5	13	Савинов Виктор Ильин.	1940											
5	14	Анисимов Константин Ильин.	1897											
6	1	Иванова Ольга Сергеевна.	1904											
6	15	Иванова Ольга Сергеевна.	1904											
6	16	Гаврилова Мария Ильин.	1888											
6	17	Васильев Януш Гаврилович.	1929											
6	18	Иванова Рафаэльская Валентина Васильевна.	1938											
6	19	Иванова Евгения Ильин.	1941											
6	20	Иванов Пётр Андреевич.	1922											

Герб санитара в углу строки

Страница из Журнала описи жителей Пушкиногорского района.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-1598. On. 1. Д. 2

помощи советских коллаборационистов, пошедших на службу к немцам.

Еще одной задачей ГФП была борьба с партизанами. К 1943 году партизанское движение в Пушкиногорском районе активизировалось, поэтому в поселок была направлена группа ГФП. Для выявления партизан и коммунистов был необходим учет населения. Была устроена перепись населения, все жители получили паспорта. Документы этой переписи и составляют оккупационный архив.

К сожалению, списки жителей района не полные и ограничиваются только Загрязьевской и Белогульской волостями. Списки сформированы по семьям, номерам домов, с указанием возраста и возрастной категории жителей. На полях имеются пометки о выбытии — в концлагерь, в Германию, по смерти...

После переписи населения на дверях каждого дома должен был висеть список жильцов. Если при проверке полиции в доме находился кто-то посторонний — он подвергался аресту для выяснения личности.

С П Р А В КА

376

дана настоящая гр-ну Никонорову Мирону/ в том,
что он снят с учета по дер. Алексино Позолотинской
вол., и переведен в д. Катьянково Загрязьевской
волости Пушкинского района.

г. Начальник района:

Bacunay

Справка о снятии с учета.
ГАПО Ф Р-1598 Оп. 1 Л 5

Велся строгий паспортный контроль. Паспорта выдавались главам домов на всех жильцов.

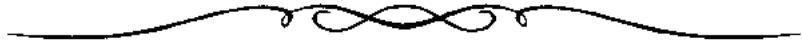
При переезде выдавались справки для регистрации на новом месте.

При утере паспорта писалось заявление на выдачу нового паспорта с объяснением причины утраты.

Выработано трудодней			
Наименование работы	Сроки, сколько	Пачки, сколько	Подпись бригадира
Бурение скважин на газ	15.05.2015 - 16.05.2015	1 пачка	Константин
отбор газа	16.05.2015	1 пачка	Михаил
заг. Hedged	19.05.	1 пачка	Михаил
заг. Баков	20.05.2015	1 пачка	Константин
Задание			
Бурение скважин на газ	16.05.2015 - 17.05.2015	1 пачка	Константин
заг. Баков	17.05.2015	1 пачка	Михаил
заг. Баков	18.05.2015	1 пачка	Михаил
заг. Баков	19.05.2015	1 пачка	Михаил
заг. Баков	20.05.2015	1 пачка	Михаил
заг. Баков	21.05.2015	1 пачка	Михаил
заг. Баков	22.05.2015	1 пачка	Михаил
заг. Баков	23.05.2015	1 пачка	Михаил
заг. Баков	24.05.2015	1 пачка	Михаил
заг. Баков	25.05.2015	1 пачка	Михаил

Заявление о выдаче нового паспорта взамен утраченного.

ГАПОУ ФР-1598 On 1 П 5

Самыми полными среди списков жителей Пушкиногорского района являются сведения о численности жителей поселка Пушкинские Горы³. В документе содержатся ценные сведения о численности жителей поселка Пушкинские Горы в период временной немецко-фашистской оккупации, их занятиях, инфраструктуре поселка, предприятиях, которые работали.

На первом листе дается общая статистика.

Всего значится: 956 человек.

Из других мест	487 (210 мужчин, 277 женщин)
Народилось	10 (2 муж., 8 жен.)
Умерло	11 (7 муж., 4 жен.)
Выбыло в другие места	211 (81 муж., 130 жен.)
Всего состоит на учете	1 231 (487 муж., 744 жен.)
Беженцев	67 (33 муж., 34 жен.)

Нет указания, за какой период берутся цифры о родившихся, умерших, выбывших в другие места (отправлены на работу в Германию, в концлагерь). Не совпадают цифры общего количества жителей (956) и состоящих на учете (1 231). Подсчеты по журналу подтверждают цифру — 1 231 житель.

В документе указаны возрастные категории жителей.

До 14 лет	366 (177 муж., 189 жен.)
15–17 лет	87 (37 муж., 50 жен.)
18–60 лет	634 (216 муж., 418 жен.)
от 60–70 лет	99 (40 муж., 59 жен.)
Свыше 70 лет	45 (17 муж., 28 жен.)
Трудоспособных от 14 до 65 лет	780 (286 муж., 494 жен.)

Из статистики видно, что преобладает трудоспособная категория от 18 до 60 лет. Женщин почти в два раза больше мужчин.

³ ГАПО. Ф. Р-1598. Оп. 1. Д. 6. Списки жителей поселка Пушкинские Горы и станции «Тригорская» на 25 января 1944 года. Материалы управления Пушкиногорского района периода временной немецко-фашистской оккупации.

Сбор сведений и составление списков производили старосты улиц, или, как они значатся в документе, — уполномоченные. Списки представлены по каждой улице отдельно. Некоторые журналы подписаны уполномоченными по улицам. Всего 13 журналов. Из названий журналов видно, что улицы оккупационными властями не переименовывались.

1. Пушкинская 1 улица	257 жителей
2. Пушкинская 2 улица	110 жителей
3. Тоболенская улица	183 жителя
4. Почтовая улица	135 жителей
5. Станция «Тригорская»	110 жителей
6. Новоржевская улица	105 жителей
7. Лесная улица	85 жителей
8. Первомайская улица	11 жителей
9. Кооперативная улица	63 жителя
10. Горная улица	27 жителей
11. Гончарная улица	52 жителя
12. Школьный парк	31 житель
13. Заозерная и Садовая улицы	63 жителя

По всей вероятности, даже уполномоченные по улицам не до конца понимали административную систему новой власти — ввиду неграмотности или по еще каким-то причинам. Об этом свидетельствует, например, различное именование одного и того же учреждения. Так, в разделе «Работа» вместо «Районная управа» или «Городская управа» появляются названия: «в русской конторе», «гражданская комендатура», искаются названия подразделений. В частности, местное боевое подразделение ЕКА записывается в разных транскрипциях — ЭКА, ОКА, О.К.Е.К.А. Встречаются аббревиатуры, по которым сейчас сложно определить полное название, — ЦТО, ОК, ЭК.

Списки жителей сформированы по домам — семьями, проживающими вместе, и оформлены в журнал по десяти графам: номер дома, фамилия/имя/отчество, год рождения, место рождения, семейное положение, профессия, где и кем работает в настоящее время, когда и откуда прибыл в Пушкинские Горы, трудоспособность (да/нет), сколько иждивенцев.

Используя данные журналов, можно говорить об инфраструктуре поселка Пушкинские Горы на январь 1944 года — какие организации и предприятия работали, чем было занято местное население.

В первый же день немецко-фашистской оккупации повсеместно был расклеен приказ: «Приказываю всем жителям Пушкинских Гор в трехдневный срок зарегистрироваться в управе и гестапо. За неисполнение — расстрел»⁴. Работать обязано было все население — в организациях, на предприятиях, на дому или на общественных работах. Незанятых трудоспособных граждан угоняли на работу в Германию.

Основными военно-административными подразделениями службы поддержания порядка в «военной» зоне оккупации были комендатуры (*Kommandanturen*). В Пушкинских Горах комендатура располагалась в здании средней школы.

В функции комендатур входило осуществление административного управления на оккупированной территории, организация борьбы с партизанами, назначение старост и бургомистров, организация вспомогательной полиции и гражданских административных учреждений, которые в дальнейшем подчинялись комендатурам и действовали по их указаниям.

В военной комендатуре Пушкинских Гор согласно спискам работали и пушкиногорцы. Конечно, на обслуживающих должностях — плотник, уборщица, печник, кухонный рабочий, повар, офицант, столяр, конюх; но были и более «интеллектуальные» должности — писарь, телефонист, переводчица.

В первые дни оккупации из числа пособников из местного населения было организовано так называемое местное боевое подразделение (*Einwohnerkampfabteilung, EKA*), выполнявшее различные полицейские задачи (вооруженная борьба с партизанами, проведение репрессивных мер по отношению к населению, охрана объектов и коммуникаций, содействие оккупантам в проведении карательных мероприятий). Согласно спискам населения, в ЕКА служило 20 человек, в том числе начальник полиции и десятник.

ГФП, или тайная полевая полиция, тоже расположилась в здании школы. Из пушкиногорцев в ГФП работало четыре человека, в основном на кухне.

⁴ Бакусов Г.А. В лесах за Соротью. С. 42.

Из переписи видно, что в Пушкинских Горах на это время находилась военно-пересыльная часть. Из местных жителей на службе были только уборщицы.

В хозяйственной комендатуре на работе были как специалисты разных направлений (сельское хозяйство, строительство, питание), так и подсобные рабочие: переводчик — 3 человека, бухгалтер — 3 человека, чернорабочий — 3 человека, кладовщик — 2 человека, грузчик, маляр, работник — 5 человек, на складе — 3 человека, заведующий складом, уборщица — 4 человека, пчеловод, счетовод, младший повар, сторож, специалист по заготовкам, конюх, агроном — 2 человека, плотник — 2 человека, столяр — 2 человека, писарь, продавец, кузнец, сторож, инженер, 31 работник без указания должности. От хозяйственной комендатуры работал также гончарный завод, где числились гончар и 7 чернорабочих.

ОТ — встречающаяся в документе аббревиатура, которая может обозначать отдел труда или отдел транспорта. На это указывают появляющиеся полные названия — «Управление труда», где на службе числился переводчик и 2 сотрудника, и «Дорожный отдел» (записан местом работы у одного из пушкиногорцев). Штат ОТ состоял из дорожного рабочего, счетовода, шести уборщиц, кладовщика, кухарки, двух работников, механика, автомеханика, тракториста, шофера, столяра, кухонного рабочего и 13 чернорабочих.

В Пушкинских Горах были организованы гражданские административные учреждения, местная администрация среднего и низшего звена — районная и городская управы.

В обязанности районной управы входили: сбор налогов с населения, постоянный учет местного населения, беженцев, переселенцев, а также учет наличия земли, зерна, скота; материальное обеспечение немецких воинских частей; распределение рабочей силы для нужд немецкой армии.

ТERRITORIALLY RAYON Dелился на волости. Во главе волости стоял бургомистр. В районную управу входили бургомистры волостей и городской конторы, переводчик, машинистка, три бухгалтера, три рабочих садоводства, сторож, статист, работник без указания должности, волостные писари. В каждой деревне был уполномоченный, или староста, который так же подчинялся районной управе. По воспоминаниям А.Д. Малиновского, при управе были созданы отделы — земельный, следственный, финансовый, но в описи жителей указаний на это нет.

При управе также была создана так называемая «служба порядка», или, проще говоря, отдел полиции — по два-три полицая на волость. Штат гражданской полиции состоял из начальника и шести полицейских.

Штат городской управы поселка Пушкинские Горы включал начальника управы, инструктора народного образования, машинистку, двух кладовщиков, помощника кладовщика, двух уборщиц, чернорабочего, уполномоченных улицами, уполномоченного крестьянства, извозчика, дворника, трубочиста и семерых работников без указания должности. При управе действовала столовая, где числились повар, заведующий кухней и три рабочих.

Работали в Пушкинских Горах организации и предприятия — конечно, не на благо местных жителей, а на материальное и продовольственное обеспечение немецких воинских частей, а также на обеспечение нужд немецкой армии рабочей силой (повинность на общественных работах, на строительстве оборонительных сооружений).

Здравоохранение поселка Пушкинские Горы было представлено Пушкиногорской больницей (заведующий, врач, медичка, дворник, дезинфектор, пять санитаров, два кухонных рабочих, два фармацевта, кладовщик, прачка, медицинская сестра, два работника без указания должности). Работала аптека и военная медицинская часть.

Несмотря на то, что в городской управе Пушкинских Гор была введена должность инструктора народного образования и работала Пушкиногорская школа, из 453 детей в возрасте до 17 лет согласно спискам учащимися числятся только 21, да и учителей только двое. Профессиональное обучение охватывало шесть подмастерьев у сапожников и портных. Работала библиотека, в которой значился один библиотекарь. По воспоминаниям А.Д. Малиновского, в первые же дни существования районной управы были выпущены приказы о сдаче и уничтожении старых учебников⁵.

В Пушкинских Горах работали предприятия питания и пищевой промышленности: мельница (располагалась на улице Заозерной, работали мельник и работник), Пушкиногорская хлебопекарня (два пекаря, шесть чернорабочих), хлебный ларек (продавец, уборщица, рабочий), хлебный магазин (продавец, два подсобных рабочих), маслозавод (мастер, бухгалтер, восемь чернорабочих).

⁵ См.: Малиновский А.Д. Подпольщики Пушкинских Гор. Л., 1983.

Из производственных предприятий в поселке работала Пушкиногорская образцовая кузница (4 кузнеца и рабочий) и управление завода «Подкрестье» (2 работника).

Во время оккупации продолжали работать баня и водокачка, где числились заведующий баней, кочегар, три работника без указания должности и уборщица. Однако местным жителям бaney пользоваться было запрещено.

Железнодорожная линия Псков — Полоцк после бомбёжек при взятии Пушкинских Гор была разрушена и не функционировала в период оккупации, но на железнодорожной станции «Тригорская» числился сторож и 4 работника. Возможно, она использовалась как складское помещение.

Продолжались богослужения в Казанской церкви, где значились священник, церковный староста, рабочий на катании свечей, обслуживавшая, уборщица, работник по уходу за священником, псаломщик, помощник псаломщика, два рабочих.

Надомные работники также подлежали учету (26 человек: мастера-сапожники, швеи, кустари и прочие). В домохозяйстве значатся 226 человек, домработницами 3 человека, также записаны 17 инвалидов и 67 неработающих жителей.

Из сельскохозяйственного производства работали: заготскот (заведующий, сторож, 2 доярки), бойня (сторож, 2 работника), ветеринарный пункт (рабочий склада, 7 чернорабочих), сенопункт (3 рабочих), овощной склад (один работник), льнозавод (4 рабочих, конюх), льносклад (2 человека).

Большая часть населения была занята в сельском хозяйстве. Велся строгий учет крестьянских хозяйств и скота. Эти данные составляют вторую часть Журнала. Нужно сказать, что записи здесь производились более подробно, чем перепись населения, — учет шел по 38 позициям. В каждом хозяйстве учитывалось количество лошадей, коров, свиней, овец... И это понятно, потому как человеческая жизнь оккупантами не ставилась ни в грош, а каждая единица скота обеспечивала новой власти сытую жизнь.

Крестьянские хозяйства:

1. Пушкинская 1 улица	37 хозяйств
2. Пушкинская 2 улица	22 хозяйства
3. Тоболенская улица	33 хозяйства
4. Новоржевская улица	27 хозяйств

5. Почтовая улица	23 хозяйства
6. Станция «Тригорская»	21 хозяйство
7. Гончарная улица	7 хозяйств
8. Садовая и Заозерная улицы	10 хозяйств
9. Кооперативная и Первомайская улицы	15 хозяйств
10. Лесная и Горная улицы	12 хозяйств
11. Школьный парк	6 хозяйств

Перепись скота. Обобщенные данные:

1. Пушкинская 1 улица	35 коров, 1 телка, 13 овец, 8 лошадей
2. Пушкинская 2 улица	22 коровы, 11 овец, 3 лошади (из них 2 потерявших трудоспособность)
3. Тоболенская улица	33 коровы, 1 телка, 6 свиней, 48 овец, 3 лошади
4. Новоржевская улица	27 коров, 4 овцы
5. Почтовая улица	23 коровы, 5 свиней, 6 овец, 2 лошади
6. Станция «Тригорская»	21 корова, 13 овец
7. Гончарная улица	7 коров, 4 овцы
8. Садовая и Заозерная улицы	10 коров, 5 овец, 1 лошадь
9. Кооперативная и Первомайская улицы	15 коров, 1 бычок, 18 овец, 1 лошадь
10. Лесная и Горная улицы	12 коров, 2 овцы, 1 лошадь
11. Школьный парк	5 коров, 1 овца, 1 лошадь

Списки жителей поселка Пушкинские Горы периода временной немецко-фашистской оккупации — ценный исторический источник, который помогает восстановить историю оккупационного периода и сохранить память о трагических событиях истории Пушкиногорского района.

Эти данные помогли точно определить место трагических событий второй половины 1941 года в Пушкинских Горах, о которых Анатолий Дмитриевич Малиновский, участник подпольной группы Пушкинских Гор, вспоминал:

«Обыски, дневные иочные облавы, солдаты с овчарками были уже постоянным явлением. За оружие и помошь партизанам полагался расстрел. Погибнет немецкий солдат — схватят первых попавшихся десять человек, повесят или расстреляют.

Расстреливали в лесу, в песчаном карьере за домом Степана Кошелева. Из слухового окна Степан видел, как закапывают убитых, считая, скольких убили...»⁶

Согласно спискам жителей поселка Пушкинские Горы и станции «Тригорская» по состоянию на январь 1944 года семья Кошелевых значится проживающей на улице Заозерной в доме 11. Самого Степана Кошелева в списках нет, т. к. в 1943 году прошла волна арестов пушкиногорских подпольщиков и Степан Кошелев был арестован и отправлен в концлагерь.

Но осталась семья: Кошелев Петр Алексеевич (1872 года рождения), Дмитриева Анна Дмитриевна (1874 года рождения), Мария Матвеевна (1907 года рождения), Кошелев Геннадий Степанович (1937 года рождения), Кошелева Галина Степановна (1939 года рождения). О главе семьи, Петре Алексеевиче, в графе «Место работы» записано: «Мельница». Мельница на Заозерной улице работала и во время войны и находилась рядом с домом Кошелевых, который в свою очередь находился на противоположной стороне улицы, на пригорке. Из этого дома действительно открывается вид на карьер на пересечении Заозерной улицы и Зеленого переулка.

На это же место в статье о Пушкиногорском районе в годы оккупации указала и сотрудник Пушкинского Заповедника, методист Елена Васильевна Хмелева в 2015 году⁷. Ее семья в послевоенное время тоже жила на улице Заозерной. Еще ребенком она с друзьями играла в карьере, дети собирали землянику на его склоне, на что бабушка Елены Васильевны пожурила их и сказала, что там собирать ягоду не стоит — там расстреливали людей.

Нет свидетельств о том, что людей из карьера вывозили для захоронения. Да и не для того их приводили на окраину поселка на расстрел, чтобы потом заботиться о перезахоронении. После войны раскопки и перезахоронения также не проводились.

Сейчас это место забыто людьми и практически никому не извест-

⁶ Малиновский А.Д. Подпольщики Пушкинских Гор. С. 22.

⁷ Хмелева Е.В. Пушкиногорский район в годы фашистской оккупации. По воспоминаниям жителей района // Псков. 2015. № 42. С. 10.

но. Склоны густо заросли кустарником, центральная часть карьера заболочена, местные жители за многие годы устроили из карьера свалку. На эту свалку жаловались; коммунальные службы мусор не вывозили, а перезахоранивали здесь же, прикрывая его слоем земли.

В феврале 2020 года общественная организация «Клуб «Патриот» обратилась к администрации Пушкиногорского района с просьбой о расчистке этого места от кустарника и вывозе мусора, обещав установить на свои средства временный памятный знак о трагических событиях 1941 года.

Надеюсь, что со временем этим планам суждено осуществиться и еще одно место трагической истории поселка Пушкинские Горы будетувековечено для потомков.

Борис Ганнибал

ГАННИБАЛ КОНСТАНТИН. 1900—1945

Могила советского офицера на воинском кладбище в Польше

Уже 75 лет прошло со дня победы над фашизмом. Но до сих пор не только наша страна, но и вся Европа полна трагических свидетельств войны как таковой, в том числе — полна могилами миллионов советских солдат, как известных, так и унесенных в небытие потоком времени. В каждом таком месте — средоточие событий прошлого, переплетение судеб людей и целых стран.

Взгляд на эту сложную картину, всегда изобилующую пробелами и дефектами фактического материала, зависит от многих обстоятельств, в том числе от позиции того, кто ее описывает. История полицентрична геополитически и объективно меняется со сменой поколений («непредсказуемое прошлое»). А историческая правда определяется целями и смыслами, которые вкладываются исследователем в поведение отдельных властных персонажей, различных социальных групп и государств. В данном случае автор статьи, рассказывая о судьбе своего близкого родственника и его времени, во-первых, отдает дань памяти этому простому «рабочему войны» и достойному защитнику Отечества. Еще хотелось осознать феномен права лежать в центре Европы под своим именем столько лет — и феномен нашего при этом чувства гордости. Интересно было также понять то, за счет чего на протяжении многих десятилетий обеспечивается сохранение этой памяти вообще и конкретного памятника.

В истории нашей большой семьи (у моего деда, Константина-Фридриха Михайловича Ганнибала, и его супруги Анны Федоровны только собственных детей было двенадцать, а случались и приживальцы из осиротевших родственников) годы войны отмечены смертью родных в основном в период ленинградской блокады — 5 человек, в том числе детей; еще двое умерли от голода и болезней в условиях эвакуации. И только судьба моего дяди, Константина Константиновича Ганнибала, связана непосредственно с боевыми действиями на фронтах Великой Отечественной войны. О нем я слышал с самого детства, так как родился и прожил 16 лет в послевоенной коммунальной квартире, большинство

Юрий Ганнибал в Михайловском у посаженного им в 1983 году дуба. 2016 год. Фото из семейного архива

нуков. Всю жизнь увлекался садоводством, а после выхода на пенсию занялся выращиванием «исторических» дубов — «детей» и «внуков» старовозрастных деревьев, так или иначе связанных с именами Петра I, Иоанна Кронштадтского, М.И. Кутузова и других. Началось с того, что в 1983 году он привез в Пушкинский Заповедник три саженца, выращенных из желудей уже умиравшего дуба Петра I, что рос на Каменном острове в Ленинграде. Вместе с С.С. Гейченко он посадил их в парке Михайловского¹. Одно из этих деревьев сохранилось, и сейчас рядом с ним стоит табличка с соответствующим текстом.

А теперь возвращаемся к нашей основной теме.

На полях сражений Второй мировой войны на территории современной Польши сложили свои головы более 600 тысяч солдат и офице-

обитателей которой составляли близкие родственники. Позднее подробности жизни моего дяди я постепенно узнавал от его сына и моего двоюродного брата — Юрия Константиновича Ганнибала. От него же получено «добро» на публикацию этих данных.

О Ю.К. Ганнибale нужно сказать особо (позволим себе это отступление). Родился он в 1936 году и был свидетелем смерти отца в 1946 году. С детства интересовался историей своей фамилии и преуспел в раскрытии ее прибалтийского происхождения. Работал инженером в Ленинграде, сейчас живет с супругой в Петергофе. Имеет двух сохранивших фамилию отца и деда дочерей, внука и внучку, а также троих прав-

¹ Подробнее см.: Природа — наш кабинет. Результаты ботанических исследований 2003–2005 годов / Михайловская пушкиниана. Вып. 43. Сельцо Михайловское, 2007. С. 47.

*Могила старшего лейтенанта
К.К. Ганнибала
на воинском кладбище в городе Хоцянув
в Нижнесилезском воеводстве
Республики Польша. 2000 год.
Фото Ю.К. Ганнибала*

летом 1944 года была освобождена от немцев Белоруссия и часть Польши. Объективные обстоятельства не позволили сходу взять Варшаву, и только в январе 1945 года началось развертывание по всему фронту Висло-Одерской операции генерального штаба. На линии главного удара в направлении Варшава — Берлин находился 1-й Белорусский фронт (командовал им маршал Г.К. Жуков, сменивший на этом посту К.К. Рокоссовского), южнее действовал 1-й Украинский фронт (командующий маршал И.С. Конев). Именно его войска брали сильно укрепленный главный город тогда германской Нижней Силезии — Бреслау (ныне польский Вроцлав), крепость Легницу, а позднее и Прагу.

Ожесточенные бои сопровождались множеством жертв. Как и в большинстве других мест, захоронение у города Хоцянув (тогда не-

ров Красной армии. В два раза вырастает это число с учетом погибших и умерших партизан и военнопленных. В этой стране сейчас насчитывается 634 места их захоронения, но лишь небольшая часть могил (менее 10%), братских и одиночных, имеет свидетельства о людях, лежащих там. В число этих немногих входит могила Константина Константиновича Ганнибала. Находится она в Нижнесилезском воеводстве близ города Легница на одном из 31 кладбища советских воинов этого региона — в небольшом городке Хоцянув (Chocianow).

Какова первичная история этого захоронения на польской земле?

Война входила в свою заключительную стадию. В результате масштабной операции советских войск «Багратион»

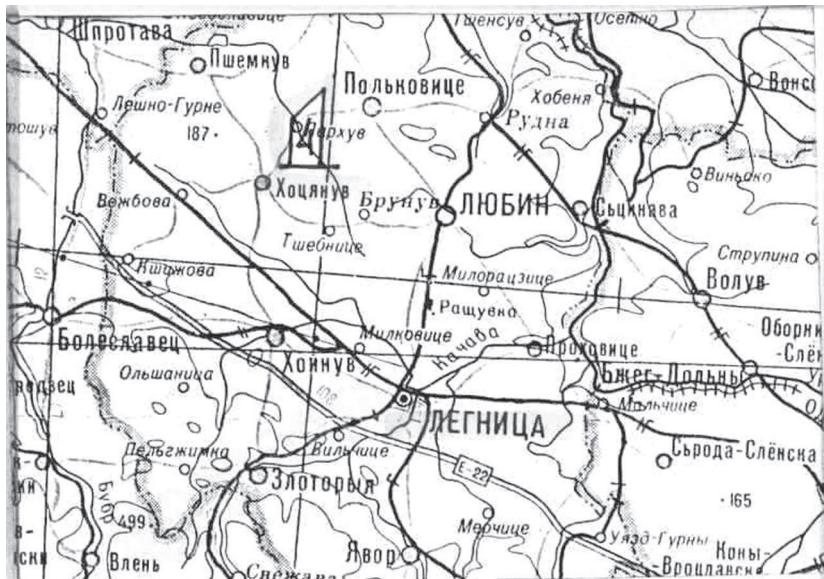

Висло-Одерская операция Красной армии в январе — феврале 1945 года.

Фото: <https://arsenal-info.ru/pub/art/4354>

мецкий Kotzenau) появилось в феврале 1945 года и создавалось сначала боевыми подразделениями Красной армии в ходе проведения Нижнесилезской операции — 3-й гвардейской бронетанковой армией, 13-й и 52-й армиями 1-го Украинского фронта. Позднее эти места, свидетельства безжалостной войны, обустраивались и становились мемориалами. В 1948–1954 годах из великого множества временных могил и затем в 1957–1958 годах производилась эксгумация тел солдат (таких было порядка 400 тысяч) и перенос их на более крупные и соответствующим образом оформленные кладбища. Статус мемориала получило и кладбище у Хоцянува, расположенное в 37 км к северо-западу от Легницы.

Ныне (данные на 2012 год) на кладбище у Хоцянува на площади 0,11 га существуют 122 могилы. Здесь покоятся 766 советских воинов,

Карта района города Легница (Нижнесилезское воеводство).

*Из Паспорта захоронений воинов Советской армии в городе Хоцянуа
<http://www.sgvavia.ru/forum/536-1500-1>)*

фамилии 494 из них до сих пор неизвестны. Надгробия там первоначально имели вид невысоких вертикально поставленных плит («подушек»), позднее их заменили на горизонтально лежащие гранитные плиты, при этом солдатские и офицерские захоронения после войны по возможности старались разделять. Могила К.К. Ганнибала под номером 71 расположена в непосредственной близости от памятного обелиска. Имеется паспорт захоронения и персональный список.

По понятным причинам в сведениях учета погибших могли быть ошибки. К дате смерти К.К. Ганнибала это относится напрямую. Как утверждается в документе, все захоронения в Хоцянуве осуществлялись исключительно в 1945 году, однако в отношении конкретно нашего героя указанная на могильной плите и в упомянутом паспорте дата смерти не соответствует действительной. И этому есть не одно свидетельство, в том числе фотография похорон, воспоминания членов семьи офицера, а также документы в архиве Министерства обороны, с недавнего времени открытые.

ПАСПОРТ
войинского захоронения

РЕСПУБЛИКА ПОЛЬША

10/30/II

номер карточки

1. Место и дата захоронения 1945 г., г.Хоцянув, ул. Глоговска

2. Вид захоронения Кладбище воинов СА

3. Размеры захоронения и его
состояние Площадь – 0,1138 га. Состояние хорошее

4. Краткое описание памятника (надгробия) на захоронении Ограждение – металлический забор на бетонном фундаменте. В центре кладбища на метровом постаменте расположена 2,5-метровая стела, увенчанная пятиконечной звездой. Постамент и стела облицованы гранитными плитами. На постаменте выбит текст на польском и русском языках: «Советским воинам, погибшим во Второй Мировой войне». Площадка вокруг стелы и дорожка, к ней ведущая, выложены тротуарной плиткой.

Могилы выполнены в виде лежащих гранитных плит с выбитой пятиконечной звездой и информацией о захороненных.

На территории кладбища посажена трава, кусты и деревья.

5. Количество захороненных:

Количество могил	братьских	индивидуальных	ВСЕГО	Количество захороненных		
				Из них	Военно-служащих	Гражданских лиц и военнопленных
16	16	106	766	766	-	272

6. Кто шефствует над захоронением:

Совет Охраны Памяти Борьбы и Мученичества Республики Польши

7. Фотоснимок захоронения

Паспорт захоронения (мемориала) в городе Хоцянув.

Фото: <http://www.sgvavia.ru/forum/536-1500-1>

№ п/п	Ф.И.О. (польский)	Ф.И.О (русский)	ЗВАННИЕ	Дата рожа	Дата смерти	№ могилы	Откуда перезахоронен
37	WOLKOW G	ВОЛКОВ Г.		1925	1945	14	
38	WYSZYNSKI MICHAEL	ВЫШИНСКИЙ МИХАИЛ			1945	25	
39	GANIBAL KONSTANTIN S	ГАНИБАЛ КОНСТАНТИН С.	СТ. Л-НТ	1900	1945	71	
40	GIERASIMCZUK SIERGIEJ IWANOWICZ	ГЕРАСИМЧУК СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ	МЛ. С-НТ	1907	05.02.1945	63	KSIĘGNIENICE
41	GIRBUROW A.I.	ГИРБУНОВ А.И.	С-НТ	1914	1945	7	
42	GLADKOW P.A.	ГЛАДКОВ П.А.	РЯД	1916	1945	96	
43	GODELEWSKI K.S.	ГОДЕЛЕВСКИЙ К.С.	РЯД	1909	1945	57	
44	GOLUBIEW I.O.	ГОЛУБЕВ И.О.	РЯД	1897	1945	24	
45	GORDIUK ALEKSANDER PAWLOWICZ	ГОРДЮК АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ		1925	23.02.1945	26	JERZMANICE-ZDRÓJ GM. ZŁOTOSŁAWIEC
46	GORLOW J	ГОРЛОВ Я.			1945	14	
47	GORODENKO J	ГОРОДЕНКО Я.			1945	14	
48	GORUNOW W.A.	ГОРЮНОВ В.А.	С-НТ	1926	1945	114	
49	GRYBANOWSKI G	ГРИБАНОВСКИЙ Г.			1945	14	
50	GRIBUNOW A.I.	ГРИБУНОВ А.И.		1914	1945	61	
51	GUDAK JAROSLAW IWANOWICZ	ГУДАК ЯРОСЛАВ ИВАНОВИЧ	РЯД	1909	1945	52	USTRONIE GM. KSIĘGNIENICE
52	GUMIENNY M.I.	ГУМЕННЫЙ М.И.	Л-НТ	1911	1945	115	
53	GUSCZEN ALEKSANDER FIEDOROWICZ	ГУЩЕН АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ		1912	11.02.1945	63	ZŁOTOSŁAWIEC
54	DASZKIEWICZ	ДАШКЕВИЧ			1945	14	
55	DEBROW W.	ДЕБРОВ В.	С-НТ	1924	1945	6	
56	DIENIESIUK	ДЕНЕСЮК			1945	14	
57	DMITRICE	ДМИТРИЧЕ			1945	14	
58	DOCIAK DMITRII IWANOWICZ	ДОЦЯК ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ			1945	34	
59	DUBAS WENIAMIN NIKOLAJEWICZ	ДУБАС ВЕНИАМИН НИКОЛАЕВИЧ		1905	01.02.1945	26	RUDINA B. POW. LUBIN
60	DUNIEC NIKOLAJ WASILJEWICZ	ДУНЕЦ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	РЯД		30.01.1945	26	KSIĘGNIENICE
61	DURKIN W.T.	ДУРКИН В.Т.			1945	52	
62	EMPRUSAZE S.L.	ЭМПРУСАЗЕ С.Л.			1945	13	
63	EPEL ABRAM JOSIFOWICZ	ЕПЕЛ АБРАМ ИОСИФОВИЧ	К-Н		08.02.1945	11	KALINÓWKA
64	ZYBLIKIEWICZ VLADIMIR STIEPANOWICZ	ЖИБЛИКЕВИЧ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ	РЯД	1926	03.02.1945	52	SIEDLCE GM. KSIĘGNIENICE
65	ZUKOWSKI STIEPAN WASYLJEWICZ	ЖУКОВСКИЙ СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ		20.07.1914	06.02.1945	63	USTRONIE GM. KSIĘGNIENICE
66	ZABACZYNISKI STANISLAW AWGUSTOWICZ	ЗАБАЧИНСКИЙ СТАНИСЛАВ АВГУСТОВИЧ	РЯД		07.02.1945	63	SKŁADOWICE GM. KSIĘGNIENICE
67	ZARZMATOW J	ЗАРМАТОВ Я.			1945	14	
68	ZAMRIK WIKTOR PAWLOWICZ	ЗАМРИК ВИКТОР ПАВЛОВИЧ		1908	1945	101	
69	ZANKO DANIEL GRIGORJEWICZ	ЗАНЬКО ДНИИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ			1945	68	
70	ZORIKOW G	ЗАРИКОВ Г.	РЯД	1902	1945	94	
71	ZACHAROW P	ЗАХАРОВ П.	С-НТ	1920	1945	84	
72	ZACHAROW SZCZEPAN ANDREJEWICZ	ЗАХАРОВ СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ			1945	52	
73	ZLOBI ALEKSANDER	ЗЛОБИ АЛЕКСАНДР			1945	14	
74	ZOZULIAK WASILIJ JURKOWICZ	ЗОЗУЛЯК ВАСИЛИЙ ЮРЬЕВИЧ		1906	10.02.1945	63	MIROŚOWICE GM. KSIĘGNIENICE
75	IWACHIW STIEPAN WASILJEWICZ	ИВАХИВ СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ	РЯД	1911	04.02.1945	26	USTRONIE B. POW. LUBIN

*Персональные сведения захороненных на кладбище
воинов Советской армии в городе Хоцянув.*

Третий сверху в списке — К. Ганнибал.

*Из Паспорта захоронений воинов Советской армии в городе Хоцянув
(http://www.sgvavia.ru/forum/536-1500-1)*

*Похороны К.К. Ганнибала 4 июля 1946 года на воинском кладбище
в городе Хоцянув. Жена, сын и дочь стоят у его изголовья.
Фото из семейного архива*

Случайная или намеренная это ошибка? Прежде чем попытаться ответить на вопрос, обратимся к предшествовавшим событиям в жизни К.К. Ганнибала и вообще к превратностям судьбы советских граждан в 1930-е годы, затем прошедших еще и жестокие испытания войной.

Начало войны К.К. Ганнибал встретил в Ленинграде, в коммунальной, но объединенной родственными отношениями людей квартире № 46 дома № 8 по улице Пудожской на Петроградской стороне. Глава большой семьи Константин Михайлович Ганнибал умер в 1938 году. Семеро выживших к тому времени детей (из 12) сами уже имели семьи, а в упомянутой квартире в результате процедур обмена собрались вместе с матерью, Анной Федоровной, четыре из них. Старший, Константин, с женой и двумя малолетними детьми занимал комнату в 24 квадратных метра. Работал на заводе «Электрик», с 1930 года — начальником лаборатории телефонизации. В 1933—1935 годах занимался в частности внедрением в городскую телефонную сеть функции «говорящие часы». Благодаря этому обстоятельству в его квартире был установлен телефон

*К.К. Ганнибал. 1928 год.
Фото из семейного архива*

циальных документах К.М. Ганнибала эта информация отсутствовала. Глядя на лицо моего дяди-«эстонца», пушкинисты шутливо спросили, смотрелся ли он когда-нибудь сам на себя в зеркало? Действительно, определенные черты «арапа» в нем вполне можно было при желании увидеть. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы заинтересовать академических ученых.

В этом же 1937 году семью непосредственно коснулись сталинские репрессии — в Москве как «врага народа» расстреляли старшего брата жены К.К. Ганнибала, а в 1938 году сам он попал вместе со всем руководством завода в мрачные стены «Большого дома» по обвинению в троцкизме, хотя видел Л.Д. Троцкого один раз издали на митинге. Директора завода и еще нескольких человек расстреляли, остальных, в том числе К.К. Ганнибала, через два месяца выпустили. Анализ списков, проведенный сотрудниками завода, показал, что «виновность» определяло положение фамилии в алфавитном порядке. Ганнибалу

— случай по тем временам редкий: тогда в городе было мало телефонов — в основном в организациях и у «значимых» персон. Так его фамилия оказалась в городской телефонной книге за 1937 год — и это послужило определенной известности среди тех, кто активно занимался подготовкой к 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина. Появившиеся в один из дней на пороге квартиры ученые из Пушкинского Дома с удивлением узнали от К.К. Ганнибала (его отец болел и не мог общаться с гостями), что глава семьи родом из Эстонии. Это было первым признанием о прибалтийском происхождения родовой фамилии²: во всех офи-

² См.: Ганнибал Б.К. Эстония — родина российских Ганнибалов // Материалы 8-х Псковских международных краеведческих чтений. Т. 1. Псков, 2018. С. 57–68.

Техник-лейтенант К.К. Ганнибал.

1944 год.

Фото из семейного архива

повезло, он оказался в верхней части списка и только поэтому остался жив.

В июле 1941 года К.К. Ганнибал уже на фронте. Он имел военный опыт гражданской войны. Вступив в ряды Красной армии в начале 1918 года, он в 17 лет успел столкнуться с немцами, продолжавшими наступать на Петроград. Вместе с другими новобранцами, вооруженными лишь винтовками и пятью патронами каждый, почти сразу попал в плен на Псковщине. Однако после подписания Брестского мира в начале марта 1918 года немецкие охранники, не предупредив безоружных и голодных русских солдат, куда-то пропали. Наши пешком, осто-

рожно, по ночам несколько дней добирались до Петрограда. После этого К.К. Ганнибал оставался служить в Красной армии еще четыре года. По окончании Политехнического института получил диплом инженера, а на фронте стал артиллеристом.

Первое ранение К.К. Ганнибал получил в июле 1942 года. После лечения в госпитале ему представилась возможность на три дня заехать к семье. Жене и детям еще весной 1942 года удалось выбраться из блокадного Ленинграда, и они обосновались у своих родственников в деревне под Ярославлем. Житье было несладким, голодали. Уже в 6 лет сын Юра участвовал в сельхозработах по сбору урожая клубники. Как потом выяснилось, ягоды отправляли не в детские дома, как говорило начальство, а на самолетах в блокадный Ленинград, и всем было понятно кому... тов. Жданову. Тогда же К.К. Ганнибал своими глазами увидел самолет «Дуглас», который загружали ящиками с клубникой. Оказалось, два предыдущих подобных рейса с картошкой, укропом, луком, редиской и земляникой оказались неудачными — самолеты были сбиты фашистами.

Территория Германии, отошедшая к Польше

по итогам Потсдамской конференции в июле 1945 года.

Стрелка показывает место города Легница в центре земли Нижняя Силезия.

Фото: «Карты Германии, выпущенные в ФРГ в 1950–1960 годах»
(nuvba.livejournal.com)

Результатом второго ранения К.К. Ганнибала в марте 1943 года был перевод из боевых частей в тыловую, а именно в походную (полевую) артиллерийскую снабженческую мастерскую (ПАСМ), двигавшуюся вслед передовым частям армии. При этом офицерам мастерских разрешили привозить на места их базирования свои семьи. Так они и двигались на запад — сначала в 1943 году стояли под Калугой, в конце 1944-го переместились в район Минска. На фотографии мы видим сурового, усталого и изрядно поседевшего воина.

В Белоруссии ему и коллегам пришлось заняться, кроме ремонта орудий, и другими делами — выполняя в том числе функции похоронных команд. Большое число трупов, оттаивавших весной, заставило подключить к работам практически всех служащих части, но прежде всего туда отряжали нарушителей армейской дисциплины в качестве наказания. Трупы были уже полуразложившиеся, часто без одежды, и для их перемещения использовали грубые металлические крюки (жестокая правда войны). Погибших бойцов стаскивали в воронки — немцев в са-

Здание бывшего Штаба Северной группы советских войск и гарнизонного Дома офицеров в городе Легница (ныне католическая семинария).

Рядом некоторое время стоял памятник маршалу К.К. Рокоссовскому.
Фото: Galeria zdjec Legnica

мые близкие из них, часто залитые водой, советских солдат — в ямки посушке, на склоне, и засыпали землей. Сверху на наши могилы клали большой камень или крупную деталь от разбитой техники; на них замполит красной краской рисовал звезду и указывал лишь число захороненных (это к вопросу о системе захоронения в военных условиях и возможностях правильного учета погибших).

Технарям пришлось освоить еще один незнакомый вид деятельности — дойку коров. Летом 1945 года мимо воинской части стали гнать из Германии многочисленные стада коров, которых требовалось хотя бы раз в сутки доить. На это дело выходило тоже практически все подразделение — 50 солдат и десять гражданских служащих. После дойки коровы продолжали свой путь под охраной автоматчиков, которые должны были в дороге защитить животных от размножившихся за годы войны волков.

В марте 1946 года вся семья оказалась в Нижней Силезии. Этот район Германии к тому времени уже относился к территории Польши. В городе Легница (нем. Liegnitz) располагался штаб Северной группы советских войск. Командующим группы с 1945 по 1949 год был маршал К.К. Рокоссовский, позднее ставший польским маршалом и министром обороны Польской Народной Республики. Много десятилетий, до ухода из Польши в 1993 году тогда уже российских войск, большая часть города была на особом, привилегированном положении и именовалась в народе «Малой Москвой».

У города долгая история: в XII веке он был столицей первой королевской династии Пястов, а в XIII веке — был осажден войсками Батыя. Выиграв битву у объединенного польско-немецкого войска князя Генадия Благочестивого, монгольская армия, тем не менее, именно здесь завершила свое продвижение на запад (в центре площади перед зданием бывшего Штаба Северной группы советских войск — стела-памятник, посвященная этим событиям). В XIX веке и вплоть до 1945 года находился в пределах прусской провинции Нижняя Силезия. 11 февраля 1945-го этот большой (порядка 100 тысяч жителей) промышленный город с огромными складами вооружения и боеприпасов был взят советскими войсками. Практически на их плечах туда вошли тысячи голодных, потерявших жилье в родных местах поляков, литовцев, евреев из Варшавы, Галиции и многих других мест. В городе из немцев оставались только старики.

Семья Константина Ганнибала прожила в Польше всего несколько месяцев 1946 года. Сам он с супругой имел комнату в воинской части ПАСМ № 27 у города Хоцянув, а дети учились в интернате в Легнице. Обстановка была непростая. Хотя военнопленные немцы привлекались к работам в наших технических частях, случались и побеги фашистов, иногда с оружием и убийством советских солдат. Все рабочие выезды офицеров на машинах сопровождались автоматчиками. Польские переселенцы вели себя как хозяева, понуждая оставшихся немецких жителей покидать родные для тех места и занимая их жилища. Был случай, когда самому К.К. Ганнибалу пришлось выгонять обнаглевших поляков из дома пожилого немецкого фермера. Теперь и поляки представляли иногда угрозу для семей советских граждан. Негласная война продолжалась, опасность в разных и неожиданных формах на территории недавних боев сохранялась везде. В то же время в Легнице и окрестностях начинал формироваться мощный центр советских оккупационных

войск³ (организация стран Варшавского договора была создана только в 1955 году).

В первую годовщину победы над фашистской Германией маршал К.К. Рокоссовский задумал произвести праздничный фейерверк, желая порадовать солдат — еще никогда не видевших подобного действия кроме как в черно-белом кино. Специалистов не было, тогда и призвали инженера-артиллериста, посчитав, что он сможет решить все пиротехнические вопросы. И он их решил: мероприятие успешно и вовремя состоялось, на крыльце Штаба в Легнице собрались генералы во главе с К.К. Рокоссовским. По команде К.К. Ганнибала (его жена и дети тоже присутствовали там) праздничный фейерверк начался и проходил замечательно, как вдруг что-то случилось... Оказалось, один солдат из обслуживающего салют персонала, плохо забив заряд в гильзу, получил страшный ожог глаз в результате взрыва. Дело разбирали больше месяца. Густые волосы на голове К.К. Ганнибала окончательно поседели. Знакомые и друзья за это время демобилизовались, и только его рапорт никто из начальства, знаявшего о ЧП, не хотел подписывать. Документы посыпали все выше и, наконец, К.К. Ганнибалу сообщили о приказе явиться к самому маршалу. При встрече К.К. Рокоссовский прервал рапорт старшего лейтенанта и сказал, что недопустимо терять солдат в мирное время. Затем извинился за резкий выговор боевому офицеру, почти одногодку, к тому же двойному тезке⁴. Пригласил сесть на диван и далее расспрашивал о доме в Ленинграде (из писем родных было известно, что комнату уже заняли чужие люди, а часть мебели была сожжена в блокадную зиму), о том, набрал ли тот необходимых вещей для возвращения. Узнав о проблеме нехватки контейнеров вообще — а надо было взять с собой хотя бы то, чем семья пользовалась: две кровати, шкаф, комод, стол и стулья из комнаты, посуду, — вызвал помощника и приказал оформить к вечеру этого же дня все документы по демобилизации и выделить семье офицера два контейнера.

Хроника последних дней службы в армии и пребывания в Польше

³ В книге польского историка Войцеха Кондуши «Mała Moskwa. Rzecz o radzieckiej Legnicy» («Маленькая Москва. Дело о советской Легнице»), изданной в 2006 году, подробно, но с опорой исключительно на польские источники рассматривается история советского гарнизона в Легнице. Есть и кинофильм с подобным названием.

⁴ Следует уточнить — настоящее отчество Рокоссовского не Константинович, а Ксаверьевич, хотя использовалось именно первое.

Ю.К. Ганнибал, сержант
Советской армии. Польша. 1958 год.
Фото из семейного архива

сухари, немного сахара и сушеную чернику. В сопровождение дали двух возвращавшихся на Родину солдат. Окружным путем 10 дней через Чехословакию, Львов и Харьков добирались они домой.

Прошло ровно 10 лет. Сын К.К. Ганнибала Юрий окончил школу и в августе 1956 года был призван в ряды Советской армии. Начал он службу в Калининграде. Однажды октябрьской ночью подразделение, где он служил, было поднято по тревоге. Солдат погрузили в вагоны и куда-то повезли. Утром выяснилось, что они находятся на территории Польши (в стране обострилось протестное движение, за июньским восстанием в Познани последовала тревожная осень, совпавшая с известными событиями 1956 года в Венгрии). С этого момента и до конца срока службы Юрия Ганнибала проходила в танковой дивизии — и совсем недалеко от последнего места службы отца и его могилы. Десять лет назад он мальчиком покинул эту страну, но память была свежа. В 1958 году, по-

ше такова. В последних числах июня документы были готовы, шли приготовления к отъезду. Неожиданно начальник попросил К.К. Ганнибала последний раз заступить дежурным по части. Это было воскресенье 30 июня. Родные ушли в магазин. Откуда-то появился солдат с сообщением, что с детьми произошло несчастье. К.К. Ганнибалу стало плохо с сердцем. Во вторник 2 июля наступила смерть от инфаркта. 4 июля состоялись похороны К.К. Ганнибала.

На могиле установили табличку с именем и отдельно фотографию. Больная вдова с двумя детьми, 8 и 10 лет, уезжала в Ленинград. Ехали в грузовом вагоне («телятнике») с двухъярусными нарами и еще 20 такими же пассажирами. С собой взяли кастрюлю перловой каши,

Вид воинского кладбища в городе Хоцянув в 1958 году.

Фото Ю.К. Ганнибала

лучив звание сержанта, будучи уже заместителем командира взвода регулировщиков движения и имея отличную репутацию у начальства, он обратился к командованию с просьбой посетить могилу отца. Несмотря на еще действующий общий трехлетний запрет «выходить за проволоку», он получил разрешение на однодневную командировку с печатью Особого отдела.

В армейской форме сержант Ю.К. Ганнибал сел на поезд и через полчаса оказался в знакомом городе Хоцянув. На улице его признала девушка, с которой они вместе учились в интернате в Легнице. Помогла ему найти могилу отца, на которой, правда, от прикрепленных ранее двух табличек остались только знакомые 8 дырок. Сторож принес извинения за утерю, сославшись на мальчишек, а также вспомнил фотографию с красивым мужчиной. Вероятнее всего, это была единственная, по понятным причинам, фотография на всем кладбище.

К следующей поездке в Хоцянув Юрий готовился довольно долго. В Ленинграде был куплен для него фотоаппарат, изготовлена новая металлическая табличка с именем и фотографией отца. Кладбище в 1958 году выглядело все так же, как двенадцать лет назад.

Юрий Константинович Ганнибал с сестрой Натальей у могилы отца. 2000 год. Фото из семейного архива

Серьезное изменение кладбище в Хоцянуве претерпело, как полагает Ю.К. Ганнибал, еще в 1980-е годы, вероятно, по инициативе Министерства обороны СССР. Правда, ошибки в тексте на могиле К.К. Ганнибала (фамилия с одним «н» и странная первая буква отчества, не говоря уже о дате смерти) заставляют сомневаться в этом. Да, табличка, закрепленная сыном в 1958 году, могла снова исчезнуть, но в архиве Северной группы войск наверняка сохранились необходимые документы. Хотя известно, что на ремонт и поддержание в порядке захоронений советских солдат местным органам власти выделяются значительные средства — до 1991 года через Министерство территориального хозяйства и строительства Республики Польша, позднее через польский Совет охраны памяти борьбы и мученичества, но поражает масштаб реконструкции. Тогда был переделан центральный обелиск (он стал гранитным), заменена ограда кладбища, дорожки вымощены плиткой, а все могилы приобрели новый облик — теперь это были гранитные полированные горизонтально лежащие плиты. Таким увидел Ю.К. Ганнибал мемориал, когда специально посетил вместе с сестрой, женой, дочерью и внуком могилу отца осенью 2000 года.

В тот же приезд Ю.К. Ганнибалу удалось осуществить свою мечту — побывать на месте смерти М.И. Кутузова. Это совсем рядом с городом Хоцянув. Весной 1946 года К.К. Ганнибал, отправляясь на машине со служебным заданием в Берлин, взял сына с собой, чтобы тот сравнил поверженную немецкую столицу с разрушенным Минском. На обратном пути собирались заехать в городок Бунцлау (нем. Bunzlau), тогда уже польский Болеславец (см. карту на с. 180), где, по рассказам пленного немца (наши военнослужащие об этом не знали), был музей и могила победителя Наполеона. Но возвращались уже в темноте, и, хотя в машине был автоматчик, а у отца пистолет (Рокоссовский требовал, чтобы офицеры даже в банду ходили с оружием), риск был большой. Увидеть тогда это знаковое для русского человека место не удалось. Потом выяснилось, что командование, конечно, было осведомлено и, более того, имело свои планы патриотического использования этого исторического места как символа побед России над врагами. Герой-освободитель Европы генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов умер здесь 16 (28) апреля 1813 года. Забальзамированное тело и отдельно сердце были отправлены в Петербург, а другие органы захоронены здесь же, вблизи города в деревне Теллендорф, и на том месте установлен памятник в виде усеченной колонны с венком. Через несколько лет в самом городе возвели монумент в честь Кутузова, а дом, в котором он провел последние дни, по указанию прусского короля Фридриха-Вильгельма III превратили в музей. За взятие Бунцлау 12 февраля 1945 года 8 частей и соединений, 134 офицера были награждены орденом Кутузова. А в возведенном в Теллендорфе мемориальном комплексе рядом с прахом Кутузова собрали и захоронили останки 141 воина с известными именами, из которых 42 Героя Советского Союза. У входа на территорию мемориала установили изваянные из камня фигуры двух русских солдат — 1813 и 1945 годов⁵. Приказом командующего войсками 1-го Украинского фронта маршала Советского Союза И.С. Конева от 7 марта 1945 года № 2 предписывалось «...учредить почетный караул у могилы фельдмаршала Кутузова. Всем войсковым частям фронта и отдельным военнослужащим при прохождении мимо могилы и памятника Кутузову отдавать воинские почести». 28 апреля 1945 года, в 132-ю годовщину со дня кончины полководца, в почетном карауле у могилы Кутузова стояли

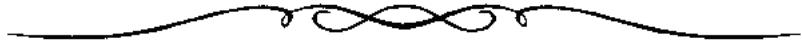
⁵ Подробнее о мемориальном комплексе можно узнать в изданном в Варшаве в 2016 году альбоме «Могилы и кладбища русских и советских солдат с XIX по XX век в Польше (избранные примеры)».

Основатель музея Советской армии Михаил Сабадаш
на фоне деревянного макета Ордена Победы
из кабинета маршала К.К. Рокоссовского в Легнице.
Фото: Братство в реликвиях // Президент. 22.07.2010

136 Героев Советского Союза. А 16 сентября 1945 года здесь состоялся парад в честь 200-летия полководца, который принимал маршал К.К. Рокоссовский. Ну, а Ю.К. Ганнибал, отдав в октябре 2000 года дань памяти герою XIX века, собрал с окружающих мемориал М.И. Кутузова дубов желуди, привез их в Санкт-Петербург и сейчас дарит выращенные саженцы в монастыри и воинские части.

2 октября 2020 года мы отметили 120 лет со дня рождения Константина Константиновича Ганнибала. Это семейная дата памяти. Умер он для нас — формально, по документам и свидетельствам очевидцев — в июле 1946 года. Но на его могиле написана другая дата: 1945. И это, по большому счету, не ошибка. Ведь есть история отдельного человека и его семьи — а есть история страны, и есть мировая история. Разные

масштабы, разная смысловая нагрузка, обращение к разному по величине и составу сообществу людей. Правда факта здесь заменена на правду смысла. Дата «1945» важна для общественного сознания и для истории в целом, отвечает великому значению событий, происходивших здесь 75 лет назад, и не противоречит судьбе и заслугам нашего героя, и поэтому она справедлива.

Следует отметить, как менялись слова, выбитые на памятной стеле. Первоначально было существенно то, что здесь покоятся защитники нашей Родины, и это так. На новом обелиске они же — «советские воины, погибшие во время 2-й мировой войны». Положение наших могил в середине Европы обязывает. Люди не были и не бывают святыми, но эти могилы должны быть для нас священными.

И, наконец, о сохранении могил советских воинов в Польше. Любые факты вандализма отвратительны по своей сути, а война с памятниками везде выглядит довольно глупо. Но каждая страна вправе формировать свое отношение к событиям прошлого, писать свою историю, ставя самое себя в центр исторического процесса. При этом надо отдать должное польским властям и общественным организациям, а также отдельным людям, которые на протяжении уже почти целого столетия поддерживают в достойном состоянии, напомним, более 600 кладбищ наших солдат. Одно из них, близ города Хоцянув, тому хороший пример, и там, на обелиске, начертано «Вечная память советским воинам, павшим в борьбе с фашизмом за освобождение Польши». А недалеко, в районе города Легница с 1998 года и по сей день существует частный музей Советской армии.

Александр Кузьмин

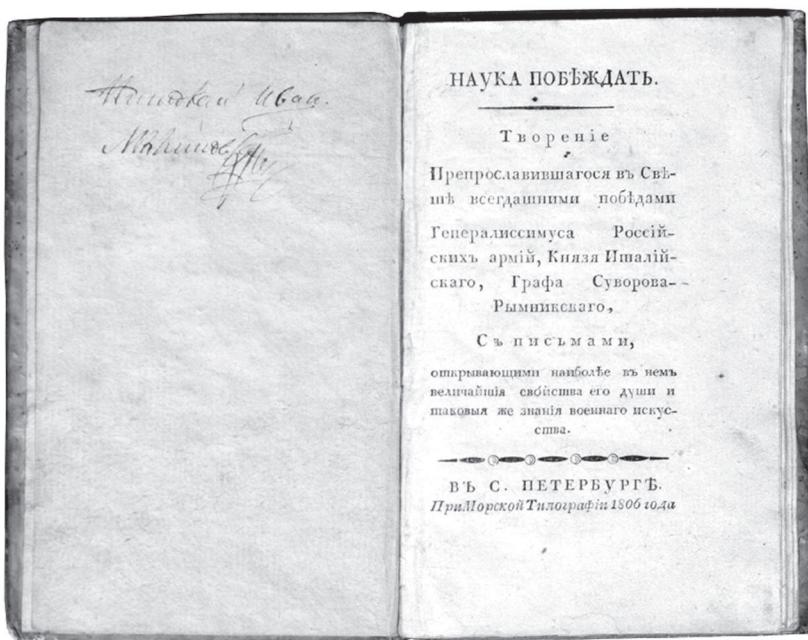
ИМЯ СУВОРОВА НА ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ

В 60-ю годовщину Победы Государственный мемориальный музей А.В. Суворова устроил выставку и выпустил буклете, посвященный ордену Суворова. Но, как часто бывает — всем все понравилось, кроме одного человека, который никак не мог понять: а почему такое название? Ведь на знамени Победы, которое на Рейхстаг подняли Кантария и Егоров, ордена Суворова не было. Но там не было и тех слов, которые сегодня на нем имеются.

И ему было трудно втолковать, что Знамя Победы — понятие об разное. За тем, историческим, кумачовым стягом стояли и трудное время поражений, и тяготы военной жизни, и надежды людей на победу, и радость фронтовиков и тружеников тыла, когда Победа пришла. День Победы — квинтэссенция, сгусток всего прожитого страной и советскими людьми с 22 июня 1941 года до 9 мая 1945-го. Тем не менее, учитывая нюансы, правильнее эту тему назвать «Имя Суворова на знамени Победы».

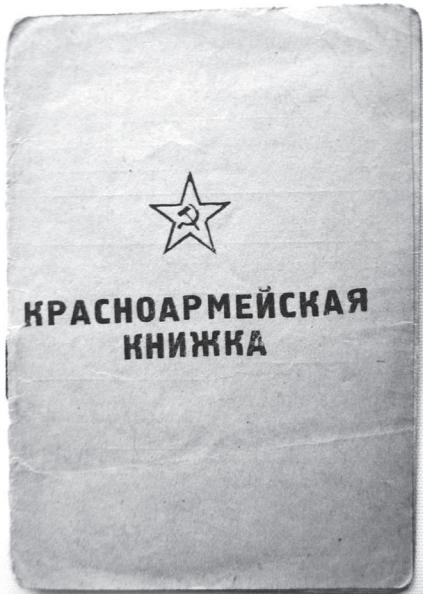
*Знамя Победы. Подлинник хранится
в Центральном музее Вооруженных сил (Москва)*

«Наука побеждать» А.В. Суворова,
изданная в Санкт-Петербурге в 1906 году

И еще один экскурс. 12 апреля 1981 года, в день двадцатилетия гагаринского полета, я, помня об этом событии и колоссальном всплеске радости и патриотизма у людей, спросил маму, которая была фронтовичкой: какова для нее эта дата? И она сказала то, что я запомнил на всю оставшуюся жизнь: такой радости, как день Победы, больше не было. И в этом понятии — Знамя Победы — все и вся.

В том числе и человек XVIII столетия Александр Васильевич Суворов — генералиссимус всех российских войск, кавалер всех российских и ряда иностранных орденов, но главное — автор книги «Наука побеждать», актуальной и сегодня. Правда, когда музею в 2004 году исполнилось 100 лет, на различных мероприятиях, посвященных этому событию, часто, особенно от журналистов, приходилось слышать: дескать, Суворов устарел, он не актуален, как и весь XVIII век, а его учение в век танков и самолетов никому не нужно. Отвечая на подобные нападки, мы задавали контрвопрос — а актуален ли сегодня закон Архимеда? Не

*Книжка красноармейца.
Такая форма была установлена
в 1918 году, утверждена приказом
в 1919 году. В этом виде существовала
до 1941 года*

ние, дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость — победа»... Кстати, ряд положений суворовской науки побеждать были включены и в «Книжку красноармейца», а именно: «Сам погибай, а товарища выручай»; «Никогда не отбивайся, а всегда сам бей, одними отбивами врага не одолеешь» (именно этот принцип применил Г.К. Жуков для стабилизации ленинградских фронтов и недопущения врага в город); «Откуда бы враг ни появился, его всегда можно достать либо пулею, либо штыком», и другие.

Говоря о воспитании солдат, надо обратить внимание на то, что Суворов уделял внимание моральной составляющей, в основе которой была вера в бога. Сам он верил в бога истово и был адептом этой веры. В каждом своем имении он строил церкви. Сам мог служить молебен, пел на клиросе. В его отношениях с людьми всегда лежало гуманистическое начало. Он требовал, чтобы обычай солдаты не обижали,

устарела ли геометрия Пифагора? Так и учение Суворова, его «Наука побеждать» актуальны, ибо это закон воспитания солдата, человека-воина. А люди, как известно, мало меняются в веках.

Поэтому постулаты этого учения, которое состоит из двух частей: «Вахт-парад», посвященной обучению солдат, и «Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом» во многом применимы и сегодня. Судите сами: «Всякий воин должен понимать свой маневр»; «Тяжело в учении — легко в походе; легко в учении — тяжело в походе»; «Три военные искусства: первое — глазомер, второе — быстрота, третье — натиск»; «Ученье — свет, неученье — тьма»; «Дело мастера боится»; «Послушание, обучение,

чтобы всегда были опрятны и следили за своим здоровьем, чтобы всегда, особенно в бою, верили в бога, который их оберегает и дает силы для победы.

Но после революции долгое время о Суворове и других исторических личностях России не вспоминали. Понадобилось два десятилетия, чтобы вернуть людям в советском государстве историю, в том числе и военную. Вычеркнутые имена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова и других стали вновь почитаемыми в народной среде. В конце 1930-х годов, несмотря на миролюбивые заявления всех сторон, пахло порохом предстоящей войны. Это вызвало необходимость активизации агитационно-массовой работы. Наряду с фильмами «Чапаев», «Щорс» были созданы замечательный (хотя и далеко не достоверный) фильм «Суворов» и блестательный фильм «Александр Невский». В свет выходят труды о жизни и деятельности российских полководцев. Создавались всевозможные художественные произведения. Но больше всего внимания уделялось изданию популярных книг и брошюр, рассчитанных на массового читателя. Издавались работы о полководческой деятельности, брошюры с афоризмами и изречениями генералиссимуса.

В свет выходят труды о жизни и деятельности российских полководцев.

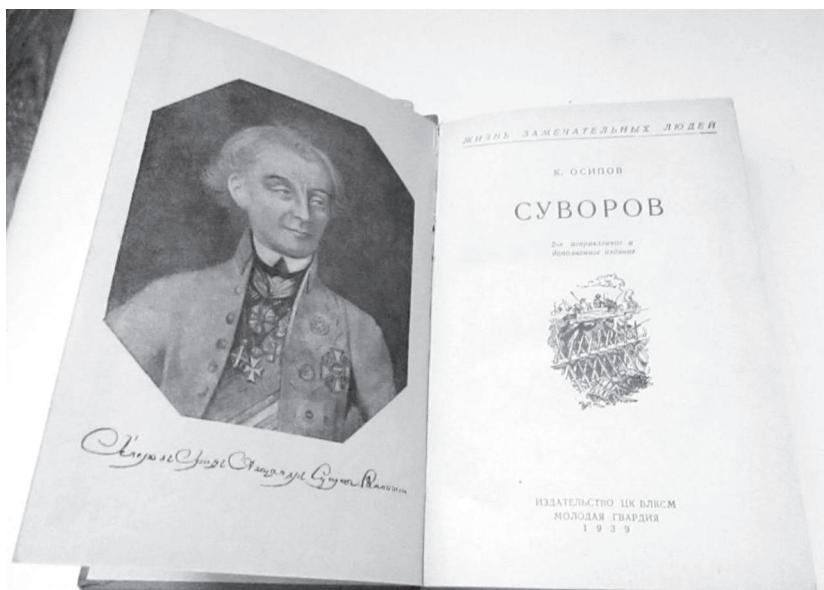
Суворовъ читаетъ въ церкви с. Кончанскаго „Апостолъ“.

Сѣ рис. Т. Шевченко.

Изъ Полевою: «Історія Суворова». Спб., 1848.

Суворов в церкви.

Рисунок Т. Шевченко. Из книги Н.А. Полевого «История Суворова» (СПб., 1848)

Обложка довоенной книги о Суворове из серии «ЖЗЛ» (Молодая гвардия, 1939)

В Артиллерийском музее в 1940 году в канун 150-летней годовщины штурма Измаила на базе предметов из фондов закрытого в 1918 году Суворовского музея открылся Суворовский зал.

Но не удалось избежать войны. В речи, обращенной к участникам исторического парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, Сталин сказал: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

И здесь надо отметить, что образ Суворова был востребован. Имя «Суворов» в годы войны носили танки и самолеты, хотя он сам и не догадывался об их появлении в будущем. Но и танкисты, и летчики, как известно, воевали по-суворовски.

В июне 1942 года, в дни тяжелейших боев на юге, когда советские войска под ударами немцев откатывались к Дону и Волге, а осажден-

ный Севастополь был уже обречен, было принято решение об учреждении орденов специально для награждения военачальников. Ордена называли в честь Суворова, Кутузова и Александра Невского. Этих трех великих русских полководцев выбрали из числа других знаменитых отечественных военных деятелей, среди которых первоначально назывались Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Петр I, Румянцев, Багратион, Денис Давыдов. Учреждение полководческих орденов произошло на следующий день после подписания знаменитого приказа Верховного Главнокомандующего № 227 «Ни шагу назад!». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года гласил:

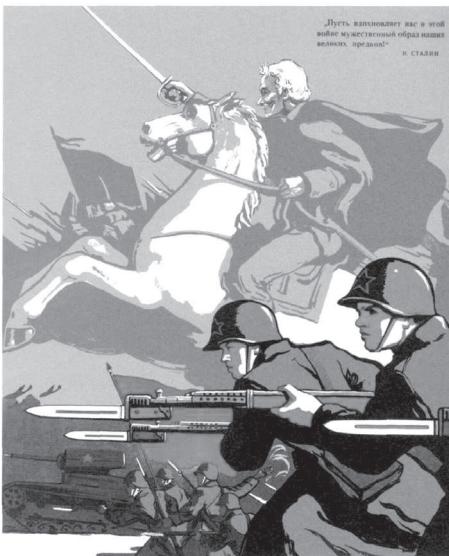
«Учредить для награждения командиров Красной армии за выдающиеся заслуги в организации и руководстве боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину военные ордена:

орден Суворова первой, второй и третьей степени;

орден Кутузова первой и второй степени;

орден Александра Невского».

Орденом Суворова награждались командиры Красной армии за выдающиеся успехи в деле управления войсками, отличную организацию боевых операций и проявленные при этом решительность и настойчивость в их проведении, в результате чего была достигнута победа в боях за Родину в Отечественной войне.

БЕЙ, КОЛИ, ГОНИ, БЕРИ В ПОЛОН!

А. СУВОРОВ

Плакат.

Из собрания Государственного
мемориального музея А.В. Суворова

Танк «Суворов». Фотография из собрания ГММ А.В. Суворова

Ордена Суворова всех степеней. Из собрания ГММ А.В. Суворова

Эскизы ордена Скокана. Из собрания ГММ А.В. Суворова

Орденом Суворова I степени награждались командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных управлений и оперативных отделов и начальники родов войск (артиллерии, воздушных сил, бронетанковых и минометных) фронтов и армий;

орденом Суворова II степени — командиры корпусов, дивизий и бригад, их заместители и начальники штабов;

орденом Суворова III степени — командиры полков, батальонов и начальники штабов полков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1943 года (статья 4) установлено (в дополнение к статуту ордена Суворова), что орденом Суворова III степени могут также награждаться командиры рот.

Орден исполнялся по эскизам художника Скокана.

Орден Суворова занял высшую ступеньку в иерархии полководческих орденов и оставался главной военной наградой СССР до появления в 1943 году Ордена Победы. В ордене был заложен ярко выраженный «наступательный» характер, что видно из статута. Орден I степени, например, давался «за отлично организованную и проведенную... операцию, в которой с меньшими силами был разгромлен численно превосходящий противник. За искусно проведенный маневр по окружению численно превосходящих сил противника, полное уничтожение его живой силы и захват вооружения и техники. За проявление инициативы и решительности по выбору места главного удара, за нанесение этого удара, в результате чего противник был разгромлен, а наши войска сохранили боеспособность к его преследованию...»

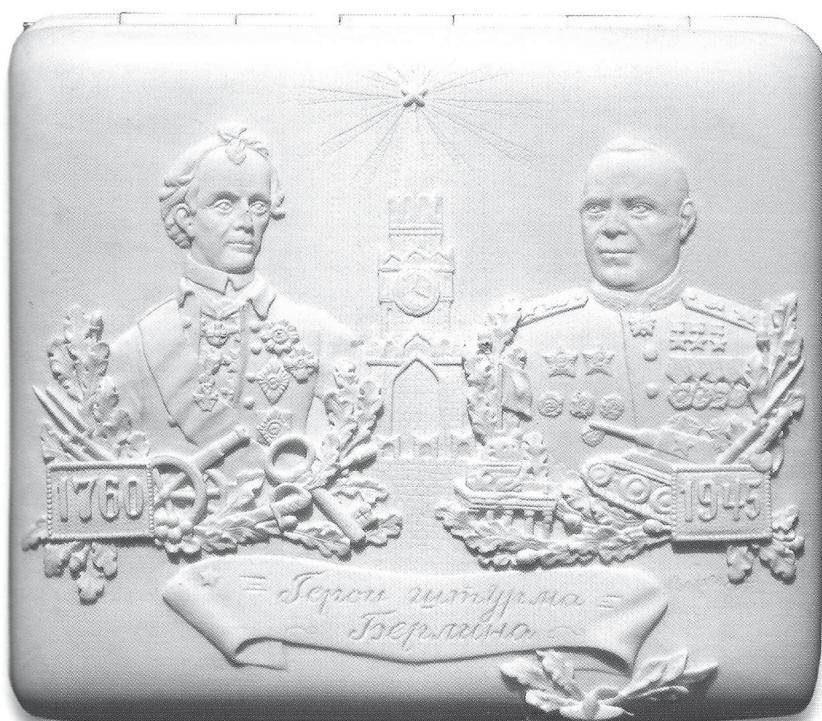
Василий Михайлович Баданов.
Фотография из собрания
ГММ А.В. Суворова

ки генерала Паулюса, окруженного под Сталинградом. Уничтожив на аэродроме более двухсот вражеских транспортных самолетов, 84 танка и 106 орудий, а также более 11 тысяч вражеских солдат, корпус организованно возвратился из рейда. За этот подвиг корпус был преобразован во 2-й гвардейский Тацинский ордена Ленина танковый корпус.

Первое награждение орденом Суворова I степени было произведено 28 января 1943 года: за умелое и мужественное руководство боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками были награждены 23 человека из числа генералов и маршалов. Среди награжденных были маршал Советского Союза Г.К. Жуков (знак ордена № 1), генерал армии А.М. Василевский (знак ордена № 2), маршал артиллерии Н.Н. Воронов (знак ордена № 3). Также были награждены генерал армии К.А. Мерецков, генерал-полковник Н.Ф. Ватутин, генерал-полковник Л.А. Говоров, генерал-полковник Ф.И. Голиков, генерал-полковник А.И. Еременко,

Таким образом, орденом награждались генералы и офицеры до командира батальона включительно, следовавшие принципам суворовской «Науки побеждать» и бившие противника не числом, а уменьем.

Первое награждение орденом Суворова состоялось Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1942 года. Орденом II степени был награжден командир 24-го танкового корпуса Юго-Западного фронта генерал-майор Василий Михайлович Баданов за проведение глубокого рейда по тылам противника с разгромом крупного аэродрома у станции Тацинская, с которого немцы осуществляли снабжение группиров-

Портсигар «Суворов и Жуков».
Из собрания ГММ А.В. Суворова

генерал-полковник К.К. Рокоссовский, генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский и другие.

И.В. Сталин тоже имел орден Суворова I степени. Кстати, в музее хранится костяной резной портсигар, на котором изображены Суворов и Жуков с орденами Суворова на груди. Подпись гласит: «Герои штурма Берлина».

Первым кавалером ордена Суворова III степени стал в феврале 1943 года майор Зиновий Николаевич Гаранин за нанесение большого урона превосходящим силам противника.

Среди кавалеров этого ордена есть и одна женщина. Это гвардии подполковник, командир 46-го гвардии Таманского легкобомбардировочного Краснознаменного Ордена Суворова III степени авиаполка Ев-

докия Давыдовна Бершанская (Бочарова) — кавалер ордена Суворова III степени.

Всего за годы войны было произведено 7 266 награждений орденом Суворова, в том числе 1 528 — соединений, частей и учреждений Красной армии. Такое количество награждений свидетельствует о том, что заветы генералиссимуса и его «Наука побеждать» были востребованы и помогали бить врага.

Но не только благодаря ордену и плакатам имя полководца вписано в историю Великой Отечественной войны. Важно отметить, что в год коренного перелома в войне были созданы суворовские военные училища в Советском Союзе. Решение об их создании было принято советским правительством в тот месяц, когда в августе 1943 года в небе над Москвой прогремел первый победный салют в честь завершения разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге.

В суворовские училища принимались в основном те мальчишки, чьи родители погибли, защищая страну. Эти училища были созданы при Министерстве обороны страны, ГПУ и МВД. Надо отметить, что суворовцы и по сей день ценят эту школу как основу предстоящего жизненного пути, как базу для воинского братства и патриотизма.

Как директору Суворовского музея мне постоянно приходилось быть в контакте и с суворовскими училищами, и с суворовцами разных поколений. Но особо запомнилась встреча с Валентином Сергеевичем Бобрышевым, когда он с должности командующего Ленинградским военным округом был отправлен в отставку. Надо сказать, что он и его части очень помогли музею Суворова в Кончанском возродиться в полном объеме. Воины округа построили подсобные помещения, церковь,

Евдокия Давыдовна Бершанская.
Из собрания ГММ
А.В. Суворова

*Музей-усадьба А.В. Суворова в селе Кончанском
(Новгородская область)*

*Н.Х. Рутковский. Встреча победителей.
Из собрания ГММ А.В. Суворова*

каретник, людскую... Поэтому я счел необходимым приехать к нему, чтобы сказать спасибо. Это произошло в марте 2005 года. Мы немного поговорили, а в конце разговора он спросил: «Как вы думаете, я достоин имени Суворовца?» Что тут скажешь.

Проходят годы и десятилетия, от Карлсхорстского акта нас отделяет уже свыше 75 лет, но память о той войне продолжает жить. Все, что связано с Великой Отечественной и Победой нашего народа, дорого нам и почитаемо. И хоть наш музей уже более тридцати лет не военно-исторический, а — как и при основании — мемориальный, сохранение памяти о подвиге народа в Великую Отечественную, воспитание молодежи на примере патриотизма и героизма ее участников остается одной из важнейших музеиных задач. И мы всегда стараемся донести до посетителей, что имя Суворова навсегда написано на Знамени Победы.

ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ПАМЯТНИКА «ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР» В СОХРАНЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ

До недавнего времени в состав Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» входили четыре уникальных храма-памятника. Построенные в разные эпохи, они охватывали весь столичный период истории Санкт-Петербурга. Два из них — Исаакиевский собор (1818–1858) и Спас на Крови (1883–1907) остались в составе музея, а Смольный (1748–1768, 1828–1835) и Сампсониевский (1710, 1728–1740) соборы несколько лет назад были переданы в пользование Русской православной церкви. В связи с темой традиционных Михайловских Пушкинских чтений «...во славу Руси ратной...» речь пойдет о Сампсониевском соборе — первом в Санкт-Петербурге храме-памятнике, возведенном в честь победы русского оружия.

В 1709 году, 27 июня по старому стилю, русские войска под командованием Петра I нанесли сокрушительный удар прославленной шведской армии Карла XII. Сегодня день Полтавской битвы — по новому стилю 10 июля — официально является днем воинской славы России. В 2019 году отмечалось 310-летие этой славной виктории. Музей была подготовлена передвижнаяотовыставка, целью которой стала популяризация исторического значения Полтавской битвы. Сражение определило ход Северной войны, в результате которой страна стала могущественной державой, царь Петр Алексеевич получил титул императора, а Петербург превратился из прифронтового маленького городка в столицу.

Сразу после Полтавской победы — блистательного триумфа и, как считал сам Петр, главной битвы своей жизни, он повелел заложить в Санкт-Петербурге храм. Построили деревянную церковь менее чем за год, и в 1710 году уже освятили в честь святого Сампсония Странноприимца, в день памяти которого и произошла битва. Направляясь на поля сражений Северной войны (она продолжалась еще почти 12 лет) по Выборгской дороге, ведущей в то время во владения шведского короля, русские войска, проходя мимо этого храма, должны были поднимать свой боевой дух, испытывая чувство гордости за победу русского оружия.

Музею архитектурный комплекс (собор, колокольня, часовня, памятник) был передан в 1984 году. Требовался целый ряд мероприятий по ремонту и восстановлению. Работы длились почти пятнадцать лет: было отреставрировано художественное убранство собора, приведена в порядок территория, захоронения. Вокруг собора в XVIII веке было устроено одно из первых городских кладбищ. На иноверческой части были похоронены известнейшие люди петровской эпохи, в том числе архитекторы, начинавшие строить Петербург: Д. Трезини, А. Шлютер, Г.-И. Маттарнови, Ж.-Б. Леблон и Н. Гербелль, скульптор Б.К. Растрелли, первый президент Академии наук Л.Л. Блюментрост, живописцы Л. Каравак, Г. Гроот и С. Торелли, фельдмаршал Б.К. Миних. В православной части Сампсониевского кладбища нашли последнее упокоение известный писатель-публицист и экономист петровской эпохи И.Т. Полосков, умерший в тюрьме Петропавловской крепости (точное место его могилы не установлено, но на южной стене собора в 1909 году была укреплена мемориальная доска) и, по некоторым сведениям, архитектор А.Ф. Кокоринов.

Кладбище фактически перестало существовать уже к XIX веку, могилы не сохранились. Некоторые старинные каменные плиты, датируемые 1725 годом и позднее, были обнаружены вокруг собора при раскоп-

Фрагмент передвижной выставки «И грянул бой, Полтавский бой!»

ках 1970–1980-х годов. В дни празднования 300-летия основания собора в 2009 году у стен храма музеем была установлена памятная стела с крестом и надписью «В память о захоронениях кладбища XVIII века».

Единственным из сохранившихся надгробий является памятник «Врагам Бирона». Он был установлен в 1885 году по проекту Михаила Щурупова на предполагаемом месте братской могилы трех государственных деятелей XVIII века: кабинет-министра А.П. Волынского, архитектора П.М. Еропкина и советника Адмиралтейской конторы А.Ф. Хрущова, казненных за выступление против Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны.

В 1999 году, к 290-летию Полтавской битвы, которое совпало с празднованием 200-летнего юбилея Александра Сергеевича Пушкина, собор открылся для посетителей. В своем дневнике Пушкин писал: «Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы» (XI, 269). Вниманию гостей была представлена интересная межмузейная выставка, посвященная знаменательной битве. Но территориально собор расположен не в туристической зоне, а в рабочем районе, и первых посетителей (фактически захожан, которые приходили в открывшийся собор просто узнать, какая контора теперь здесь находится) надо было не потерять, заинтересовать, чтобы тема Полтавы не оказалась скучной и недоступной. Безусловно, использование текстов хорошо знакомой по школьной программе и жителям, и гостям города разных поколений поэмы Пушкина «Полтава» способствовало более легкому восприятию экспозиционного материала.

Интерьер собора. Главный иконостас. XVIII век

Знаменитые строки «И грянул бой, Полтавский бой!» стали и названием передвижной выставки, премьера которой состоялась в Музее истории города Печоры. Выставка знакомит не только с самим историческим событием, но и, конечно, с Сампсониевским собором.

К 1740 году он уже был перестроен в камне и считался одним из богатейших в новой столице. Здесь хранились личные дары Петра I, печатное Малое Евангелие 1703 года, имеющее посвящение цесаревичу Алексею, две иконы «Образ святого Николая Чудотворца в житии» с 32 клеймами и «Святые Иоанн Воин и Михаил Малеин» в рамках 1763 года в стиле рококо.

Ярким образцом стиля барокко является главный иконостас собора. Резной пятиярусный с золочеными резными элементами, он считается самым большим из сохранившихся в Петербурге, а по художественным достоинствам не уступает иконостасу Петропавловского собора.

Сохранились все иконы главного и двух боковых иконостасов. Иконы XVIII века, часть их выполнена мастерами Оружейной палаты и имеет подписи Квашнина и Поспелова.

Чудом сохранились престол главного алтаря и надпрестольная сень. Исследователи относят время их создания к 1730-м годам, подчеркивая при этом, что подобного престола в России больше нет. В 1885 году

Настенная роспись западного люнета «Петр I».

Неизвестный художник. 1760-е годы

по требованию Синода причудливая резьба была закрыта мраморными плитами, и четверть века никто не подозревал о существовании подобной красоты. Свод сени украшен росписью, выполненной по холсту. Тщательно отреставрированные музеем, престол и сень занимают сегодня важное место в литургическом пространстве Сампсониевского собора.

Уникальны по своей исторической и художественной ценности Лицевые святцы — двенадцать икон с клеймами на каждый день в двух больших золоченых деревянных резных рамках. Датируются иконы рубежом XVII–XVIII веков. На протяжении всего трехсотлетнего существования собора иконы жили и видоизменялись вместе с ним — их подпиливали и подгоняли под интерьер деревянного храма, надставляли и, возможно, дописывали в каменной церкви, неоднократно поновляли и реставрировали. Лицевые святцы Сампсониевского собора — самые большие по размеру и наиболее полные по составу среди икон подобного типа, сохранившихся в Санкт-Петербурге.

Особый интерес представляют монументальные росписи собора.

Изображение Каплуновской Божией Матери выполнено в период юбилейной реставрации собора 1909 года.

Перед Полтавской битвой Петр I повелел благословить воинов чудотворным образом (списком Казанской иконы Божией Матери, принесенным в 1689 году в село Каплуновка), а после победы украсил его серебряным позолоченным окладом с драгоценными камнями и венцом в виде короны над главой Богоматери и поместил в серебряный киот. В память об украшении иконы царем списки с нее всегда имеют изображение короны.

Теме Полтавской битвы посвящена также роспись неизвестного художника (датируется 1760-ми годами) в западном люнете, напротив

главного иконостаса, с изображением императора Петра с воинскими доспехами и с атрибутами власти, что крайне редко встречается в иконографии православных храмов.

Из шатра...
...Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза.
(V, 56)

Двухсотлетний юбилей Полтавской битвы отмечался особенно торжественно. Стал он памятным и для храма — указом Николая II Сампсониевской церкви был присвоен статус собора; на южном и северном фасадах колокольни были установлены чугунные мемориальные доски с текстами речей Петра I, обращенных к воинам-участникам Полтавского сражения; перед собором открыт памятник Петру I, выполненный по модели скульптора Марка Антокольского (памятник демонтирован в 1937 году).

В год 300-летия победы под Полтавой в Санкт-Петербурге прошел ряд праздничных мероприятий, в которых Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» принял активное участие. Празднование юбилея началось с торжественного богослужения в Сампсониевском соборе. Перед восстановленным по инициативе и на средства Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» памятником Петру I состоялся парад-смотр частей Ленинградского военного округа и концерт с участием хора музея. В честь праздника был произведен полуденный выстрел из пушки Петропавловской крепости. Фондовые предметы музея были представлены на межмузейной выставке «Совершенная виктория», организатором которой выступил Государственный Эрмитаж. Среди экспонатов можно было увидеть макет Сампсониевского собора, напрестольное Евангелие (XVIII век), некогда в соборе находившееся, и икону Святого Сампсония Странноприимца (XVIII век). В свет вышла книга, рассказывающая об истории создания церкви, о строительстве и реставрации каменного храма, о судьбе собора после 1917 года и о его возрождении в наши дни.

С 2010 года в Сампсониевском соборе стали проводиться ежедневные богослужения. А три года назад он был передан в управление Санкт-

Петербургской епархии Русской православной церкви. При этом на музей были возложены функции сохранения убранства Сампсониевского собора — в первую очередь икон, датируемых в основном XVIII веком, к тому же — подписных. Иконы являются неотделимой частью интерьера Сампсониевского собора и как федеральная собственность входят в состав государственной части музеяного фонда Российской Федерации и имеют принадлежность к собранию музея-памятника «Исаакиевский собор». Музей осуществляет контроль состояния икон, проводит профилактические работы по их сохранению и реставрации.

По имеющимся наблюдениям, с момента возобновления ежедневных богослужений наиболее уязвимыми с точки зрения сохранности оказались иконы первых ярусов южного и главного иконостасов. Именно на них, согласно хранительской документации, наблюдались следы набрызгов и натеков воды и воска. Иконам, находящимся на диаконовских вратах, кроме того, угрожали механические повреждения в виде царапин и сколов. Необходимость уберечь памятники XVIII века от негативных воздействий, неизбежных в условиях действующего храма, привела к решению установить к отдельным иконам защитные стеклянные экраны.

Сложность изготовления стеклянно-металлических конструкций оказалась в том, что при схожих на первый взгляд параметрах размеры как самих икон первого яруса, так и ниш, в которые они установлены, отличались. Поэтому потребовалась разработка оригинальных проектов по каждой иконе. При проектировании конструкций следовало создать условия для циркуляции воздуха между стеклом и живописной поверхностью, а также предусмотреть возможность свободного доступа к памятнику для осмотра его сохранности и проведения профилактических и реставрационных работ.

К настоящему времени в Сампсониевском соборе завершены работы по установке к иконам стеклянных экранов. Конструкции выполнены из пятимиллиметрового закаленного бесцветного стекла. Они закрывают большую часть поверхности иконы, повторяя изгибы иконной доски, имеют полированную кромку. Деликатно подобранный цвет фурнитуры (полированная латунь), с помощью которой крепятся стекла, не противоречит цветовому решению иконостасов. Несмотря на значительные габариты и вес, прозрачные экраны не вызывают ощущения тяжеловесности, а при определенном освещении и вовсе остаются незаметными.

Было реализовано два типа конструкций: с открывающейся дверцей — для икон главного иконостаса, не открывающиеся — для икон южного иконостаса. Стеклянная защита появилась и на знаменитых лицевых святах Сампсониевского собора.

Еженедельным наблюдением за сохранностью икон и фиксированием изменений занимается хранитель фондов Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» Л.Г. Гребнева. Несколько раз в год для совместного осмотра приглашаются реставраторы высшей категории компании «Возрождение Петербурга» В.К. Стразов и А.Б. Дворников, а также реставратор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» В.А. Купцова.

До передачи Русской православной церкви Сампсониевский собор наряду с другими храмами-памятниками музея служил площадкой для проведения занятий с подрастающим поколением — в музее уже более пятнадцати лет работает сектор по работе со школами. Приоритетным направлением занятий, безусловно, является патриотическое воспитание. Память о воинской славе России, мужестве, стойкости и подвигах наших предков находят отражение в культурно-образовательной деятельности музея, занятиях по абонементам и итоговых играх в рамках программы «Музей — школе», формирующих основы национального самосознания и воспитывающих чувство гордости за свой город, страну, а также в методических разработках и составлении тематико-экспозиционных планов. Экспериментальный проект с тематическими занятиями был начат в 2005 году на двух площадках музеяного комплекса — в Сампсониевском и Исаакиевском соборах.

В 2004 году, к 60-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, в подвале Исаакиевского собора — одного из символов блокадного Ленинграда — была создана постоянно действующая экспозиция, посвященная труду музейных работников в годы Великой Отечественной войны.

Все суровые годы блокады сотрудники Объединенного хозяйства музеев, созданного на базе Исаакиевского собора, хранили тысячи произведений искусства, привезенных из некоторых музеев города и пригородных дворцов-музеев. Вместе с культурными ценностями в подвале работали и жили (зачастую без света и тепла) их хранители. Среди них Евдокия Лединкина (директор Объединенного хозяйства музеев), Серафима Балаева (главный хранитель), Анна Зеленова, Анна Чубова, Ирина Янченко и другие. Их памяти к 75-летию Великой Победы сотрудни-

Экспозиция «Чтобы помнили...» в подвале Исаакиевского собора

ками сектора была подготовлена межмузейная программа «Выстоять и сохранить!». Помимо Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» в этой программе участвуют Государственный Эрмитаж и Государственный музей истории Санкт-Петербурга. На занятия приходят ребята как из обычных школ и гимназий, так и курсанты военных училищ, нахимовцы и суворовцы, отдельные группы формируются для маломобильной категории посетителей. Они смотрят документальный фильм о блокаде и о работе музея в эти годы; посещают реконструкции помещений музеиного хранилища и комнаты главного хранителя; под звук ленинградского метронома возлагают цветы к мемориальной доске, где высечены имена всех сотрудников Объединенного хозяйства музеев — эвакуированных, погибших и тех, кто дожил до победного 1945 года — как дань уважения и памяти тех, кто в невыносимых условиях блокады, голода и холода, под обстрелом вражеских снарядов сохранил культурное наследие нашей страны.

**III. «От вас беру воспоминанье,
а сердце оставляю вам...»**
**Материалы VIII научно-практических
чтений «Библиотека в усадьбе»
(25–27 апреля 2019 года)**

Сергей Пинчук

**БИБЛИОТЕКА В ТРИГОРСКОМ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА**

Распространение книгопечатания в России во второй половине XVIII века сопровождалось ростом книжной культуры в дворянской семье, от чего напрямую зависел успех домашнего воспитания. Отсюда — исключительная роль усадебных библиотек и семейного чтения.

Во второй половине XVIII века в России именно литература занимает главенствующее положение среди публичных интересов, оказывая прямое воздействие на формирование общественного мнения. А занятия литературным трудом составляли привилегию, как правило, высшего общества. Как писал А.С. Пушкин в письме к французскому дипломату де Баранту в 1836 году, «литература стала у нас значительной отраслью промышленности лишь за последние двадцать лет или около того. До тех пор на нее смотрели только как на изящное аристократическое занятие» (XVI, 401).

Все это непосредственно повлияло на природу литературных увлечений Александра Вындомского, владельца усадьбы Тригорское с 1773 по 1813 год, оказавшегося тесно связанным с духом времени. «Любовь к книге была отличительной чертой характера владельцев Тригорского от отца и сына Вындомских до Прасковьи Александровны и ее детей»¹, — писала заведующая научной библиотекой Пушкинского Заповедника Ирина Вантрусова (Ирина Юрьевна Парчевская) в июне 1978 года не-

¹ Вантрусова И.Ю. Тригорская библиотека // Пушкинский край. 3.06.1978. С. 3.

задолго до восстановления интерьера библиотеки в доме-музее Тригорского в августе того же 1978 года.

Согласно семейному преданию, Александр Вындорский получил образование в Англии². Так пишет исследователь рода Вындорских — Н.Н. Кашкин, опираясь, в свою очередь, на письменное сообщение барона П.А. Вревского. Других документальных подтверждений этому нет. Но заметим, что парк в Тригорском был заложен хозяином именно в английском (романтическом), а не во французском (классицистическом) стиле, как у соседей в Михайловском или Петровском, усадьбах Ганнибалов.

Следует добавить, что в России в это время зарождается тип образованного дворянина (или вельможи). В наиболее знатных дворянских семьях во времена царствования Екатерины II детей знакомят с реалиями европейской жизни. После того, как ребенок получил домашнее образование (основы чтения, письма, математики, истории, географии, закон божий, иностранные языки, уроки музыки, танца, фехтования и прочее), его знакомили с европейской культурой. Родители составляли инструкции своим детям — что нужно посмотреть за границей, и отправляли их в путешествие на год или два. Если верить семейному преданию из трудов Н.Н. Кашкина, зафиксированному по сообщению П.А. Вревского, и учесть дневниковую запись А.Н. Вульфа о том, что дед был «человеком с умом и образованностью, приобретенною им самим собой», то Александр Максимович мог быть отправлен в подобное путешествие в Англию и получить какие-то знания самостоятельно. В то время в европейских университетах позволялось посещать любое число лекций — можно было приехать в любое время и записаться в качестве вольнослушателя, не числясь в университете и не имея никаких обязательств по этому поводу.

Можно допустить, что Вындорский был причастен к традиции образовательного путешествия, когда дворянин совершил обьеезд наиболее значимых европейских городов. Сюда входило посещение особо примечательных мест: исторических, архитектурных; знакомство с деятельностью фабрик (получение представлений о технологиях); знакомство с сельским хозяйством; посещение знаменитостей (например, известно, как страдал Вольтер от очередей желающих пообщаться с ним или просто посмотреть на своего кумира).

² Кашкин Н.Н. Родословные разведки. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 109.

После подобных выездов за границу дворяне начинали создавать различные общества, кружки, салоны по интересам, писать стихи, рисовать, организовывать домашние театры, активно читать и формировать домашние библиотеки.

При дворянских усадьбах формируется читательская аудитория, отличающаяся гражданским самосознанием.

Увлечение книгами становится настолько модным, что некоторые из собирателей книг, хваставшиеся своими коллекциями, представляли в глазах современников лишь собирателями, главной чертой которых была библиомания. Они могли предпочесть качественному литературному труду издание с опечатками и сомнительным содержанием только потому, что оно редкое. Дело доходило до того, что самые богатые вельможи устраивали роскошные домашние библиотеки, воспринимая их как обязательный модный интерьер, служивший символом богатства и власти. По этому поводу Сергей Алексеевич Тучков в одной из своих остроумных эпиграмм язвительно шутил:

Недавно наш Милон³ книг множество собрал
И, показавши их приятелю, сказал:
«Сколь много я здесь книг предорогих имею!
Я библиотекой похвастать, право, смею».
Но он ему на то: «Я зрю сие, мой друг,
Лишь только жаль, что ты в серали сей евнұх».

1789

Тем не менее, «книга вошла в повседневный быт»⁴. Домашние библиотеки образовывали, формировали мировоззрение, развлекали, могли служить и удобным рабочим местом. Обращаясь к книгам и журналам, дворяне более успешно развивали сельское хозяйство, производственную технику, аптекарские огороды, парковое искусство и прочее. Собственно, это был уже расцвет дворянских усадеб.

Александр Вындомский вполне мог гордиться своей великолепной библиотекой.

Первые упоминания о библиотеке в Тригорском мы находим в пе-

³ Милон — герой комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль».

⁴ Подробнее см.: Блюм А., Мартынов И. «О! Книги, книги прелюбезны!...» // Альманах библиофила. М., 1979. Вып. 6. С. 171–185.

реписке владельцев усадьбы, в том числе в переписке с Александром Сергеевичем Пушкиным. В письме от 29 июля 1825 года поэт пишет из Михайловского в Ригу Прасковье Александровне Осиповой: «*Nier j'ai rendu visite au château de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque*» («Вчера я посетил Тригорский замок, сад, библиотеку») (ХIII, 540).

О том, что эта библиотека была собрана именно Вындорским, читаем в биографической статье историка и публициста Михаила Ивановича Семевского «Прогулка в Тригорское». Статья вышла в 1866 году на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей». «В старину, как сообщил мне хозяин (Алексей Николаевич Вульф), библиотека эта была довольно велика, и в ней было много книг с дорогими гравюрами, она была собрана отцом его матери Вындорским, человеком, по своему времени, весьма образованным, находившимся в сношениях с Новиковым, едва ли даже не масоном и, как говорят, членом казанской ложи. Вындорский был прекрасный хозяин, любил читать и весьма хорошо рисовал»⁵.

Одной из основных исследовательских работ по этой теме является научная статья сотрудника Пушкинского Заповедника Татьяны Юрьевны Мальцевой «Пушкин — читатель тригорской библиотеки» за 1962 год, когда появилась идея воссоздать облик тригорской библиотеки при восстановлении дома-музея⁶. Согласно предположению Татьяны Юрьевны, книг на пушкинское время насчитывалось более 1 000 экземпляров.

Обращались к данной теме и другие сотрудники Пушкинского Заповедника: Галина Федоровна Симакина, Элеонора Федоровна Лобanova, Лариса Васильевна Левкова, Иосиф Теодорович Будылин, Семен Степанович Гейченко. Их труды ориентированы в основном на изучение особенностей пушкинского времени, на пребывание поэта в михайловской ссылке. Пушкин и его друзья Осиповы и Вульфы предстают как читатели тригорской библиотеки 1820–1830-х годов.

Официальными источниками для исследования тригорской библиотеки на сегодняшний день являются две описи. Первая за 1881 год: это описание имущества Тригорского с включением весьма поверхностного описания библиотеки Алексея Николаевича Вульфа после его смерти.

⁵ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское... / вступ. ст., сост. и примеч. С.В. Березкиной. СПб., 2008. С. 57.

⁶ Мальцева Т.Ю. Пушкин — читатель тригорской библиотеки // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С. 33–43.

Вторая — каталог библиотеки села Тригорского, составленный Борисом Львовичем Модзалевским в приложении к Отчету Отделению русского языка и словесности Императорской академии наук в 1903 году после поездки в Тригорское в 1902 году. Третья опись, самая обширная, к сожалению, не сохранилась: известно, что она включала в себя какую-то часть книг из Тригорского, которые перевезла оттуда в Голубово Ев-праксия Николаевна Вульф, когда вышла замуж за Вревского, а также большой состав книг из самой библиотеки Голубова, усадьбы баронов Вревских, которую просмотрел и описал в 1910 году Модест Людвигович Гофман⁷. Однако библиотека из Тригорского в 1913 году была Гофманом благополучно вывезена и доставлена в Пушкинский Дом, где находится и поныне⁸. Библиотека из Голубова, насчитывающая в начале XX века около 3 000 книг, погибла во время сожжения дома в 1918 году⁹ в период Гражданской войны.

В каталоге Модзалевского в отделе «Богословие, философия, политика и т. под.» на втором томе книги немецкого сочинителя К.Х. Шторма «Беседы с Богом в утренние часы на каждый день года» сделано указание на автограф П.А. Осиповой: «Изъ библіотеки Марії Аристарховны Вындоромской»¹⁰. Отсюда с определенной долей уверенности можно сделать вывод о том, что библиотека в Тригорском была собрана не одним только А.М. Вындоромским, а складывалась из книг как Александра Максимовича, так и Марии Аристарховны, то есть обоих родителей Прасковьи Осиповой. В дальнейшем книжное собрание Тригорского пополнялось и другими членами семьи, друзьями и знакомыми.

Большинство из собранного все же относится ко времени жизни А.М. Вындоромского. Как отмечает и Т.Ю. Мальцева, это более двух третей всего состава библиотеки.

⁷ Письма М.Л. Гофмана к Б.Л. Модзалевскому. Часть I (1904–1921) / публикация Т.И. Краснобородько, при участии В.Р. Гофмана // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ежегодник Рукописного отдела на 2000 год. С. 211.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Там же. С. 211.

¹⁰ Модзалевский Б.Л. Каталог библиотеки села Тригорского: Приложение I к Отчету Отделению русского языка и словесности Императорской академии наук... // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 51.

В отчете Б.Л. Модзалевского библиотека была распределена по отделам. Приведем их названия, как в отчете:

- отдел I. Изящная литература (собрания сочинений, поэзия, романы, повести, альманахи и т. под.);
- отдел II. Руководства, детские книги, учебники, и т. под.;
- отдел III. История и вспомогательные науки;
- отдел IV. Естественные науки, медицина, география, путешествия;
- отдел V. Богословие, философия, политика и т. под.;
- отдел VI. Смесь (словари, журналы, искусства и пр.).

М.И. Семевский, давая краткий комментарий к содержанию библиотеки, отмечал большое количество «изданий новиковских», библиографических редкостей, среди которых те, что и самому историку прежде не попадались¹¹, старинные издания Сумарокова, Лукина, Миллера, собрание театральных сочинений «Российский театр», многотомный труд Голикова «Деяния Петра I».

Удивительное совпадение (а может быть, и не такое уж удивительное?) открывается при сравнении этого перечня наименований у Семевского и Модзалевского по библиотеке Вындорского с перечнем библиотеки казанского масона Александра Логгиновича Лихачева, сослуживца А.М. Вындорского по Семеновскому полку, где оба числились в должности квартирмейстеров, иначе говоря,unter-офицеров, которые «приготовляли квартиры и заботились о приискании продовольствия для той части, от которой они отправлены»¹². Александр Логгинович Лихачев в большом количестве приобретал книги по богословию, философии, юриспруденции, географии, истории, медицине, сельскому хозяйству, описания путешествий; все книги и журналы, которые только мог выписать. У Лихачева был также почти полный комплект книг, изданных Н.И. Новиковым¹³.

¹¹ Текст по сноски Семевского: «Например, хоть эта книга: «Дневные записки путешествия, из архипелагского, России принадлежащего, острова Пароса, в Сирию... Сергея Плещеева в исходе 1772 лета», СПб., 1773...» Подробнее см.: Семевский М.И. Прогулка в Тригорское. С. 57.

¹² Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / сост. М. Попов. М., 1911. С. 420.

¹³ Словарь русских писателей XVIII века: Лихачев А.Л. // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН [Электронный ресурс: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=1129>].

Как напоминание о принадлежности к масонскому движению А. Вындорского в библиотеке хранилась книга одного из первых голландских алхимиков Иоанна Исаака Голланда «Собрание разных достоверных химических книг, а именно Иоанна Исаака Голланда: Рука философов, О Сатурне, О растениях, минералах, Кабала и О камне философическом, с приобщением небольшого сочинения неизвестного автора о заблуждениях алхимистов...» (СПб., 1787). Наука начинала изучать окружающий мир на молекулярном уровне, что могли понять и признать далеко не все. Атомно-молекулярное учение распространялось по Европе. Огромную роль в этом процессе сыграл и российский ученый М.В. Ломоносов. Подобные вопросы научного характера не могли не волновать А. Вындорского, скажем, за обеденным столом, или в Обществе друзей словесных наук, или в переписке с друзьями и знакомыми. В библиотеке Вындорского находились какие-то из частей Полного собрания сочинений Ломоносова (возможно, все).

Среди книг по естественным дисциплинам были труды по экспериментальной физике (в переводе с немецкого языка М.В. Ломоносова), основания химии. Следом идут основания плоской тригонометрии, математика для артиллеристов и инженеров. Обращает на себя внимание «Краткое руководство к математической географии» (СПб., 1787). На книге есть надпись: «Ея Высокородія Парасковы Александровны Вындорской, 1787 года, іюля 27 дня». В 1787 году Прасковье было 6 лет, следовательно, данное руководство ей могли приобрести либо отец, либо мать — в любом случае книга является выбором Вындорских старшего поколения. Причем данное руководство едва вышло в свет, как уже появилось в семейной библиотеке Вындорских.

Немалую долю томов составляли книги исторической тематики. Среди них римская история сочинителя Ролленя в переводе с французского В. Тредиаковского, польская история, история покорения Мексики, история о японском государстве, описание городов китайского государства, житие Конфуция, наиславнейшего философа китайского, и, конечно, история России, история Франции, Англии, Германии, документальная проза далекой Америки.

В списке книг из тригорской библиотеки значится учебное пособие для самостоятельного рисования «Основательное и ясное наставление в миниатюрной живописи...» в переводе с немецкого Михаила Агентова (М., 1765). Надпись на книге говорит об ее принадлежности Александру Вындорскому. И мы понимаем, почему: как вспоминали его потомки, он хорошо рисовал.

Есть в списке библиотеки грамматика итальянская, французская, российская, словарь юридический, словарь мифологический. Еще одна книга с надписью «Изъ книгъ Александра Вымдонскаго» — «Описание древнаго славенскаго языческаго баснословия» (СПб., 1768) известнаго сочинителя Михаила Попова. Это сочинение было переведено въ концѣ XVIII века на французскій и немецкій языки, ставъ для ученыхъ Западной Европы однимъ изъ основныхъ источниковъ при изучении древнерусской мифологии. Но въ первую очередь книга открывала пантеон языческихъ боговъ и богинь у древнихъ славянъ, подобный тому, что былъ у грековъ, римлянъ и египтянъ, русской публике. Если у нихъ былъ Зевсъ, то у насъ — Перунъ, если у нихъ Гера, то у насъ — Мокошь, если у нихъ Афродита, то у насъ — Лада или Дива; Сварогъ отождествлялся съ Гефестомъ, Дажьбогъ — съ Гелиосомъ и такъ далее. Это говорило о величии славянскихъ племенъ и ставило российскую культуру на одинъ уровеньъ съ европейскимъ историко-культурнымъ процессомъ.

А Европа темъ временемъ уже была известна громкими литературными именами. Возвращаясь къ отдѣлу первому въ каталоге библиотеки, обращаемъ вниманіе, конечно, на имена творцовъ изящной литературы.

Это представитель испанского барокко Сервантес, яркие фамилии представителей английскаго и французскаго сентиментализма — Ричардсонъ и Руссо. Здесь же и основоположники классической трагедии во Франции — Корнель и Расинъ, и мастер комедии Мольеръ, избранные сочинения аббата Прево. Присутствуетъ въ списке имя французскаго поэта и гуманиста Жана Дора, воспевавшего Господа или победы французской короны, соединяя стихи на античный ладъ съ религиозными текстами, въ томъ числе съ псалмами. И, конечно, нельзя пройти мимо знаменитыхъ именъ Матастазио и Гольдони, прославившихъ итальянскій театръ.

Весь этотъ разнообразный по научной и литературной тематикѣ наборъ книгъ говоритъ о большой эрудиціи А.М. Вынѣдомскаго, о широтѣ его жанровыхъ интересовъ и вкусовъ. По сути, онъ былъ знакомъ съ лучшими образцами мировой классической литературы своего времени. И ведь многимъ изъ собраннаго въ библиотеке Тригорскаго впослѣдствіи пользовался А.С. Пушкинъ, что, несомнѣнно, делаетъ честь собирателю.

Такимъ образомъ, литературные занятія способствовали разностороннему развитию порядочного дворянина, воспитывали въ немъ духъ гражданственности, пробуждали эстетические чувства и гордость за национальную культуру. А главное, литература была важнейшимъ источникомъ знаний о достиженияхъ многовековой культуры человечества.

К БИОГРАФИИ СВЯЩЕННИКА ОПОЧЕЦКОГО СОБОРА ПЕТРА ПОГОНЯЛОВА — ОДНОГО ИЗ ВЛАДЕЛЬЦЕВ КНИГИ «СИСТИМА, ИЛИ СОСТОЯНИЕ МУХАММЕДАНСКОЙ РЕЛИГИИ» ИЗ СОБРАНИЯ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Книга сочинения князя Дмитрия Кантемира «Систима»¹ поступила в фонды нашего музея в 1976 году² за значительную по тем временам сумму 750 рублей вместе с 26 документами, найденными предыдущим владельцем в переплете этой книги. Столь высокую цену обусловила не только редкость издания 1722 года с сохранившейся гравюкой Алексея Зубова, но и принадлежность документов в переплете Абраму Петровичу Ганнибалу. В июне 1976 года торжественно открыли парадную залу Петровского, музея, посвященного предкам Пушкина, и прежде всего — знаменитому прадеду поэта Абраму Ганнибалу. Через год музей в Петровском был открыт полностью, и книга вместе с документами стала его мемориальным экспонатом (*см. Приложение в конце статьи*).

Этой книге посвящена одна из новелл С.С. Гейченко в его сборнике «У Лукоморья»³. Краткая характеристика издания и публикация полистной владельческой записи принадлежит автору этих строк⁴. Подробная информация о другом владельце этой книги, коллекционере Н.Н. Бирукове, имеется в книге Л.В. Козминой⁵. И если о времени владения Бирукова мы имеем исчерпывающую информацию (и его владельческая запись, и экслибрис датированы, и сам он — лицо в мире коллекционеров довольно известное), то о Петре Погонялове сведения ограничивались упоминанием его в «Описании Святогорского монастыря» игумена Иоанна (Псков, 1899) среди священноцерковнослужителей Опочецкого

¹ ПЗ-КП-2693. Инв. РК-до 1850-1.

² Акт № 11 от 27.03.1976.

³ Гейченко С.С. У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского Заповедника. Л., 1986. С. 420–421.

⁴ Ступина Е.А. Систима, или Состояние мухаммеданской религии // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы ; М., 2005. С. 63–65.

⁵ Козмина Л.В. Петровское: Поэт и Прадед. СПб., 2012. С. 40–44.

Преображенского собора, подписавших прошение на имя архиепископа Евгения (Болховитинова) о продлении крестного хода из Опочки во время проводов чудотворных Святогорских икон на первой неделе Петрова поста в Псков, датированное 21 марта 1821 года. Фамилия Погонялов часто встречается на страницах дневника И.И. Лапина, но имена у владельцев этих фамилий другие⁶.

Нам представилось важным максимально уточнить детали биографии «Опочецкого собора священника Петра Погонялова», чтобы понять, каким образом книга могла из семьи А.П. Ганнибала перейти к следующему владельцу. С.С. Гейченко характеризует этот переход так: «Она каким-то чудом очутилась в... Опочке у местного священника». В Государственном архиве Псковской области (ГАПО) удалось обнаружить довольно много документов, связанных с этим человеком. И самым простым было просмотреть клировые ведомости Преображенского собора города Опочки. Ближайшие по дате к 1821 году (из сохранившихся и представленных в ГАПО) были «Города Опочки Соборная Спасская церкви за прошлой 1823 год»⁷.

Вот что там сообщается:

Показание Священо и церковнослужителей действительных и пристарелых, и их жен и детей мужескаго и женскаго пола	Священник Петр Саввин 69 Дочь его Екатерина 32
Сколько кому от роду лет сообразно с скасками поданными по 7-й ревизии	Исправен. В Псковской семинарии обучался прозванием Погонялов
Каков каждый в чтении и пении, естли кто был в школах, то из которой уволен, а естли кто обучается, то в которой имянно, и как ему прозвание	Хорош. Вдов

⁶ См.: Лапин И.И. Дневник. Псков, 1997.

⁷ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 685. Л. 3–4.

Кто сколько был в прочих чинах где оними происходил и в каком году произведен в настоящий чин, и имеют ли грамоты	В 1780 году в Опочецкую Лукинскую церковь произведен во Диакона, 1785 в настоящий чин произведен в означенную Лукинскую церковь, в 1794 определен был во увещеватели, в 1796 переведен вторично в сей собор и определен был в Духовноеправление присудствующим и по Собору первым священником; в настоящем звании сороковой год и грамоту имеет
Кто с кем кое имеют между собою родство	Общая для всех запись в графе: Родства со священноцерковнослужителями не имеют
Не было ли за кем по консистории и духовному правлению подозрительных дел, если были, чем за оные штрафованы в котором году и не состоит ли под следствием	По указу Духовной консистории ноября от 9 дня 1800 года отказано быть присутствующим в Д[уховном] правлении за худые поступки как то: грубость, гордость, самовластие, безчинство и разломание на казенном пакете ему непринадлежащем казенной печати
Какими именно присудствующими кто замечен в дурных поступках	Не замечен

При этом подписи самого Погонялова в конце ведомостей, среди прочих церковнослужителей, не было. Не оказалось упоминаний о нем и в более поздних клировых ведомостях 1825 года. После просмотра сохранившихся метрических книг Преображенского собора 1826 года, указов Псковской духовной консистории за 1825 год и других объяснение нашлось в «Деле по жалобе Опочецкого помещика генерал-майора Чичагова о повенчании священником Опочецкого Преображенского собора Петром Погоняловым крестьян Ефима Фомина и Анну Петрову»: «Понеже ответчик по делу Опочецкого Преображенского собора священник Петр Погонялов сего 1824 года Августа 21 числа умер, то и дело сие прекратить»⁸.

Итак, Петр Саввич по прозвищу Погонялов, священник Опочецкого Преображенского собора с 1796 года, 70 лет от роду, 21 августа 1824 года умер. Таким образом, полистную запись в книге «Система» можно датировать 1796–1824 годами, а переход книги из библиотеки Ганнибалов в собственность Погонялова в этот отрезок времени, скорее всего, связан

⁸ ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2974. Л. 1–1 об.

с именем Петра Абрамовича Ганнибала. Увы, на главный вопрос любого пушкинского музея: «Имеет ли это отношение к Пушкину?» приходится ответить отрицательно. С Петром Погоняловым Пушкин вряд ли был знаком, поскольку священник умер в самом начале михайловской ссылки поэта.

Но следующий вопрос — что за человек был этот опочецкий священник и почему он пожелал иметь у себя подобную книгу, прямо скажем, выходящую за рамки круга чтения православного священнослужителя? И не просто хранил и читал, а сделал довольно длинную полистную запись, видимо, ценя это редкое издание.

«Ведомость города Опочки Лукинская церкви» за 1794 год⁹ добавляет сведения о его образовании и семейном положении. (Церковь бедная — «в облачении имеется недостаток»; «церковной денежной суммы ныне налицо семнадцать рублей; которые хранятся под присмотром оной церкви священника Петра Погонялова»; «прихожанами при оной церкви имеются все господские крестьяне; кроме 17 экономических дворов».)

При означенной Лукинской церкви ныне состоят в действительном состоянии священо- и церковнослужители	Священник Петр Погонялов, 40, женат У него дети: Иван, 14, находится в семинарии в школы синтаксисы Захарий, 2 женска пола двое
Каковы в чтении	—
Священник и дьякон умеет ли читать поучения	Умеет
Церковники знают ли петь по нотам	—
Кто был в семинарии; и чему обучался	Во Псковской находился семинарии, и в оной обучался философии, истории, и математической и политической географии
Кто какого поведения и не был ли за что штрафован или состоит еще под следствием	Поведения честного, штрафован ни за что не был и под следствием еще не состоит

⁹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 667. Л. 16–17.

Кто женат, вдов или холост	Женат
Какой природы? Какими происходили чинами? и где? и с коего времени в настоящем звании?	Природы действительной, священнической сын: и по выпуске из семинарии, 1775 года января 13 дня был определен того же города к Сергиевской церкви во дьячка, при оной в стихарь посвящен, где и находился по 1777 года декабря 15 число; в которое переведен дьячком же того же города в Успенскую церковь; где и находился по 1780 года июня 19 число; и в оное посвящен в диакона того же города в Лукинскую церковь; где и находился по 1789 года января 31 число; в которое по представлению духовного правления и атестату всего города переведен в соборную того же города церковь диаконом же; где и находился по 29 число июня; и в которое посвящен во священника в сию Лукинскую церковь: сего 1794 года, августа 11 числа, резолюциею его преосвященства определен сего города во увещевателя подсудимых

Л. 17 об.: Города Опочки Лукинский церкви священник Петр Погонялов руку приложил.

Да и вся ведомость Лукинской церкви написана рукой Петра Погонялова.

Теперь необходимо обратиться к истории Псковской семинарии и прокомментировать обучение Петра Погонялова в ней философии, истории и математической и политической географии. Мы использовали информацию «Очерка истории Псковской семинарии» А.С. Князева¹⁰. Первоначально при Псковском архиерейском доме была открыта Славяно-Российская школа, где детей духовного сословия учили «читать по церковной печати и писать по-русски». Затем был открыт писарский класс, в котором учили «читать по-русски и по-латыни и продолжали учить читать Часослов и Псалтирь». В 1733 году был открыт первый латинский класс, а в 1738 году «в Псковских духовных школах были уже следующие классы: Славяно-Российский..., Фара, Инфима (соответствовавшие Низшему Отделению Духовных Училищ, Грамматический, Синтаксический (соответствовавшие Высшему Отделению

¹⁰ Князев А.С. Очерк истории Псковской семинарии от начала до преобразования ея по проекту Устава 1814 года. М., 1866.

Уездных Духовных училищ), Пиитический, Риторический (соответствовавшие Низшему Отделению нынешних Духовных Семинарий). В 1739 году введен класс Философский, а в 1746 году... открыт и класс Богословский. Все эти классы в совокупности составляли одно учебное заведение¹¹. «Главными предметами обучения в Псковских Латинских школах, как самыя названия классов их показывают, были: Латинский язык, Пиитика, Риторика, Философия, Богословие. Но какие в них преподавались предметы второстепенные, ...об этом почти ничего определенного сказать не можем, по недостатку данных... Физика и Греческий язык преподавались в Псковских духовных школах и до 1765 года»¹². В 1773 году приказано было от Преосвященного всех семинаристов учить простому пению, а понятнейших и партесному. В 1774 году открыт класс Немецкого языка. В 1776-м — классы Французского и Польского языков¹³.

Но наш герой выпущен из семинарии в 1775 году и последних предметов уже изучать не мог (но все-таки изучал — см. ниже). Как мы понимаем, доучился он до предпоследнего класса, «философского», а из дополнительных предметов обучался «истории и математической и политической географии». Можно сказать, что для своего круга и времени Петр Погонялов был весьма образованным человеком.

Клировая ведомость 1794 года дает нам сведения о семейном положении — Петр Погонялов женат, и у него дети: «Иван, 14, находится в семинарии в школы синтаксимы. Захарий, 2. Женска пола двое». Эти сведения пригодятся нам позже.

В архиве сохранились дела, свидетельствующие, что Погонялов отличался беспокойным и неуживчивым характером — жаловались на него, жаловался он сам. Во многих документах отмечается гордость и упрямство этого человека. Особенно доставалось городничим. Участок Погонялова находился «на улице, простирающейся на городскую площадь»¹⁴ (где находился собор, в котором он служил более 25 лет). А Погонялов то срубы и строительные материалы на виду у всех сложит, то свиней выпустит свободно гулять по городской площади, то свой ветхий забор подопрет «безобразными рогулинами» — и только указами

¹¹ Князев А.С. Очерк истории Псковской семинарии... С. 5.

¹² Там же. С. 6. Подробнее про семинарские классы во второй половине XVIII века см. там же, с. 32–33.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 643. Л. 4.

Псковской духовной консистории можно было принудить «Опочецкого Преображенского собора священника Петра Погонялова к выполнению по объявлениям от тамошней градской полиции перемещения состоящего при доме оного священника совершенно ветхого и уже грозящего падением и делающим безобразие — заборника по плану, а также и к линированию против домов его священника улицы»¹⁵.

Однако вернемся к биографии Петра Погонялова. Мы располагаем сведениями еще одной клировой ведомости — «Города Опочки соборные церкви за 1806 год»¹⁶.

Показание священно- и церковнослужителей действительных, также и престарелых, их жен и детей мужеска и женска пола	Второй священник Петр Погонялов
сколько кому от роду лет сообразно с сказками поданными к 5 ревизии	52
каков каждой в чтении и пении. если кто был в школах, то из которой уволен. если обучается, то в которой имянно, и как ему прозвание	Исправен Обучался в семинарии истории географии и французскому языку и уволен из философии
Какого кто состояния, вдов или холост или двоеженец	Хорошаго / вдов
Сколько кто лет был в прочих чинах; где оними происходил, и в котором году произведен в настоящий чин; и имеют ли грамоты	В 1780 году произведен в опочечскую Лукинскую церковь диаконом. В 1789 переведен в сей собор и того же года произведен в настоящий чин в означенную Лукинскую церковь. В 1794 определен был во увещевателя, а в 1796 переведен вторично в сей же собор, и определен был в духовноеправление вторым присудствующим, а по собору первым священником. Грамоту имеет
Кто с кем кое имеют меж собою родство	(графа о родстве пустая)

¹⁵ ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2590. Указ Псковской духовной консистории № 237 июля 17 дня 1820 года. Текст не очень связный, но это особенность большинства провинциальных документов того времени.

¹⁶ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 675. Л. 5–6.

Не было ли за кем по консистории и духовному правлению подозрительных дел, если были, чем за оные штрафованы по которому году, также не состоит ли кто под следствием	В 1800 году штрафован был за различные по правлению и приходу беспорядки отрешением от должности присутствующего в правлении, а ныне под следствием не состоит
в каких именно кто благочинным замечен в дурных поступках	В дурных поступках не замечены (общая запись для всех в графе)
Дети ево:	(указаны в графе сразу после Петра Погонялова)
Иван /29/	во Псковской семинарии префектом. Прозванием Лавров
Захарий /14/	в семинарии в инфимы. Прозванием Лавров
Екатерина /21	
У него ж, на его пропитании дочь вдова черницкаго погоста священническая жена, Пелагея /28 У ней дочери, Пелагея Лаврентьева /8 Анна -----/6	

Итак, дополнение к сведениям об образовании — «обучался французскому языку», а также полный состав семьи, с новыми деталями («вдов», на пропитании незамужняя дочь, дочь-вдова и две внучки). И, что для нас очень важно — старший сын выучился и стал префектом в Псковской семинарии¹⁷. И прозвание у него Лавров. Отметим, что это еще не фамилии, передающиеся от отца к сыну, а именно «прозвания», получаемые, как правило, учениками в семинарии. Поэтому и присутствовала в клировых ведомостях отдельная графа про родство между священно- и церковнослужителями одной церкви — и люди с одним прозванием могли не иметь между собой никакой степени родства. Беспокойный Петр Саввич Погонялов попытался исправить разность прозваний у себя и сыновей и получил отказ. Текст документа приведем полностью¹⁸.

¹⁷ Префект, позже инспектор — второе после ректора лицо в семинарии, его помощник по всем частям семинарского управления: учебной, нравственной и хозяйственной. См.: Князев А.С. Очерк истории Псковской семинарии... С. 13.

¹⁸ ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2110. О перемене фамилии Погонялова на Лаврова. Л. 1–1 об.

«№ 331-й

[получен?] Августа 2 дня 1815 года

Указ Его императорского величества самодержца всероссийского из Псковской Духовной Консистории, в Опочецкое Духовное правление; Консистория слушали: Прошение Опочецкаго Преображенского собора священника Петра Погонялова в коем изъясня, что два его сына первый Святогорского монастыря Игумен Петр и другой обучающийся во Псковской Семинарии прозвываются Лавровы, а он проситель на против того Погоняловым, — просил сию Консисторию доволить и ему священнику Погонялову прозвываться Лавровым же. И по выслушании ПРИКАЗАЛИ: поелику сие прошение священника Петра Погонялова есть не дельное и затеянное, то оставить без внимания, для объявления ему в оное Духовное Правление послать указ. Июля 29 дня 1815 года. Протоиерей Михаил Меншиков».

История игумена Святогорского монастыря в 1808–1818 годах Петра заслуживает отдельного доклада. «Петр Лавров был сыном опочецкого священника. Учился в Псковской духовной семинарии. Из риторического класса его отправили в Санкт-Петербургскую Медико-Хирургическую Академию, где он обучался анатомии, физиологии, ботанике, физике, математике. По прошению был уволен в Псковскую семинарию, откуда из философского класса его отправили в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, в которой изучал философию, экспериментальную физику, чистую математику, богословие, герменевтику, российское и латинское красноречие, российскую, церковную и всеобщую историю, медицину, еврейский, греческий, немецкий и французский языки. В 1804 году по окончании Академии Петр Лавров был определен учителем риторики, греческого языка, а затем и философии в Псковскую духовную семинарию. Преподавательскую деятельность совмещал с должностью префекта. В 1808 году постригся в монахи и на протяжении десяти лет являлся игуменом Святогорского монастыря»¹⁹.

В 1818 году его сменил игумен Иона, на долю которого выпало присматривать за ссыльным Пушкиным, а игумена Петра возвели в сан архимандрита и перевели в Мирожский монастырь. «Во время отсутствия ректора семинарии архимандрита Афанасия в 1819 году Петр исправлял

¹⁹ Кудрявцева О.А. Книжное собрание Мирожского монастыря // Псков. 2004. № 21. С. 36.

его должность, стал членом Духовной Консистории, а в 1820 году благочинным над Крыпецким монастырем. Умер 2 июля 1825 года и погребен в монастыре»²⁰.

После его смерти не оказалось в наличии казенных денег на сумму более 752 рублей. Поэтому его имущество было описано для продажи с торгов, и благодаря этому мы знаем состав его келейной библиотеки, проанализированный О.А. Кудрявцевой. Но «Системы» там не было. Возможно, архимандрит Петр просто не успел получить библиотеку умершего отца, хотя документы на дом в Опочке и межевые планы на земельные участки в описи были указаны. Мы можем предположить, что между отцом и сыном существовало и духовное родство, отец явно гордился успехами сына, а сын перед постригом просил время для того, чтобы посоветоваться с отцом об этом важном шаге; первоначально Ивану Лаврову предназначалось место игумена Крыпецкого монастыря, но по его просьбе он был назначен в Святогорский монастырь, чтобы быть ближе к родным, проживающим в Опочке²¹. Известно, что в 1819 году «Опочецкаго Преображенского Собора священник Петр Погонялов находится во Пскове и проживает в Мирожском монастыре у архимандрита с билетом, данным из Опочецкаго духовнаго правления от 22 числа генваря на пятнадцать дней для свидания с сыном его и других собственных его нужд»²².

Вполне вероятно, что книга «Система» могла попасть к Петру Погонялову от Петра Абрамовича Ганнибала через игумена Петра, человека просвещенного и интересующегося книжными редкостями.

В ГАПО есть еще документы о том, что в 1826 году дочь Екатерина с двумя племянницами оказалась наследницей после смерти отца и брата (видимо, и второй брат, и ее сестра-вдова к тому времени умерли). От отца остался дом, от старшего брата — казенный начет, который родственникам предлагалось погасить, чтобы получить имущество покойного архимандрита. Племянницы были уже замужем, Пелагея в Пскове, Анна в Верро (совр. Выру).

Эти два имени — Анна и Пелагея, в сочетании с довольно редким отчеством (Лаврентьевны), подсказали еще один источник информации, помогающей лучше представить и книжное собрание Петра Погонялова,

²⁰ Кудрявцева О.А. Книжное собрание Мирожского монастыря. С. 37.

²¹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 5039. Л. 15–15 об.

²² ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2415. О проживании Петра Погонялова в Мирожском монастыре. 1819. Л. 1–1 об.

и жизнь его близких, и даже расположение его дома и сада. Это довольно известный среди сотрудников Пушкинского Заповедника «Дневник Ивана Игнатьевича Лапина», который он вел с 1817 года. Как сообщает писавший о Лапиных псковский краевед Н.Ф. Левин²³, дневник «обнаружил опочецкий краевед Л.И. Софийский, цитировал в юбилейной книге «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914)» и предоставил для публикации в 11-м выпуске «Трудов Псковского археологического общества за 1914–1915 годы». Малоформатное иллюстрированное переиздание дневника, осуществленное в 1997 году, сделало его доступным и для современных читателей. А запись в нем от 29 мая 1825 года о посещении Пушкиным святогорской ярмарки часто использовалась исследователями и раньше».

С 1817 по 1819 год дневник полон упоминаний о встречах с Анной Лаврентьевной, в которую Лапин был влюблена. Изредка встречается и имя ее сестры Пелагеи. Согласно клировой ведомости в 1806 году Анне 6 лет, значит, в 1817-м — 17. Первое упоминание о ней в конце 1817 года: «25. Рождество Христово. Я был на вечеринке у Пелагеи и Анны Лаврентьевны, где провел вечер превесело в кругу прекрасных»²⁴.

В дневнике упоминается довольно много знакомых Лапину девушек, но только от Анны Лаврентьевны он получает книги для чтения:

«1818. 16 февраля. Читал книгу Анны Лаврентьевны [про] Бианку, любовницу Бонавентуры, коя ушла ночью с ним, не щадя богатством, наконец была за Франциском королем, с коим умерли вместе от смертельного яда...

24. ...В сей день получил от Анны Лаврентьевны российскую балладу Громобоя, которую и списал...

10 [июня]. В сей день Спаситель наш отправился в Св. Горы. От Анны Лаврентьевны получил я для прочтения книжечку в 2-х частях: «Молодой дикой или опасное стремление первых страстей» г-жи де Жанлис, которую с наивеличайшим удовольствием прочел.

11. От Анны Лаврентьевны получил книжечку: «Товарищ разумный и замысловатый». Был с ней в саду, где на дерновой софе или в липовой беседке наслаждались приятностью дня и слушанием пернатых певцов,

²³ См.: Левин Н.Ф. Опочецкие купцы Лапины // Электронная библиотека «Псковиана» [Электронный ресурс: <http://pskoviana.ru/istoriya/personsy/142-85-let-n-f-levinu/1127-levin-n-f-opochetskie-kuptsy-lapiny>].

²⁴ Здесь и далее цитируется по интернет-ресурсу: http://dugward.ru/library/alexandr1/lapin_dnevnik.html.

кои ежеминутно приятным пением своим и тихим порханием — один за другим — по кустарникам твердили, кажется, любовь...

15. Я, невзирая что уже в две ночи едва лишь смыкал глаза свои, решился и сей день провести не спавши, и вечером пошел к Анне Лаврентьевне — отнести одну из книжечек, посидел там часа три, занимаясь разными разговорами: то книжечками, то о немецком языке, и она мне читала немецкой азбуки несколько слов, выученных ею на память. В продолжение же времени я попросил у ней песенку, которую сказывает, что сочинял тятенька, т. е. отец игумен Святогорский. Содержание ее следующее:

ПЕСНЯ

Певец прекрасный, милый,
Приятный соловей!
Утешь мой дух унылый
Ты песенкой своей.
Ведь ты, мой друг, на воле,
Не в клеточке сидишь!
Почто ж так медлишь доле
И к милой не летишь?
Ужели отлетела
Подруженька твоя?
Увы! Судьба велела,
Чтоб розно жил и я...
Ах, если б хоть на время
Я крыльышки имел —
Прощай, печально время!
Я б к милой улетел.
В объятиях любезной
Я б век счастлив бы был
И в миг бы жребий слезный,
Весь мир бы позабыл.

6 сентября. ... В сей же день отдал ей книгу «Товарищ разумный и замысловатый» и отдал ей золоченые сережки, которые мне были вручены, чтобы жемчуг пересадить и исправить».

Наконец-то, в свете полученной информации, мы можем прокомментировать слова Анны Лаврентьевны в отношении игумена Святогор-

ского («сочинял тятинька»). Игумен Петр доводился ей родным дядей, и оставшаяся сиротой в раннем возрасте Анна вполне могла называть так заботившегося о всей своей семье игумена²⁵. Что касается песенки, то она добавляет интересный штрих к портрету Петра Лаврова. Не исключено, что в ней присутствуют автобиографические мотивы — ведь ради семьи и карьеры он принял постриг совсем молодым, в неполные 30 лет. После смерти игумена среди книг его келейной библиотеки упомянуты «разные рукописные сочинения на 160 страницах, написанные рукою архимандрита Петра»²⁶.

Необходимо сделать еще одно замечание, оправдывающее Петра Лаврова. Монастырские документы зафиксировали факт, что при осмотре Святогорского монастыря благочинным, что отмечено в его рапорте 25 августа 1810 года, были обнаружены многочисленные неполадки, а самого «игумена не было дома и после частых посылок за им явился через полуторы суток»²⁷. Издания советских времен приводили этот факт в качестве доказательства разгульной и пьяной жизни настоятелей²⁸. Теперь же мы можем утверждать, что игумен Петр всего-навсего навещал свою семью в Опочке.

Но вернемся к «Дневнику» Лапина. Многочисленны упоминания о встречах с Анной Лаврентьевной в саду (том самом, состояние забора которого так огорчало опочецких городничих): «[Июнь 1818] 13. В 7 часов вышед из лавок, как обыкновенно, пошли в сад к Анне Лаврентьевне с братцем Н.С., где час, я думаю, проводили в гулянии или рассматривании хорошего расположения цветников, и проч., проще ж время проводили то в липовой беседке, то, иногда, на дернозеленеющем диване».

Бывал Лапин и в доме Анны Лаврентьевны (то есть в доме ее дедушки Петра Погонялова):

«[Июнь 1818] 17. Вечером были у Анны Лаврентьевны С. с Николаем С., где проводили уже веселые часы не в саду, но в доме, в верхних комнатах, и там занимались разговорами о разных деревьях, кои

²⁵ Второй вариант — при публикации так могло быть прочитано слово «дядинька», что более соответствует действительности. В некоторых почерках на чертание букв «Д» и «Т» похожи. Рукопись не сохранилась, и проверить это мы не можем.

²⁶ Кудрявцева О.А. Книжное собрание Мирожского монастыря. С. 37.

²⁷ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 237. Л. 143 об.

²⁸ Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 282.

растут у них на окнах. Она показывала кипарисовое дерево, лимонное и проч.²⁹, также и о книгах, коими были наполнены шкатулки. Наконец, играли языком; тра-ра-ра-ра, и я с Ан. Лаврент. вальцеровал несколько минут, учились, как можно лучше, отдыхали несколько часов в объятиях пуховых подушек с любезными... и, наконец, я с Анной Лавр., пошел в другую комнату, где уже не столько были слышны громогласные звуки поцелуев Н.С. с Анной Семеновной, кои ежеминутно повторяли... Итак, сел с Анной Лавр., я на стул, стоящее близ окна, относящего взоры к лавке моей, где обыкновенно Анна Лавр. садится, и продолжали тихими голосами нежные песенки, и при сих-то приятных минутах я обещал написать несколько песенок; но при сладостных поцелуях расстались в 2 часа ночи.

18. Вечером вручил Анне Лавр., обещанные списать мною ей 3 песенки: 1) «Доколь, доколь несчастной», 2) «Ты погибель мою строя» и 3) «Люблю тебя, но тщетно». С нею мы с час посидели на столбочке, близ ворот лежащем и, получив в знак благодарности, жаркий поцелуй, расстался и — прямо домой, где не более как час проходил по горнице, поя песенку Анны Лаврентьевны: «Певец прекрасный, милый». В сладостном восхищении окончил вечер и успокоился сном ранее обычного, т. е. в 11 часов».

Наконец, два раза упоминается и сам Петр Погонялов:

«[Ноябрь 1818] 21. Вечеру был на улице, где было и множество девушек. Ночью же ходили с Ник. Слесаревым по улицам; наконец, подошли под окно попа Петра, где Анюта пела: «Взвейся выше песнопения».

[Апрель 1819] 30. Был ночью у Анны Лаврентьевны, где поговорили кое о чем, и она мне сказала, что «прости, пойду в Печеры Богу молиться», и за меня несколько обещалась и в знак своей приверженности сняла со своей руки золотой перстень и вручила мне в знак верности, доколе... И здесь мы долго бы еще провели времени в приятнейших разговорах; но строгая нога дедушки, которой он стукотал в верхней комнате, дала им знак, чтобы они шли ложиться спать с Пелагеей Лаврентьевной. Итак, получив от каждой по жаркому поцелую, удалился».

История этой любви закончилась ожидаемо — девушку выдали замуж по выбору родственников: «[1819] 5 ноября. Сочеталась Анна Лав-

²⁹ Отметим, что среди книг келейной библиотеки архимандрита Петра имелось несколько книг по ботанике и садоводству.

рентьевна с семинаристом, поступающим в город Веру в священники, Александром Семеновичем, который вчера приехал, т. е. 4-го, а 5-го поутру в 6 часов обвенчались, так что и я не был на свадьбе...» Впрочем, двадцатилетний Иван Лапин горевал недолго, и скоро в его дневнике появляются другие имена прекрасных «нимф». А мы, благодаря его записям, словно побывали в Опочке в гостях у строгого дедушки Петра Саввича Погонялова, видели его сад и дом с редкими деревьями и книгами в шкафах, посмотрели из окон комнаты его внучки Анны на лавку Ивана Лапина на рыночной площади рядом с Преображенским собором, в котором служил Петр Погонялов... А книга «Систима» — свидетель этих событий.

Подведем итоги наших разысканий. Книга «Систима, или Состояние мухаммеданской религии» из собрания Пушкинского Заповедника, о которой мы знали, что она принадлежала в XVIII веке Абраму Петровичу Ганнибалу, а в конце XIX — начале XX века известному библиофилу Н.Н. Бирукову, в первой четверти XIX века находилась в Опочке, у священника Преображенского собора Петра Саввича Погонялова, отца Святогорского игумена Петра (1808–1818). Книга могла попасть в собрание священника от Петра Абрамовича Ганнибала через игумена Петра. Не исключено личное знакомство Петра Абрамовича с Петром Погоняловым. Книгу также мог видеть Иван Игнатьевич Лапин, бывавший в доме священника и хорошо знавший его внучку Анну Лаврентьевну, по отцу Соловьеву, по мужу Устинову. Эта информация позволит использовать книгу не только в экспозиции Петровского, но и в проектах, посвященных истории Святогорского монастыря и Опочки.

Приложение

[Д. Кантемир]. Система, или Состояние мухаммеданской религии.
СПб., 1722. ПЗ-КП-2693 / РК-до1850-1. Современное фото

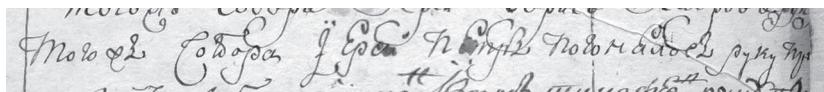
Монтаж полистной записи Петра Погонялова в книге «Система»

Городъ а почты букингемъ членъ Свѣту Европы
Мѣстъ Погоняловъ руку Примофиль.
Членъ членъ Франціи Николаевъ йменомъ

«Петр Погонялов руку приложил». Подпись 1793 года.

Клировые ведомости города Опочки. Лужинская церковь.

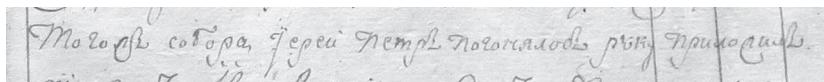
ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 667. Л. 17 об.

«Петр Погонялов руку приложил». Подпись 1802 года.

Книга записи всего церковного имущества Преображенского собора города

Опочки. ГАПО. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1013. Л. 25 об.

«Петр Погонялов руку приложил». Подпись 1806 года.

Клировые ведомости города Опочки соборной церкви.

ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 675. Л. 9

Лукинская церковь города Опочки.

Из: Уездные города Псковской губернии / ред.-сост. М.М. Медников.
Псков, 2004. С. 105

Торговая площадь.

Опочка, Псков. губ.

Торговая площадь города Опочки.

Из: Уездные города Псковской губернии. С. 96

Из книги Л. И. Софийского "Город Опочка и ее уезд"

Опочецкий Спасопреображенский собор. Заложен в 1780 году на деньги, выделенные графом З. Г. Чернышевым. Строялся в 1791–99 гг. городским головой С. М. Викулиным под наблюдением архитектора Ивана Парфенова. Взорван в 1937 году.

*Преображенский собор города Опочки.
Из: Уездные города Псковской губернии. С. 95*

*Внутренний вид Преображенского собора.
Из: Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем
(1414–1914). Псков, 2004. Рис. 26. (1-е изд.: Псков, 1912)*

Людмила Карпушикина

ФЕНОМЕН КНИЖНОГО СОЗНАНИЯ ГЕРОЕВ А.С. ПУШКИНА И М.Н. ЗАГОСКИНА

Авторское обращение к образу книги, читаемой литературным героем, — один из любопытнейших полифункциональных художественных приемов, имеющий в классической литературе богатую традицию. По словам Александра Михайловича Левидова, «великие русские писатели знали о «реактивных» свойствах книги, выбранной для чтения, и пользовались ею для характеристики своих персонажей»¹. Действительно, выбранная героем для чтения книга всегда выявляет как потенциальный вектор его устремлений, так и спектр его заблуждений.

Среди таких «реактивных» значений книги особо выделяется мотив «опасной книги» как феномен проекции литературного сюжета на реальность:

Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит...
(VI, 55)

К тому же влияние литературной модели на картину мира героини весьма значительно:

Ей рано нравились романы,
Они ей заменяли всё.
(VI, 44)

Эта всеобъемлющая, но несколько иронично утрированная характеристика Татьяны дала повод Ю.М. Лотману сделать вывод о том, что «привычные нормы построения сюжета романа становятся для Татьяны готовым штампом осмыслиения жизненных ситуаций. Для того чтобы раскрыть ложность данной (романтической) модели мира, строится перевернутая система: вместо «искусство — воспроизведение жизни» — «жизнь — воспроизведение искусства»².

¹ Левидов А.М. Автор — образ — читатель. Л., 1977. С. 312.

² Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 62.

Книга как коварный источник выбора романной модели поведения представлена в романе Михаила Николаевича Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1830). Для главной героини — Полины Лидиной — жизненным ориентиром становится сюжет романа госпожи Мари Коттен «Матильда, или Записки, взятые из истории крестовых походов» (1805). В центре повествования о третьем крестовом походе — любовь сестры английского короля Ричарда Львиное Сердце Матильды к брату султана Саладина Малек-Аделю. Рославлев рассказывает о впечатлении, которое произвела на Полину эта книга, когда они читали втроем с ее сестрой Оленькой: «Когда мы дошли до того места, где враг всех христиан, враг отечества Матильды, неверный мусульманин Малек Адель умирает на руках ее, — добрая Олеся, обливаясь слезами, сказала: «Бедняжка! Зачем она полюбила этого турка! Ведь он не мог быть ее мужем!» Но Полина не плакала, — нет, на лице ее сияла радость! Казалось, она завидовала жребию Матильды и разделяла вместе с нею эту злосчастную, бескорыстную любовь, в которой не было ничего земного»³.

Увлечение романным сюжетом наиболее ярко отзывается в «книжном сознании» Полины: «злосчастие» Матильды без поправок на обстоятельства собственной судьбы представляется ей истинным счастьем; камертоном такого резонанса становится ее жених Рославлев, речь которого выдает восторг удивления реакцией Полины на сюжет романа о Матильде. Иная реакция, поначалу представляющаяся скучной и слезливо-банальной, звучит из уст Олеся: любовь Матильды к Малек-Аделю она воспринимает как имманентную невозможность, хотя и всем сердцем сочувствует ей. То есть как проекция на жизненные реалии для Олеся этот сюжет возможен, но очевидна обреченность счастливого соединения судеб влюбленных, а значит, и нереальность переноса в земную сферу.

Загоскин создает еще один уровень восприятия описанного сюжета другом Рославлева — Зарецким, которому герой рассказывает о чтении романа. Здесь мы уже наблюдаем не эффект сочувственного отстранения от романного повествования, как у Олеся, а явное ироническое дистанцирование от подобных сюжетов: «Воля твоя, Вольдемар! — перервал Зарецкой, покачивая головою, — это что-то уж больно хитро! Как же ты, не будучи ни врагом ее, ни татарином, успел ей понравиться

³ Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М., 1959. С. 47.

и решился изъясниться в любви?»⁴ Трезвый взгляд Зарецкого как будто прогнозирует обреченность счастья Рославлева с Полиной, душа которой увлечена иными, романыми страстями.

Сюжет «Матильды» двояко отзыается в судьбе обеих сестер: Олењка, вопреки предостережению книги, влюбляется в того, кто не может стать ее мужем — в Рославлева, жениха сестры. Но, скрепляя себя и держа свое чувство в тайне, Олењка в финале обретает свое счастье с Рославлевым. Полина же буквально повторяет рисунок судьбы Матильды и ее «злосчастной» любви. Полина влюблена во французского полковника Синекура, и когда тот оказывается свободен от брачных уз и снова встречается ей во время войны, она вопреки тому, что сейчас он враг ее отечества, и вопреки данному Рославлеву слову, выходит замуж за француза. Готовность Полины преодолеть все трагические препятствия претерпевает жестокие испытания: после ее венчания с Синекуром на пороге церкви падает без чувств Владимир Рославлев, раненый герой, спешивший на встречу с невестой. На этом пике эмоционального напряжения сцена обрывается Загоскиным, но читатель вполне может предположить, через что и кого приходится символически переступить экзальтированной Полине.

«Любовный квадрат» Полина — Синекур — Рославлев — Олењка не занимает у Загоскина всего пространства романического повествования; это, скорее, необходимая пружина интриги, интенсифицирующая интерес читателя. Конечно, интрига действительно впечатляющая, даже вызывающая сомнение в своем жизнеподобии. Но еще Г.А. Гуковский в работе «Об источнике «Рославлева» указывал на статью о подобных жизненных сюжетах в «Сыне Отечества» за 1813 год: «И после содеяния нынешними пленными в отечестве нашем неслыханных святотатств и насилий русские благородные девицы не постыдятся вступить в супружество с участниками сих злодейств! О горе! О вечный стыд и срам!»⁵

Более критическое отношение, чем отзыв Зарецкого на мечтание Полины об участии Матильды, и более приземленное, нежели процитированное суждение, высказанное в журнальной статье, встречаем мы на страницах романа Загоскина. Условной романтической формуле «Любовь превыше всего и все оправдывает» автор противопоставляет

⁴ Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. С. 47.

⁵ Гуковский Г.А. Об источнике «Рославлева» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Институт литературы. М. ; Л., 1939. [Вып.] 4/5. С. 478.

высказывание патриотически настроенного родственника Лидиных, называющего путь Полины судьбой «неповитых дур». В данном контексте слово «неповитый» («неспеленутый») несет семантику неразумного своеволия, приводящего к трагедии. После московского пожара Синекур погибает, в Данциге умирает от голода их с Полиной ребенок, а Полину, которую французы считают не женой, а любовницей Синекура, поздно прозревшую и раскаявшуюся, в предсмертных муках настигает бомба русской артиллерии, которая нравоучительно ставит финальную точку в ее судьбе.

Таким образом М.Н. Загоскин вроде бы нравственно расставляет все точки над i, но Пушкина дидактизм современника не вдохновляет. Ни жизненные факты, ни художественное поучение Загоскина не устраивают Пушкина, предпочитающего «нас возвышающий обман». По словам В.С. Непомнящего, Пушкин «берет роман Загоскина «Рославлев» и пеняет автору, что тот неверно все написал, что на самом деле все было не так, а «вот эдак!» Одним словом, другие сочиняют, а он пишет то, что на самом деле. Они кое-что путают, а он расставляет все по своим местам»⁶. Как ни парадоксально, но авторской задачей для Пушкина становится реабилитация героянни литературного произведения посредством фиктивного «свидетеля» событий — подруги Полины, выступающей в роли рассказчицы.

Каким же образом Пушкин трансформирует сюжет Загоскина? Еще в примечании к «Евгению Онегину» Пушкин назвал Малек-Аделя, входившего в список романых «обольстителей» Татьяны Лариной, героем «посредственного романа M-me Cottin» (VI, 193). В частной переписке даже более досталось «Клариссе Гарлоу» Ричардсона в переводе Прево: «Читаю Кларису, мочи нет какая скучная дура!» (XIII, 123). Но вот что любопытно: когда П.А. Вяземский начинает в том же духе ругать Загоскина: «Не правда ли, что в Рославлеве нет истины ни в одной мысли, ни в одном чувстве, ни в одном положении» (XIV, 214), — Пушкин реагирует более снисходительно: «Ты оценил в трех строчках совершенно полно, но к которым можно прибавить еще три строчки: что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что все можно прочесть с удовольствием» (XIV, 221).

Пушкин в своем «Рославлеве» (частично текст был опубликован в журнале «Современник» под заголовком «Отрывок из неизданных

⁶ Непомнящий В.С. Пушкин. Русская картина мира. М., 1999. С. 529.

записок дамы») принципиально меняет не столько характер главной героини — Полины, сколько ее жизненный эталон. Образ книги Коттен заменен на реальные исторические ориентиры: Шарлотту Корде, Марфу Посадницу, княгиню Дашкову и собственно госпожу де Сталь, а не героинь ее романов. Полина восклицает: «Чем я ниже их? Уж верно не смелостию души и решительностию» (VIII, 1; 154). Пушкинская Полина, перечитавшая всю отцовскую библиотеку, состоявшую из французских книг («Руссо знала она наизусть» (VIII, 1; 150), за исключением сочинений Сумарокова, не заинтересовавших ее воображение, сохраняет экзальтированность характера, но ее вектор направлен на историческую реальность. «Целые часы проводила она, облокотясь на карту России, рассчитывая версты, следя за быстрыми движениями войск. Странные мысли приходили ей в голову. Однажды она мне объявила о своем намерении уйти из деревни, явиться во фр.<англ. > лагерь, [добраться до Наполеона] и там убить его из своих рук. Мне не трудно было убедить ее в безумстве такого предприятия — но мысль о Шарлотте Корде долго ее не оставляла» (VIII, 1; 155).

Неслучайно культурная память Полины для примера подражания выбирает не мифологический образ Юдифи, а более близкий, конкретно-исторический образ Шарлотты Корде, лишенный эротических коннотаций сюжета. Удивительно, но Пушкин уверенно отдает роль пылкого и здравомыслящего патриота (каким, безусловно, является Рославлев в романе Загоскина) — Полине, главными характеристиками которой станут честолюбие и «мужественная возвышенность ума» (VIII, 1; 154). На замечание подруги о том, что политика — не женское дело, Полина отвечает: «Стыдись... разве женщины не имеют отечества?.. Разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтоб нас на бале вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек?» (VIII, 1; 153).

На первый взгляд, обе Полины — и Загоскина, и Пушкина — объединены страстью подражания высокому образцу, но между ними — настоящая пропасть, поскольку объектами жизненного подражания, как мы убедились, становятся принципиально разные сюжеты: романтический книжный сюжет о жертвенной женской любви у Загоскина и возвышенно сформулированный в общечеловеческом бытийном пространстве сюжет о девушке, выбирающей принципиально иную роль в общественной жизни. Неслучайно направление книжного сознания рассказчицы на отношения Полины с Синекуром в область романной

сюжетности отвергается им, по крайней мере, как возможная мотивация поступков Полины: «Я смеясь дала ему заметить, что положение его самое романическое. — В плену у неприятеля раненый Рыцарь влюбляется в благородную владетельницу замка, трогает ее сердце, и наконец получает ее руку. — Нет, сказал мне Синекур, княжна видит во мне врага России, и никогда не согласится оставить свое отчество» (VIII, 1; 157). Данный эпизод иронически дискредитирует литературно ориентированный сценарий судьбы героини Загоскина.

И хотя возможный финал пушкинского отрывка как реплики на сюжет Загоскина нам не известен, очевидно то, что вместе с «исправлением» сентиментального пафоса источника Пушкин перенаправляет вектор сюжетного сценария «жизнь по книге» на принципиально иные объекты жизненного подражания героини. Таким образом феномен книжного сознания перестает играть решающую роль в мотивировке поступков героев.

«НЕ БЫЛО ГОСТЕЙ — ПОНАЕХАЛИ...» *Тема гостеприимства в пословицах*

Одной из доминант русской культуры принято считать гостеприимство. Это представление поддерживает и множество пословиц, отражающих радушное отношение к гостям и готовность хозяев поделиться лучшими угощениями (см.: «Гостям щей не жалей, а погуще налей»; «Добрый гость всегда в пору»). Однако учитывая, что пословицы являются знаками ситуации, а ситуации могут быть самые разные, существуют и пословицы, передающие либо нейтральное (см.: «Гость не кость — за дверь не выкинешь»), либо отрицательное отношение к гостям (см.: «Незваный гость хуже татарина»).

В стереотипных представлениях об эстонской культуре сложился образ эстонца как негостеприимного человека, что отражается в пословицах: «Kala ja külaline lähevad kolme päeva pärast haisema» (букв. «Рыба и гость через три дня начинают вонять»), «Külaline ja nisuleib lähevad ruttu vanaks» (букв. «Гость и пшеничный хлеб быстро стареют»), но, тем не менее, и здесь мы находим пословицы, создающие противоположный образ: «Olgu endal sülg suun vai vaht kõdun, külalisele piab iks saama» (букв. «Пусть у самого слюна во рту или пена в брюхе, а для гостя должно всегда что-то найтись»).

Обоснованность типовых представлений можно констатировать исходя из пословичного материала с учетом его квантитативных характеристик — либо количества аутентичных записей пословичных текстов, либо частоты включения их в пословичные словари. Необходимо отметить, что в эстонском академическом сборнике пословиц¹ указано именно количество аутентичных текстов, в то время как составители русских пословичных сборников ссылаются на ранние публикации. С учетом этого, выборка эстонских пословиц включает паремии, имеющие три и более аутентичных текста, а в русском языке, соответственно, три и более сборника², фиксирующих пословицу с компонентом «гость». Таким

¹ Hussar, A., Krikmann, A., Normann, E., Pino, V., Sarv, I., Saukas, R. (koost.). Eesti vanaasõnad. I – III. Tallinn: Eesti Raamat, 1980 –1985.

² На основе: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М., 2010.

образом, были проанализированы 79 русских паремий с их вариантами и 21 эстонская пословица.

Формальное или бытовое понимание гостеприимства включает присутствие двух лиц — хозяина и гостя и указывает на готовность хозяина принимать в своем доме гостей. В академическом толковании уточняется, что это радущие в приеме и угощении посетителей, а также «безмездный» прием и угощение странников³. Словарь синонимов ставит в синонимический ряд прилагательные «гостеприимный», «хлебосольный» и «радушный», различая их, в числе прочего, по семантике компонентов слова⁴. Так, в слове «гостеприимный» на первый план выходит идея о готовности хозяев принимать в своем доме посторонних людей, предлагать чужому человеку, при необходимости, ночлег. Действительно, по этимологии слово гость является родственным с готским *gasts*, немецким *Gast* и латинским *hostis*, означающим «чужеземец, враг»; в древнерусском языке слово употреблялось в значении «гость, чужестранец, приезжий купец»⁵. Сходное значение характерно и для эстонской лингвокультуры, где слово *võõras* («чужой») раньше обозначало и гостя. В соответствии с данными семантическими характеристиками слова, гость, с точки зрения межличностного восприятия, представлен в пословицах обеих лингвокультур, с одной стороны, как человек недоброжелательный, завистливый: «Гость (и) недолго (немного, не много) гостит, да много видит» [15]⁶ —ср. эст.: «*Võõras on võlu peres* (букв. «Чужой (или: гость) — колдун в доме») [25]; «*Võõra silm on ikka läi*» (букв. «Чужой глаз всегда широко открыт», т. е. много видит) [4] и, с другой стороны, гость представлен как человек неизвестный, неизведанный: «Встречают гостя по платью,

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А–З. М., 2006. С. 442.

⁴ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / авторы словарных статей: В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон; под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. С. 234–236.

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1: А–Д / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. М., 1986. С. 447.

⁶ Здесь и далее в квадратных скобках — количество источников.

а провожают по уму»; «Гостя по одежде встречают, а по разуму провожают» [6]. Приведенная пословица, активно употребляемая в современной речи, встречается уже в «Письмовнике» Николая Гавриловича Курганова⁷, первое издание которого вышло в 1793 году. В эстонском языке мы находим частичное соответствие этой пословице: «Välimest mööda võetakse inimest vastu, kõnet mööda saadetakse ära» (букв. «По внешности человека принимают, а по речи провожают»), однако аутентичных текстов всего два, что указывает на малую активность употребления пословицы среди эстонцев. По семантике наиболее близкой пословицей, активно употребляемой в эстонском языке, является «Ära arva koera karvast, vaid hambast» (букв. «Не оценивай собаку по ее шерсти, но по зубам»), имеющая 100 аутентичных записей.

В слове «хлебосольный» на первый план выходит идея о щедрости хозяина, об изобилии вкусных угощений⁸. Здесь стоит отметить, что по русским традициям прием гостя как человека, по-дружески навещающего хозяев, предусматривал определенный ритуал, включающий «приглашения, подарки, формульные приветствия, заранее приготовляемые яства, подаваемые на стол в строго определенном порядке и сопровождаемые соответствующими тостами, благодарности и, наконец, ответные приглашения, нацеленные на продолжение общения»⁹. Мотив хлебосольства, однако, не является в пословицах ярко выраженным: в паремиях этой группы говорится об угощении гостей именно как о части ритуала их приема, которую хозяин должен учитывать: «Умел в гости звать, умей и угощать» [4]; «Гостям стол, а коням столб» [5]. Интересно, что часто приводимая в качестве иллюстрации хлебосольства пословица «Гостям щей не жалей, а погуще налей» — относительно новая единица и встречается в первый раз только в 1957 году в сборнике А.А. Разумова. Несмотря на то, что характер и обилие угощения зависели от вида застолья и от социального положения гостей, напр. «Каков гость, таково ему и угощение» [5]; «Каковы гости, таков и пир» [5], в пословицах передается отрицательное отношение к скромному столу: «Из больших гостей домой хлебать щей» [8]; «Звали гостей, да посадили

⁷ Курганов Н.Г. Письмовник, содержащий въ себѣ науку россійскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещества. 9-е изд., ч. 1. СПб., 1818. С. 149.

⁸ Новый объяснительный словарь... С. 234.

⁹ Кабакова Г.И. Русские традиции застолья и гостеприимства. М., 2015. С. 400.

глодать костей» [4]. Эстонские пословицы говорят о том, что, хоть еда в гостях может быть и вкусной: «Küla leib on magus» (букв. «Угощение (или: чужой хлеб) сладко») [30], но чувство сытости быстро пропадает: «Külasöök jäab künnisele» (букв. «Угощение (или: чужой хлеб) остается на пороге») [25], что учитывалось домашними: «Tõrkuja jagu süüakse ära, magaja jagu panna peaotsi, külaskäija jägu järele» (букв. «Долю упрямого съедают, долю спящего кладут в изголовье, долю ушедшего в гости оставляют») [130].

Прилагательное «радушный» указывает на свойство человека, на внешнее проявление радости, любезность и приветливость¹⁰. Здесь, подобно предыдущей группе пословиц, мы видим, что радущие хозяина и его поведение зависят от самого гостя: «Доброму (милому) гостю (и) хозяин рад» [6]. Ярко положительное отношение встречаем к высокому гостю: «Хороший гость — хозяину в почет» [5]; «Первому гостю — первое и место и красная ложка» [5]. Прилагательные «первый» и «красный» используются в данном случае в переносном значении и обозначают гостя наиболее важного, значительного, почтного, по отношению к которому хозяин показывает особое внимание. Однако В.П. Даниленко объясняет такие высказывания не выражением гостеприимства, а лицемерием, за которым стоит расчет. Причиной «неискреннего речевого поведения» он выдвигает зависимость одних людей от других, что и заставляло хозяев изображать перед важными людьми гостеприимство¹¹.

Ироническое или отрицательное отношение можно видеть к гостям невежливым, нетактичным: «Гость бестуж (бестужь) посидеть любит» [4]; «Бессстыдна (бесстыжа, бесстыдного) гостя пивом (из избы, из избы пивом) не выгнать (выгонишь)» [13]; «Запасливый гость без ложки не ходит» [5]. Упоминание ложки в качестве личного, индивидуального предмета для принятия пищи свидетельствует о том, что речь идет об особом виде деревянной ложки с коротким черенком, которую легко было положить в карман или в голенище сапога и носить с собой. Ложка являлась важным прибором застолья, однако, по поверью, лишняя ложка на столе помогала нечистой силе сесть за стол, поэтому хозяйка должна была следить, чтобы на столе не оказа-

¹⁰ Новый объяснительный словарь... С. 234–235.

¹¹ Даниленко В.П. Картина мира в пословицах русского народа. СПб., 2007. С. 316.

лась лишней ложки¹², чем можно объяснить и пословицу: «На (для) незваного гостя не (при)пасена и ложка (и ложа не припасена)» [4]. В эстонском языке встречаем частичные эквиваленты «Kes kutsumata tulind, see lusikata sõöb» (букв. «Кто пришел без приглашения, тот ест без ложки») [1] и «Kutsumata külaline, lugemata lusikas» (букв. «Незванный гость – несчитанная (то есть неприпасенная) ложка») [2], которые ограничены территориально в употреблении и, соответственно, не являются общезвестными в эстонской культуре. Тем не менее, согласно эстонским застольным обычаям хозяйка также должна была удостовериться, что на столе нет лишней ложки, так как по поверью, пустая ложка ест так же, как и ложка с хозяином; к тому же в дом может прийти голод или за столом будет есть черт¹³.

Пословицы о незваном госте составляют отдельную группу паремий, куда входит 7 типов пословиц. Поскольку отбор гостей был одним из этапов ритуала застолья, то к незваному гостю в них отражается негативное отношение: «Нежданный (незваний/ не вовремя / не в пору/ незвавтый) гость хуже татарина [13]; Не вовремя (не во время) гость — пуще (хуже) недруга» [5]; «Незванные гости гложут (грызут) кости» [11]. —ср. эст.: «Kutsumata külaline on kui keetmata vorst» (букв. «Незванный гость как невареная колбаса») [11]; «Kutsumata võõrad, teadmata roog» (букв. «Незванные гости — неизвестная еда») [40]. Пословицы с противоположным значением использовались в качестве ритуальных формул и были обращены к гостям, которых хозяева были рады принять или которым не могли отказать в приеме: «Нежданный гость лучше жданных двух» [5]; «Желанный гость зову (зыва) не ждет» [5] —ср. эст.: «Kes kutsumata on tulnud, see ajamata läheb» (букв. «Кто пришел незванный, тот уйдет невыгнанный», т. е. того не выгонят) [20]. В эстонских пословицах по отношению к таким гостям использованы эмоционально более окрашенные образы, не включающие, однако, прямого использования компонента «гость»: «Koer, keda kutsutakse, aus mees astub ise» (букв. «Собаку зовут, честный человек приходит сам») [110]; «Hea inimene tuleb ise, paha ei tule paludeski» (букв. «Хороший человек придет и сам, худой не придет и на зов») [4]; «Hea perse leiad isegi istme, paha ei leia

¹² Шангина И.И. Русский традиционный быт: энциклопедический словарь. СПб., 2003. С. 416–418.

¹³ Tedre, Ü. Eestlaste argielutavadest [Электронный ресурс: <https://www.folklore.ee/tagused/nr61/tava.pdf>]. С. 100.

pakkudeski» (букв. «Хорошая задница сама найдет, где сесть, плохая не найдет и когда предложат») [75].

Приглашение или отказ от приглашения в гости связано со статусом человека в обществе, с его социальной значимостью, но также и с соблюдением традиции. Так, по нормам общественного поведения разрешалось не приглашать в гости тех, кто сам не проявлял гостеприимства¹⁴: «Идти было в гости, да никто не зовет» [6]; «Дома не сидится, а в гости не зовут» [7]; «Поехал бы в гости, да люди не зовут» [4].

Хозяин дома, принимающий гостей, представлен в русских паремиях в основном как человек, имеющий полное господство над гостем: «Гость — невольный (неволной) человек: где посадят, тут и сядет (и сидит)» [5]; «Гость у хозяина в послушании» [4]; «Гость у хозяина в руках» [4]; «В гостях что в неволе» [5]; «Дома (у себя) как хочешь, а в гостях — как велят» [4]; «Гость во власти хозяина» [4]; «Гость хозяину не указчик» [7]. Необходимо отметить, что такое представление хозяина является в русских паремиях этнокультурно маркированным, так как в эстонских пословицах хозяин — *peremees* — это социальная роль мужчины в семье или социальный статус в противоположность батраку, что объясняет отсутствие в эстонском языке пословиц данной логико-тематической группы с компонентом «хозяин».

Прием гостей, строго организованный по времени и в пространстве, требовал от гостей как точного прихода, так и своевременного ухода домой. Если к запоздалому гостю не выражали того радушия и вежливого отношения, как к другим гостям: Позднему гостю — кости [5], то окончание пира отражалось в выражениях: Пора гостям и честь знать [4]; В гостях хорошо, а дома лучше (того) [13], а также и в формульном извинении: «Гость, гости, а пошел — прости» [10], что было предусмотрено застольным этикетом¹⁵. В эстонских пословицах от первого лица рассказывается о периоде пребывания в гостях: «Esimesel päeval olen võeras, teisel päeval olen koormaks, kolmandamal päeval haisen ma» (букв. «В первый день я гость, во второй день — обуза, на третий день завоюю») [6], что является также своего рода извинением за невозможность долго гостить. Эстонская пословица «Kala ja külaline lähevad kolme päeva pärast haisema» (букв. «Гость и рыба через три дня начинают вонять»),

¹⁴ Турбина О.А., Захарова Т.В. Отражение социальной значимости гостеприимства в русских паремиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 16. С. 51.

¹⁵ Русские традиции застолья... С. 219.

имеющая 6 аутентичных текстов, и русская: «Гость как рыба — на третий день уже не свеж» являются частичными эквивалентами; однако русскоязычная запись касается сборника В.С. Бахтина от 1982 года о сказках, песнях, частушках и присловьях Ленинградской области¹⁶, что позволяет предполагать возникновение данной паремийной единицы в русском языке в результате взаимных влияний языковых контактов приграничного региона.

В дополнение к приведенным случаям отметим, что в пословицах с компонентом «гость» образно говорится о необходимости своевременных действий и решений: «Вслед гостя не потчуют» [13]. Кроме этого, компонент «гость» употребляется в эстонском языке в предсказаниях продолжительности дождя: «Hommikune külaline läheb ruttu ära, õhtune jäääb öömajale» (букв. «Утренний гость рано уходит, вечерний остается ночевать» [11]; подразумевается, что если дождь начинается рано утром, то он быстро закончится, а если начнется вечером, то будет идти всю ночь), а также как метафорическая замена для понятий «новости» и «предстоящие события»: «Koer haugub kuni külaline tuleb» (букв. «Собака лает, пока гость не придет») [195] — то есть сплетни или разговоры ведутся до тех пор, пока это не окажется правдой.

Таким образом, в обеих лингвокультурах гость воспринимается, с одной стороны, как человек чужой, неизведанный, и, с другой стороны, как участник определенного ритуала, регламентированного временем пребывания в гостях, правилами поведения, а также формульными высказываниями. Полные или частичные соответствия обнаруживаются в пословицах, передающих неодобрительное отношение к незваному гостю или указывающих на время пребывания в гостях. Тем не менее, в русских пословицах бином «гость — хозяин» представлен более объемно. Русские паремии представляют хозяина волевым и щедрым по отношению к милым ему гостям, чего мы не находим в эстонских паремиях.

¹⁶ Бахтин В.С. Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области. Л., 1982. С. 452.

ГРАВЮРЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДВОРЦА МАРЛИ

Во время своего визита во Францию в 1717 году Петр I посетил Лувр, Версаль, но именно дворец Марли вызвал у него наибольшее любопытство¹. Именно в этой резиденции Людовика XIV, предназначеннай для развлечений и отдыха, он попросил прожить несколько дней и организовать по случаю своего дня рождения самый грандиозный праздник за все время пребывания во французском королевстве. В будущем воспоминания о Марли станут преследовать Петра в его садовых проектах сначала в Стрельне, а затем в Петергофе, где они и реализуются в окончательном виде.

Что он мог знать о Марли до своего визита? Резиденция Марли была расположена поблизости от Версаля и соседствовала с версальским парком. Людовик XIV построил ее около 1680 года, когда его главная резиденция Версаль была уже готова. До 1715 года король регулярно приезжал в Марли. Превосходные марлинские сады были разбиты под руководством королевского архитектора Жюля Ардуэна-Мансара, в них создатель парка предусмотрел множество увеселительных устройств для придворных.

Издания Пиганьоля (1701–1764)

В 1705 году Андрей Матвеев, агент Петра I в Париже, послал ему небольшую иллюстрированную книжку, изданную несколькими годами ранее, в 1701 году, — *Nouvelle description des chasteaux et parcs de Versailles et de Marly* (Новое описание дворцов и парков Версаля и Марли). Издание вышло анонимно, но уже во 2-м издании появляется имя автора: Жан-Эмар Пиганьоль де Ла Форс (*Jean-Aimar Piganiol de La Force*, 1669–1753), аристократ на службе у герцога Тулузского, легитимизированного сына короля. Герцогу и была изначально посвящена книга. В дальнейшем на протяжении полувека эта книга регулярно

¹ Bertz, Bruno. *Pierre le Grand et Marly: une visite impérieuse // Marly art et patrimoine*. 2013. № 7. Р. 65–72; Гузевич Д., Гузевич И. Версаль и Марли: Сады Людовика XIV: Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антеном в 1717 году. СПб., 2017.

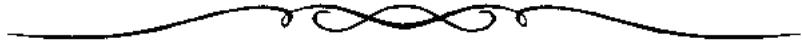
будет выходить в свет и выдержит восемь переизданий (8-е датируется 1751 годом). В 1764 году выйдет девятое, посмертное издание, что явно свидетельствует об ее популярности².

Первое издание содержит только одну гравюру — «генеральный план Марли», выполненный Германом Van Loоном (Herman Van Loon, 1649–17??). Этот план был воспроизведен во втором издании и гравирован Жаном-Батистом Скотеном (Jean-Baptiste Scotin, 1678–1740). Начиная с третьего издания (1713), Пиганьоль добавляет «Вид и перспективу дворца Марли со стороны сада», нарисованный Пьером Менаном (Pierre Menant, 16??–17??) и гравированный Жераром Скотеном старшим, братом Ж.-Б. Скотена (Gérard Scotin, 1671–1716). В шестом издании появляется новая версия этой гравюры, почти идентичная, выполненная Жаном-Батистом Скотеном. В том же издании автор добавляет главу, посвященную водовзводной машине Марли, питавшей водой фонтаны и каскады парка, но без иллюстраций. Однако одно пиратское издание, вышедшее в Амстердаме в 1715 году, уже имело изображение Марлинской машины, которое было в свою очередь контрафактной копией эстампа, выпущенного несколькими годами ранее у Николя де Фера (Nicolas de Fer, 1647–1720). Наконец, в 1730 году (6-е издание) Пиганьоль добавил «Вид Марлинской машины», гравированный Николя Байолем младшим (Nicolas Bailleul le jeune, 17??–17??), который повторил эстамп, опубликованный в 1716 году в сборнике гравюр, изданных Демортеном.

Издания MLR 1716–1778

Еще одна книга под названием *Les curiositez de Paris, de Versailles, de Marly* (Достопримечательности Парижа, Версаля и Марли) также имела грандиозный успех и в промежутке между 1716 и 1753 годами много раз переиздавалась. Все ее издания выходили в свет анонимно

² [Jean-Aimar Piganiol de La Force]. *Nouvelle description des chasteaux et parcs de Versailles et de Marly*. Paris, Florentin et Pierre Delaulne, 1701; 2e édition, Paris, Florentin Delaulne, 1707; 3e édition, 2 tomes en 2 volumes, Paris, Florentin Delaulne, 1713; édition copiée, 2 tomes en 2 volumes, Amsterdam, David Mortier; 4e édition, 2 tomes en 2 volumes, Paris, Florentin Delaulne, 1717; 5e édition, 2 tomes en 2 volumes, Paris, Veuve Delaulne, 1724; 6e édition, 2 tomes en 1 volume, Paris, Veuve Delaulne, 1730; 7e édition, 2 tomes en 1 volume, Paris, Veuve Delaulne, 1738; 8e édition, 2 tomes en 2 volumes, Paris, Poirion, 1751; 9e édition, 2 tomes en 2 volumes, Paris, Étienne-François Savoie, 1764.

под загадочным акронимом M.L.R. у издателя Согрена (Saugrain), еще два раза, в 1771 и 1778 годах, она издавалось под слегка сокращенным названием *Curiosités de Paris, de Versailles, de Marly* в другом издательстве, именовавшемся «Ассоциация Либрариев» (*les Libraires associés*)³. Книгу иллюстрировала одна-единственная гравюра, изображавшая дворец Марли со стороны входа. В первом издании (1716) это была небольшая, лаконичная гравюра на дереве, служившая скорее виньеткой, помещенной в начало текста. Во втором издании появляется новая расширенная версия этого вида, гравированная офортом, которая уже включает в себя многочисленных персонажей. Автор ее сам указывает, что воспользовался видами, гравированными Переллем и Израелем Сильвестром... Можно также указать на существование еще одной очень близкой по композиции гравюры, выполненной Пьером Авлином (Pierre Aveline, 1656–1722). Эта гравюра затем в точности повторялась в изданиях M.L.R. вплоть до 1753 года. Начиная с издания 1771 года появляется другая, несколько упрощенная копия этой гравюры.

Научные издания

Многочисленные иллюстрации с видами дворца Марли имелись в начале XVIII века в трактате «Геометрия практическая» Аллена Манессона-Малле, опубликованном в 1702 году. Десять видов Марли и его окрестностей (как правило, помещенных в верхнюю часть гравюры) служили визуальной поддержкой для научной иллюстрации. И не случайно. При строительстве гидравлических сооружений для фонтанов и акведуков для питьевой воды здесь работали лучшие геометры Академии наук под управлением астронома Жана Пикара, которые осуществляли нивелировку местности. Во время этой гигантской королевской стройки им пришлось усовершенствовать многие свои измерительные приборы.

³ M.L.R. *Les curiositez de Paris, de Versailles, de Marly, de Vincennes, de S. Cloud, et des environs. Paris, Saugrain l'ainé, 1716; 2e édition, 2 tomes, Paris, Saugrain l'ainé, 1718; 3e édition («nouvelle édition»), 2 tomes, Paris, Saugrain l'ainé, 1723; 4e édition («nouvelle édition»), 2 tomes, Paris, Saugrain Père, 1742; 5e édition («nouvelle édition»), 2 tomes, Paris, Veuve Saugrain, 1753. M.L.R. *Curiosités de Paris, de Versailles, Marly, Vincennes, Saint-Cloud, et des environs. Nouvelle édition*, 2 tomes, Paris, Libraires associés, 1771; idem, 1778.*

В трактате *La théorie et la pratique du jardinage* (Теория и практика садоводства), изданном Антуаном-Жозефом д'Аржанвилем (Antoine-Joseph Dezallier d'Argenville, 1680–1765), начиная со второго издания 1722 года, был приложен один из видов «Берсо и Зеленой галереи Марли» и «Зеленая колоннада Марли» с целью познакомить публику с садовыми устройствами, реализованными в Марлинском парке. По всей вероятности рисунки для этих досок создавал Жан Шофорье (Jean Chaufourier, 1679–1757), а гравировал их Жан Мариэт (Jean Mariette, 1660–1742). Эти доски затем использовались вплоть до четвертого издания, вышедшего в 1747 году⁴.

Вид дворца Марли был воспроизведен и у немецкого архитектора Леонарда-Кристофа Штурма (Leonhard Christoph Sturm, 1669?–1719). Его рисунки были готовы уже в 1699 году, но изданы только в 1719 с подробным планом садов и серией павильонов, инспирированных похожими павильонами в Марлинских садах⁵.

В 1737 году Бернар Форе де Белидор (Bernard Forest de Belidor) опубликовал в своей книге *Architecture hydraulique* (Гидравлическая архитектура) две гравюры, посвященные механизмам Марлинской машины⁶. Еще две доски с изображением механизмов машины мы находим в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера за 1751 года — нарисованные Луи-Жаком Гусье (Louis-Jacques Goussier, 1722–1799) и гравированные Дешером (Deschert)⁷.

* * *

Все эти перечисленные нами путеводители и трактаты, в изобилии наводнившие как Францию, так и остальную Европу, позволили публике

⁴ [Antoine-Joseph Dezallier d'Argenville et Jean-Baptiste Alexandre Leblond]. *La théorie et la pratique du jardinage*. 2e édition («nouvelle édition»), Paris, Jean Mariette, 1722; 3e édition, La Haye, Jean Martin Husson, 1729; 4e édition, Paris, Pierre-Jean Mariette, 1747.

⁵ Leonhard Christoph Sturm. Durch einen grossen Theil von Deutschland und des Niederlanden biss nach Paris gemachte Architectonische Reise-Anmerkungen. Augsburg, 1719.

⁶ Bernard Forest de Belidor. *Architecture hydraulique ou l'art de conduire, d'élever et de ménager les eaux pour les différens besoins de la vie*. 2 томов, Paris, Charles-Antoine Jombert, 1737-1739; 2e édition, 2 томов, Paris, Jombert jeune, 1782.

⁷ Louis de Cahusac. Статья «hydraulique» в: Diderot et D'Alembert. *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et métiers*. Paris, Briasson, 1751.

ознакомиться с дворцом Марли и Марлинской машиной в дополнение к сборникам гравюр, издававшимся Де Фером в 1705 году, Демортеном в 1716-м, альбомами Перелля, Авлина, Блонделя и, наконец, Риго. После Французской революции и периода Империи дворец и прочие здания Марлинского парка были заброшены и впоследствии разрушены. Отныне в XIX веке в литературе и пособиях для путешествующих стал распространяться совсем другой образ Марли — с выочными ослами, прачками, стирающими белье в некогда королевских бассейнах, деревьями, проросшими сквозь облицовку вокруг большого «Водопоя», единственного уцелевшего фонтана...

IV. Из воспоминаний сотрудников Пушкинского Заповедника

Галина Симакина

«ЧЕМУ, ЧЕМУ СВИДЕТЕЛЯМИ МЫ БЫЛИ...»

Вспоминая свою работу в Пушкинском Заповеднике, всегда неизменно благодарной памятью возвращаюсь к легендарной личности нашего директора Семена Степановича Гейченко¹.

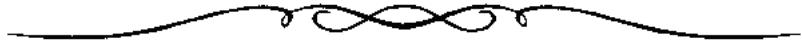
Он был представителем той культурной традиции, в которой особое место — самое главное и значительное — отводилось Пушкину. На его «духовный алтарь»², по слову русского философа И.А. Ильина, приносились интеллектуальные силы, творческие таланты и дарования многих поколений русских людей. К числу таких ревностных и преданных служителей русской культуры принадлежал и С.С. Гейченко.

Осуществив, как теперь бы сказали, грандиозный проект по возрождению пушкинского мемориального пространства, он просвещал и приобщал к духовному опыту Поэта и к пушкинским духовным ценностям, во многом обретенным им здесь, в пору михайловской ссылки, толпы паломников, воспринимавших Михайловское как сакральное место.

Семен Степанович очень много работал. Огромная слава обрушилась на него в последнюю четверть его большой жизни, когда стали выходить его книги, фильмы о нем, телепередачи с его страстными монологами в защиту культуры, исторических памятников, мемориальных мест. На Пушкинских праздниках поэзии даже в кругу знаменитостей он становился центром притяжения и восторженного обожания своих поклонников. Но и это испытание славой Семен Степанович перенес с достоинством истинно русского интеллигента.

¹ Симакина Г.Ф. Бойтесь великой тени // Михайловская пушкиниана. Вып. 26. М., 2003. С. 81–86; Симакина Г.Ф. К портрету хранителя Святогорья // Михайловская пушкиниана. Вып. 60. Сельцо Михайловское, 2013. С. 68–72.

² Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1993. С. 40.

К одному из его поздних юбилеев профессор Ленинградского института имени И.Е. Репина М.С. Таранов изготовил подарочный альбом, запечатлев на литографических листах один летний день из жизни директора и хранителя Пушкинского Заповедника: вот он в полной гармонии с птичками-бабочками и травой-цветами, энергично и бодро, убирает свою пушкинскую планету...³ В своих хранительских заботах он был примером для нас на пороге постижения музейной профессии.

Но даже идеальный хранитель не мог противостоять стихиям и катаклизмам природы: над Заповедником проносились ураганы, уничтожавшие старые деревья, в том числе ганнибаловские ели в Михайловском; многие деревья гибли от старости или болезней, как Ель-шатер в Тригорском. В жуткие морозы 1980-х годов вымерз михайловский сад, исчезли старые еще пушкинские сорта «малиновка», «розовка», дивная антоновка — аромат ее яблок по осени наполнял михайловскую усадьбу... Эти яблоки по символической цене продавали в Михайловском и возили в Ленинград на Мойку, чтобы порадовать посетителей последней квартиры А.С. Пушкина. Конечно, сад посадили вновь, только сорта уже были иные и ароматы другие... Под угрозой гибели после морозов был знаменитый Дуб уединенный: его спасли ранней весной, регулярно поливая из специальной поливальной машины. В Тригорском на городище Воронич бывали оползни — небольшие затягивались, не причиняя вреда, а огромный, после долгих затяжных весенних дождей и летних ливней, образовал воронку (она была видна с тригорского холма, потому что была к нему обращена). Зарастил Маленец... Все эти компоненты пушкинского пейзажа — такие чувствительные потери для хранителей! Общаясь с парковыми картинами ежедневно, привыкаешь, знаешь некоторые деревья как друзей и отсутствие их всегда ощущаю...

В 1967 году мы испытали настоящее потрясение. В понедельник (наш общий выходной день) ждали А. Пельше, председателя комитета партийного контроля при ЦК КПСС с делегацией из Москвы. Вдруг узнаем из звонка Ильи Ивановича Петрова, работавшего в Святогорском монастыре дворником, что пропала часть памятника на могиле

³ Альбом делался вручную, *für wenige* (для немногих) и состоял из 10–12 литографий М.С. Таранова (как кому досталось). По-моему, к 80-летию С.С. Гейченко.

Памятник на могиле
А.С. Пушкина.
Монументальная мастерская
А.М. Пермагорова.
ПЗ-КП-31815. Ск-69

А.С. Пушкина. Обязанности хранителя музея в Святогорском монастыре на то время исполнял мой коллега и муж Анатолий Иванович Давыдов, а жили мы в маленькой избушке на хозяйственном дворе Михайловского. Выяснилось, что пропала мраморная урна, покрытая мраморным плащом, которая находилась в арке пушкинского надгробия. Илья Иванович протирал памятник и обнаружил пустое место. Директор, милиция, райком партии в Пушкинских Горах — все были извещены, но поиски результатов не дали. Рассматривали одну версию в связи с приездом официальных высоких лиц — политическую.

Слава Богу, все кончилось благополучно. Часа через 2–3 пропажу обнаружила местная жительница, которая ехала на дорогах по лесной дороге (возле стадиона, кладбища и Тимофеевской горки) и с высоты телеги, чуть в стороне увидела, что «что-то белеется». Она остановила лошадь, подобрала это «нечто» и повезла, чтобы сообщить Гейченко⁴. Вскоре после происшествия была введена милицейская охрана, а должность сторожа при могиле А.С. Пушкина была упразднена. Мы остались в полном неведении — кто и зачем через закрытые на ночь ворота украл эту деталь памятника? Владимир Самородский, наш художник, закрепил, поставив на цемент и какой-то специальный клей, эту очень важную в смысловом и композиционном замысле памятника деталь. А я, когда страсти поутихли, просила Семена Степановича освободить А.И. Давыдова от обязанностей хранителя. Он был переведен в Тригорское и долгие годы помогал мне в трудной хранительской работе.

Через год, 21 августа 1968 года, грянул гром в Тригорском. Был конец рабочего дня, домой никто не собирался. Должны были приехать участники Пушкинских чтений. Посетителей были единицы. Пробегая в очередной раз по анфиладе музея, я чуть не упала в обморок, заметив отсутствие шпаги в комнате А.Н. Вульфа. Шпага была частью композиции, воспроизводящей ритуал приготовления жженки, которую воспевали и Языков, и Пушкин. Хорошо известен рассказ А.Н. Вульфа о том, что его сестра, юная Евпраксия Николаевна, прекрасно заваривала жженку летом 1826 года, когда в Тригорском гостил Н.М. Языков, товарищ Вульфа по Дерптскому университету.

⁴ Население Пушкинских Гор было воспитано в духе безграничного уважения и доверия к Пушкинскому Заповеднику и его директору. Если что находилось, по виду старинное, — сразу сообщали С.С. Гейченко.

Приготовление жженки было очень популярно среди гусар и немецких дерптских студентов. Скрещенные шпаги означают братство пирующих. В нашем музейном интерьере шпаги соединялись в месте скрещения тонкой проволокой, так что вытянуть одну не представляло труда. Никакой сигнализации, электричества и телефона в музее не было. Я сразу побежала в деревню Воронич, где на турбазе был телефон, звонить и вызывать милицию, а Анатолий Иванович и двое парковых рабочих побежали по парку. Спускаясь по лестничным пролетам из деревни Воронич на проселочную дорогу, ведущую в Тригорское, я встретила незнакомого лет 30–35 мужчину, который шел несколько странно, придерживая одной рукой, согнутой в локте, брюки, а белая нейлоновая рубашка была неплотно заправлена, особенно одна ее пола, так, что виден был кусочек тела. Я вцепилась в него (вокруг ни души, впереди — в 100 метрах — нижняя стоянка⁵, которой пользовались посетители). Я кричала, призывая на помощь, угрожая ему приездом милиции. Вокруг никого, конечно, и милиция не приехала… Он оттолкнул меня, но так как я не отставала и несла какую-то чушь, что сейчас объявят тревогу, то он вытянул шпагу из брючины, выругался по-латышски и был таков. Мой ужас усиливался еще и потому, что шпага была на временном хранении, т. е. это был не наш экспонат…

Потом, когда приехали уже для участия в чтениях Семен Степанович и главный хранитель В.Я. Шпинев, последний сделал мне выговор — почему я не задержала вора? А я еще несколько дней, если шла этой дорогой одна, тряслась от страха…

Обе шпаги были заменены муляжами, которые сделал мастер на все руки Володя Самородский (к большому нашему общему сожалению, рано ушедший из жизни)…

В 1978 году ритуал приготовления жженки переместился в горницу флигеля-баньки в Тригорском.

Попробую объяснить, как оказалось возможным украсть из экспозиции шпагу, а потом и мемориальный подсвечник. В Тригорском большое количество экспонатов находилось в открытом хранении —

⁵ Тогда была только эта стоянка; верхней, со стороны деревни Шаробыки, еще долго не было. Не было еще и большого книжного киоска — были только ведущие наверх, к деревне Воронич, врытые в землю емкости для местной канализации турбазы.

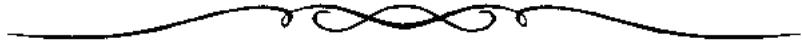
*Подсвечник из Тригорского.
ПЗ-КП-375 Осв-8*

лочкой. В Тригорском, когда я туда добралась, уже искать было нечего, так как ленинградская группа с экскурсоводом Л.И. Лившиц уехала сразу после экскурсии по дому, а парк они смотрели прежде... На сей раз

т. е. они находились как в доме. Они не были защищены витринами, а тонкие проволочки также не могли служить защитой. Летом — открытые окна... Эта «домашность» была главной нотой в атмосфере музея, но это также был большой соблазн для определенной категории посетителей⁶.

Зимой в середине 1980-х годов я была вызвана в Михайловское на совещание. Было воскресенье, и Семен Степанович подробно рассказывал о командировке в Ленинград, как это делал всегда, чтобы мы были информированы о музейных событиях и предстоящих заботах у нас в Заповеднике. По дороге в Тригорское через Савкино я зашла домой, чтобы позвонить в музей, — и тут узнала, что меньше часа назад из гостиной был украден мраморный мемориальный подсвечник из Тригорского. Он стоял на столике-пюпитре для нот и был привязан тонкой (чтобы не было видно!) прово-

⁶ В музее были четыре смотрительницы, они же уборщицы. У каждой по два выходных дня. В понедельник все убирали музей, поэтому четыре человека работали только в субботу и воскресенье. У них было хозяйство, и в обед сотрудницы по очереди бегали к своим коровам в Шаробыки, Воронич, на городище. При огромном летне-осеннем потоке (в выходные до 1 000–1 200 человек) каждый человек или его отсутствие очень были заметны.

милиция приехала сразу по моему звонку. Я им показала подсвечник на дореволюционной фотографии и, захватив с собой Анатолия Ивановича, они отправились на поиски группы. Нам оставалось только ждать и надеяться.

Дальше события развивались как в детективе. Опускаю рассказ А.И. Давыдова о том, как они метались между Святогорским монастырем (где обыскивали не ту группу, очевидно, от усердия, извиняясь перед публикой) и Михайловским. А закончились поиски в Бугрове, на стоянке, когда из леса вышла группа Лившиц. У одного из молодых людей за пазухой явно что-то было, и когда милиция расстегнула его зимнюю куртку, там оказалось два подсвечника из Михайловского, из кабинета А.С. Пушкина, перевязанных проволочкой. На суде впоследствии похититель скажет: «Мне два подсвечника были не нужны, а пришлось взять».

С слов смотрителя Михайловского А.В. Зиновьевой, вот как случилась кража в Михайловском. Был морозный день, обеденное время, группа спокойная, и смотрители сели перекусить в сенцах, каждые несколько минут поглядывая на посетителей. А похититель пошел вперед, в кабинет А.С. Пушкина, перешагнул через барьер и взял подсвечники. Потом он открыл дверь на выход, отодвинув внутреннюю задвижку, спустился с крыльца, сунул подсвечники в сугроб у кухни-людской и вернулся к группе. Группа вышла и по еловой аллее отправилась в парк и к автобусу в Бугрово. Увидев, что никакой паники в музее нет, вор вернулся и взял подсвечники из сугроба (в случае паники и погони в музее он собирался за ними приехать позже).

Тригорский подсвечник все это время лежал в сумке его полуслепой матери в автобусе. Она в Михайловском не была.

Когда развязка наступила, я позвонила Семену Степановичу, и он не поверил в кражу михайловских подсвечников. Он сам, смотрители все обсмотрели и не обнаружили пропажи. И только В.К. Иванова, экскурсовод, недавно работавшая в музее, обнаружила отсутствие подсвечников на камине в кабинете поэта (вот что значит — глаз «не замылен»). Кстати, здесь всегда был смотритель, поэтому мелкие предметы — так подразумевалось — были ограждены от злостных поползновений охраной.

Был суд, а до того обыск на ленинградской квартире похитителя. Обнаружилось большое количество краденных вещей из ленинградских и других музеев.

Был ли он клептоман или просто расчетливый и предприимчивый вор? Вопрос остался открытым. Наказание — работа на каком-то предприятии (тогда это называлось «на химии») — было заменено на условный срок: у молодого человека на изгнании находилась мать-инвалид по зрению.

Я убрала подсвечник в книжный шкаф под стекло — ведь его могла касаться рука А.С. Пушкина, а в Тригорском были поставлены барьеры — слабая защита, если вспомнить, что в кабинете поэта похититель легко преодолел такое препятствие.

Несмотря на счастливый конец, даже сейчас, спустя 30–50 лет, вспоминать переживания и страхи того времени так же тревожно. Но я, последний очевидец или участник тех событий, хранитель с 25-летним стажем, полагаю, что для истории Пушкинского Заповедника это важно.

Как программу хранительства мы воспринимали стихотворение А.С. Пушкина 1819 года «Домовому», написанное им во второй приезд в Михайловское:

Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полуночного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!

(II, 1; 93)

«Ходи вокруг его заботливым дозором, люби...» — поэтический на-
каз хранителям. Таковыми Семен Степанович считал всех сотрудников
Заповедника независимо от их должностей по штатному расписанию.
Разумеется, главным пушкинским Домовым, тайным и явным стражем
Заповедника, был он сам, и на его призыв — «Пушкин, ау» — откликал-
ся поэт, в то время как на все другие обращения — только эхо...

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Антонов Геннадий Николаевич — доктор технических наук, доцент, главный конструктор направления АО «Санкт-Петербургское морское бюро машиностроения «Малахит» имени академика Н.Н. Исанина (АО «СПМБМ «Малахит») (Санкт-Петербург).

Ая Урве Юловна — кандидат педагогических наук, заведующая учебной частью Нарвской Кренгольмской гимназии (Нарва, Эстония).

Бенитц Брюно Луи Пьер — доктор археологии (PhD), президент Археологического общества (OMAGE) (Марли-ле-Руа, Франция).

Васильев Владимир Иванович — научный руководитель проектов по сохранению объектов культурного наследия ОАО «Институт «Псковгражданпроект», председатель псковских региональных отделений Союза архитекторов и Союза реставраторов России (Псков).

Виноградова Наталья Викторовна — начальник службы по организации и проведению праздников и музыкальных массовых мероприятий Пушкинского Заповедника.

Ганибалова Валентина Михайловна — заслуженная артистка России, профессор хореографии, художественный руководитель Балетного театра Валентины Ганибаловой (Санкт-Петербург).

Ганнибал Борис Константинович — кандидат биологических наук, ответственный редактор журнала «Растительность России», Ботанический институт имени В.Л. Комарова Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Голованова Анна Викторовна — кандидат культурологии, начальник научно-исследовательского отдела Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» (Санкт-Петербург).

Давыдов Анатолий Иванович — в 1966–1995 годах старший научный сотрудник Пушкинского Заповедника, заведующий музея-усадьбы «Тригорское».

Зариня Наталья Викторовна — концертмейстер Санкт-Петербургской детской школы искусств имени С. Рахманинова (Санкт-Петербург).

Карпушикина Людмила Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института имени А.М. Горького (Москва).

Киселев Юрий Николаевич — старший научный сотрудник исторического отдела Псково-Изборского объединенного музея-заповедника (Псков).

Кондратенко Александр Владимирович — главный хранитель фондов Опочецкого краеведческого музея (Опочка).

Кузьмин Александр Иванович — заслуженный работник культуры РФ, главный специалист Государственного мемориального музея А.В. Суворова (Санкт-Петербург).

Пинчук Сергей Павлович — научный сотрудник музея-усадьбы «Тригорское» (Пушкинский Заповедник).

Севастьянова Елена Николаевна — экскурсовод Пушкинского Заповедника.

Седова Галина Михайловна — доктор филологических наук, заведующая Мемориальным музеем-квартирой А.С. Пушкина Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Симакина Галина Федоровна — сотрудник Пушкинского Заповедника с 1963 по 1995 год: в 1965–1989 — научный сотрудник, хранитель музея-усадьбы «Тригорское», в 1989–1995 — заместитель директора Пушкинского Заповедника по научной работе.

Ступина Елена Алексеевна — ведущий научный сотрудник музеиных фондов Пушкинского Заповедника.

Якубовская Елена Ивановна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник фонограммараива (отдела фольклора) Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН) (Санкт-Петербург).

Содержание

[Вступительное слово].....	3
----------------------------	---

I. «...Душа в заветной лире...» Материалы Михайловских Пушкинских чтений (21–22 августа 2019 года)

Геннадий Антонов

ПРОЕЗД А.С. ПУШКИНА ИЗ ОДЕССЫ В МИХАЙЛОВСКОЕ В АВГУСТЕ 1824 ГОДА	
История, география, хронология.....	5

Юрий Киселев

СЕЛЬЦО БУЛАЕВО ПСКОВСКОГО УЕЗДА — НОВЫЙ ПУШКИНСКИЙ АДРЕС	
К вопросу о местах пребывания А.С. Пушкина в Пскове.....	23

Владимир Васильев

ПСКОВ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ: ЧТО БЫЛО, ЧТО ОСТАЛОСЬ	38
---	----

Валентина Ганибалова

ВЕНОК ПУШКИНУ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ. МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР	47
--	----

Наталья Зариня

«КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ» Литература как источник вдохновения в творчестве Сергея Рахманинова.....	50
---	----

Елена Якубовская

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ-ЭССЕ АЛЕКСАНДРА ЯКУБОВСКОГО «АЛЕКСАНДР ПУШКИН — РУССКИЙ ПОЭТ».« ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ	75
---	----

II. «...Во славу Руси ратной...» Материалы Михайловских Пушкинских чтений (20–23 августа 2020 года)

Галина Седова

СТИХОТВОРЕНИЕ «Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕРУКОТВОРНЫЙ...»: НОВЫЕ СМЫСЛЫ	82
---	----

Галина Симакина

ОБ ОДНОЙ АРХИВНОЙ НАХОДКЕ.
К БИОГРАФИИ П.А. ГАННИБАЛА.....92

Александр Кондратенко

ГЕНЕАЛОГИЯ РОДА ПЕТРА СТЕПАНОВИЧА ЛОБКОВА,
СОВРЕМЕННИКА А.С. ПУШКИНА,
АВТОРА ДНЕВНИКА «РОДОСЛОВНАЯ ЛОБКОВА
И ПАМЯТНИК ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ» (XIX ВЕК).....100

Анатолий Давыдов

РЯДОВОЙ ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
П.Г. БОРЗОВ
К истории одного портрета.....109

Елена Севастьянова

БЕСЦЕННЫЙ СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ
Новые сведения о жизни А.В. Кологривова, правнучка Пушкина.....115

Елена Ступина

МЕЛЬНИЦА, КОТОРУЮ ПОСТРОИЛ
ПОМЕЩИК ИВАН ОСИПОВ
История в казенных письмах.....141

Наталья Виноградова

ИНФРАСТРУКТУРА ПОСЕЛКА ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ
В ГОДЫ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ
По документам управления Пушкиногорского района
периода временной немецко-фашистской оккупации158

Борис Ганибал

ГАННИБАЛ КОНСТАНТИН. 1900–1945
Могила советского офицера на воинском кладбище в Польше170

Александр Кузьмин

ИМЯ СУВОРОВА НА ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ190

Анна Голованова

ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ПАМЯТНИКА
«ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР» В СОХРАНЕНИИ
И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ203

III. «От вас беру воспоминанье, а сердце оставляю вам...»

Материалы VIII научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе»
(25–27 апреля 2019 года)

Сергей Пинчук

БИБЛИОТЕКА В ТРИГОРСКОМ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА 212

Елена Ступина

К БИОГРАФИИ СВЯЩЕННИКА ОПОЧЕЦКОГО СОБОРА
ПЕТРА ПОГОНЯЛОВА — ОДНОГО ИЗ ВЛАДЕЛЬЦЕВ КНИГИ
«СИСТИМА, ИЛИ СОСТОЯНИЕ
МУХАММЕДАНСКОЙ РЕЛИГИИ»
ИЗ СОБРАНИЯ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА 220

Людмила Карпушина

ФЕНОМЕН КНИЖНОГО СОЗНАНИЯ ГЕРОЕВ
А.С. ПУШКИНА И М.Н. ЗАГОСКИНА 239

Урве Ая

«НЕ БЫЛО ГОСТЕЙ — ПОНАЕХАЛИ...»
Тема гостеприимства в пословицах 245

Брюно Бентц

ГРАВЮРЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДВОРЦА МАРЛИ 252

IV. Из воспоминаний сотрудников Пушкинского Заповедника

Галина Симакина

«ЧЕМУ, ЧЕМУ СВИДЕТЕЛЯМИ МЫ БЫЛИ...» 257

Краткие сведения об авторах сборника

«Михайловская пушкиниана» 265

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 81

Душа и слава

**МАТЕРИАЛЫ
Михайловских Пушкинских чтений
(2019–2020)**

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Обложка, обработка фото Е.А. Мужаревская
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова

На первой странице обложки:
В.В. Лысюк. Михайловское.
Холст, масло. 65 × 62 см. 1986

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы,
сельцо Михайловское

Распространяется бесплатно

12+

Подписано в печать .2021. Формат 60x88 $\frac{1}{16}$.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Объём 17,0 печ. л.

Заказ № . Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.

180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.